

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Владимир Бутенко
Судный камень
Рассказ 11

Владимир Маляров
Рассказы 27

Олег Солдатов
Рассказы 83

Сергей Скрипаль
Бессоница
Мизансцены 105

Виктор Кустов
Рассказы 161

ПОЭЗИЯ

Екатерина Полумискова
Стихотворения 3

Елена Гончарова
Стихотворения 73

Алла Мельник-Халимонова
Стихотворения 141

КРАЕВЕДЕНИЕ

Владимир Лычагин
Ставропольская сцена
в лучах истории..... 247

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Вячеслав Головкин
«Жизнерадостный революционер»
из Ставрополя 174

Главный редактор
Владимир Бутенко

*Литературное
Ставрополье
№ 4 (2022)*

© Правительство
Ставропольского края

ББК 84(2Рос=4Ст)
УДК 821.161.1
Л 64

Редакционная коллегия:

**И. Аксенов, Н. Блохин, Е. Гончарова,
А. Куприн, Е. Полумискова, С. Скрипаль,
Т. Третьякова-Суханова**

Л64 Литературное Ставрополье. Альманах № 4.
– Кемерово: ОАО «ИПП «Кузбасс», 2022. – 260 с.

ISBN 978-5-85905-651-4

Адрес редакции:
355006, г. Ставрополь, пр. К. Маркса, 78.
Тел. (8652) 26-31-50.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

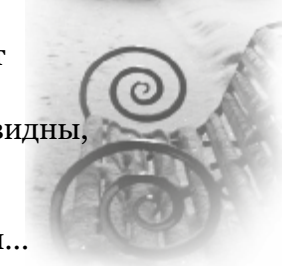
Татарское городище

Майский день.
Заповедный цветущий луг.
И разлитое солнце по склонам.
Я опять выбираю одно из двух
Вопреки всем земным законам:
Шаг назад –
        к перекрёстку былых эпох,
Шаг вперед и навстречу –
        к истине.
То ли стон земли,
        то ли ветра вздох?
Может быть,
        это лес аплодирует листьями
Позабывтым богам,
        безымянным вождям,
Вновь возникшим из времени
        крошева.
И трава прорастает навстречу
        дождям,
Извлекая корни из прошлого.
На поверхность, к свободе, туда,
        где свет,
К незнакомым далёким потомкам
Пробивается жизнь
        через тысячи лет
По стеблям негнибаемо-тонким.
Здесь руины дворца или храма видны,
И керамики древней осколки
У развалин тройной,
        неприступной Стены...

**ЕКАТЕРИНА
ПОЛУМИСКОВА**

Поэзия

Сколько лет вы молчали? Сколько?
Под ногами – столетий безмолвная пыль
На останках безвестного града,
Что в безвременье канул. И только ковыль
Городище скрывает от взгляда.
Только ветра порыв, и дыханье земли,
Как укор от далёкой эпохи:
«Почему вы наследие не сберегли?
Неужели дела так плохи?»
Что на это сказать?

Возвращаюсь домой,
В город свой из стекла и бетона,
О котором в грядущей эпохе земной
Будет знать лишь бессмертник со склона.

***

Синий Дон своим теченьем быстрым
сносит лодку к берегу назад.
И стрекозы стайкой серебристой
в тростниковых зарослях кружат.

Эх, тростник, ты – мечник, страж зелёный
этих древних скифских рубежей!
У станицы Вёшенской по склонам
нынче льётся солнечный елей.

Только нет доверья переправам –
батюшка мой Дон, позволь шагнуть!
Здесь же в восемнадцатом, кровавом,
прадеда земной прервался путь.

Соскользнула в сумерках подвода,
кони же с моста сорвались вниз,
он – за ними в ледяную воду,
скарб – на дно, но лошади спаслись.

Хоронили в Пасху. Отпевали
наскоро. Горели курени.
Не тростник звенел – клинки из стали
поминали прадеда в те дни.

А сегодня контуром нечётким,
как во сне, вдруг в памяти возник
этот мост у Вёшенской и лодки,
Синий Дон, стрекозы и тростник.

Отец

За полвека жизнь подытожу –
Роковых не сочту потерь.
Как же я на отца похожа...
Становлюсь так похожа теперь!
Говорил мне – с людьми не ссорься,
В пустоту не роняй слова,
Никогда ничего не бойся,
Если знаешь, что ты права.

Не хитри – ведь обманом душу
Не согреешь среди зимы,
И плохих советов не слушай.
Пусть наивными были мы,
Не бросали свои идеалы
На алтарь Золотого Тельца.

Мир с тех пор изменился мало.
Но... Я – дочь своего отца!

Мама

Мама! Я голос твой через грядущее слышала
даже тогда, когда ты ещё точно не знала,
кто будет – сын или дочь.
Жизнь эта хлынула ливнем, цветущими вишнями,
бешеным штормом, лавиной девятого вала,
и ты успевала помочь.

Взгляд твой, как солнечный луч –
в слюдяное окошко,
серости суетной наперекор, расплавляя печали,
будил, как весною капель.
Каждый мой день прорастал в это небо
душистым горошком.
Руки твои меня нежно, с любовью качали.
Весь мир – лишь моя колыбель.

Мама... Безжалостно время, что сжалось улиткою,
каменной плиткой, примятой травой на аллее
и мраморной белой плитой.
Вечность стрелой пронеслась,
антилопою прыткой.
Ты вслед за нею ушла, ни о чём не жалея
в реальности этой и той.

Каждый мой вздох, каждый шаг
твоей болью оплачены,
каждый мой промах уже твоим сердцем прощён.

Радуюсь, плачу ли, знаю – не будет иначе,
и не было чувства сильнее,
и вряд ли случится ещё.

***

От сотворенья мира и поныне
Мы о своей мечтали половине,
Забыв небесной родины секрет
И оставляя за собой пустыни
На грех и войны изведённых лет.

И где теперь Руси былая слава?
Вокруг всё те же доли и дубравы,
И храмов золотые купола.
Да только не такие нынче нравы,
И святость в вечность канула, ушла...

Как быть?
В погоне призрачной за златом
Не растерять бы, не предать, что свято,
Не рвать времён связующую нить,
Как Пётр и как Феврония когда-то,
Любовь свою и верность сохранить.

А ничего другого и не надо!
За беды и лишения награда –
Семья, отец и мать, да детский смех,
Тепло и нежность любящего взгляда
И Родина, единая для всех!

***

А всё-таки, как хочется весны!
Сугроб среди заснеженного сада
в период своего полураспада
вот-вот досмотрит утренние сны
о прошлом...

Или будущем.

Зима

махнёт на север перелётной птицей,
под метроном капли растворится
сосулек ледяная бахрома.
Не плачь, капель!
Все слёзы ни о чём,
когда под гомон птиц движеньем робким
рассветный луч скользнёт по тальим тропкам
и поцелует землю горячо.

Март

Март как конь золотогривый,
но не слушает поводыев.
Жизнь рекой идёт в разливы.
Я, как заяц в половодье,
вслед за лодкою Мазая –
вплывь ли, вскачь, полушажочком
от несчастий ускользаю –
всё по кочкам да по строчкам.

Что обиды?
Волчья стая,
прошлогодня солома.

Снова надписи читаю
на колечке Соломона.
Дни, стреноженные светом,
как табун в небесном своде.
Всё пройдёт, пройдёт и это.
Не проходит?
Не проходит.

Уильяму Шекспиру

Что Рай? Обман.
И сущий Ад – враньё.
Меня страшит неверие моё.
Невежества и глупости величие,
Обитель Зла – людское безразличие.

Но тронь его – и пошатнётся мир.
«Ад пуст, все бесы здесь» – писал Шек-
спир.
Вся жизнь – у края бездны, у черты.
Что ад, что рай...
Но был ли счастлив ты?

Тишина

Послушай, брат! Такая тишина
Бывает лишь в степи перед грозой,
Где небо цвета стали с бирюзой
И каждая травинка, как струна.

Ты только до последнего не тронь

Ковыльной, в миллионы струн, гитары.
Лишь Бог решит покой обрушить старый,
Метнув и гром, и ливень, и огонь.

А тронул – о пощаде не моли!
Сверкнув в полнеба дальние зарницы,
И над землей промчатся колесницы
Святого непреклонного Ильи.

Лишь Бог решит, кто прав, кто виноват.
Душа как степь у Бога на ладони –
В Приволжье, Приднестровье и Придонье!
Ты с тишиной не спорь до срока, брат...

Судный камень

Рассказ

В хуторе Анна Акимовна слыла женщиной справедливой и отзывчивой и, несмотря на почтенный возраст, была открыта простым житейским радостям. В разговорах с бабами частенько шутила:

– Я все свои годочки за спину закинула – и не оглядываюсь, не считаю, сколько их там...

Всегда аккуратная, сухонькая, с колкими зелёными глазами, она оставалась такой же расторопной и похватной, как в молодости, когда выступала на клубной сцене с гармошкой. И недаром именно к ней набивался, прилаживался в сожители вдовый учитель Ершов из соседней станицы.

И когда гроыхнула входная дверь, качнув занавеску, Анна Акимовна подумала, что пожаловал ухажёр-пенсиянер, – обещал поделиться свежим подсолнечным маслом.

Но в горницу вломился, сверкая бритой башкой, незна-

**ВЛАДИМИР
БУТЕНКО**

Проза

комый мужик. Громила в кожаной куртке. Бегло окинув комнату, он схлестнулся глазами с настороженным взглядом хозяйки.

– Здорово, мамаша. Анна Акимовна вы будете?

– Считай, не промахнулся.

– Нам мазать не положено... Ну, ладушки. Встречайте гостя! Брата своего... Только зря не волнуйте. У шефа инсульт был... Георгий Акимович, вас ждут!

Если бы незнакомец обернулся чёртом или объявил, что приехал сам президент России, казачка растерялась бы меньше, чем сейчас, услышав имя младшего брата, сгинувшего лет тридцать назад.

Тот, кто вошёл, мало чем напоминал Жорку. Жёсткое, скуластое лицо, помеченное на левой щеке шрамом, в глубоких глазницах – холодноватые, бутылочного оттенка глаза, увеличенные линзами очков в тонкой золотой оправе. Чужой как будто, далеко не добрый человек. Но одет по-благородному: ворсистое чёрное пальто до пят, бордовый шарф, светлая сорочка с галстуком.

Сняв широкополую шляпу, он передал её бритоголовому. Вглядываясь в лицо хозяйки, хрипловато поздоровался:

– Ну, со свиданьем, Анюта!

– Здравствуй, коли не шутишь... Чи ты, Жора?

Гость блеснул рядом матовых фарфоровых зубов, улыбнулся шире и распахнул руки. Обнялись. Вдохнув резкий аромат одеколona, Анна Акимовна хотела было выжать слезу, но не получилось. Просто завздохала, закачала головой.

– Ну, ты прямо как снег с неба... И не чаяла свидеться. Слава богу, живой! А мамочки с папочкой давно нет... Я им памятник на двоих поставила. Из гранита. Посмотришь...

– У нас программа расписана на весь день, – вполголоса напомнил бритоголовый, давая понять, что менять её нежелательно.

– Ну, тогда раздевайтесь, садитесь, – пригласила взволнованная хозяйка.

Громила принял от шефа одежду, повесил ее и присел на диван. В черном свитере, обтягивающем плечи, и джинсах, он походил на какого-то заграничного актера. И Анна Акимовна удивилась, когда брат представил:

– Это Сэм, помощник.

– Американец?

– Мы теперь все почти американцы... Ну, нянька моя, как живешь? Помнишь наше детство?

– Да уж, понянчила тебя! Бусорный был и чернящий, вроде грачонка, а зараз жизнь присолила!

– Присоли-ила, – усмехнулся Георгий и провёл жилистой ладонью по серебристому ёршику. На ее тыльной стороне синела наколка.

– Мне, братушка, хвалиться нечем. Пальцы, видишь, скрючило. Суставы к непогоде жуют, мочи нет. И мужа, Жорик, похоронила.

– Не называй так! Это слово меня позорит. Означает – мелкий жулик, – перебил гость.

– Сердце у него не выдержало. Всю жизнь на тракторе вкалывал. Летом в кабине – пятьдесят жары, зимой – двадцать мороза. А тут еще пил!

По фляге самогона с соседом выцеживал. Один сынок, Серёга, остался. Да невестка и внук, да куры на дворе и кошка серенькая. Вот и вся компания! – хозяйка перевела дыхание. – Ну, гостей байками не кормят! Я картошечки поджарю. Соленья у меня. Можно яишню...

– Не дёргайся, не надо, – с усмешкой остановил Георгий. – У нас всё есть. Сейчас стол накроют... Ты получаешь пенсию?

– А как же! В аккурат – на хлеб, соль и спички. А воду бог и бесплатно даёт. Сильно меня обидели. Насчитали девять тысяч. Проишачила в колхозе сорок два года – и вот моя цена!

Брат повернулся к помощнику с помрачневшим лицом.

– Секёшь, что суки творят... Была передовой дояркой. На съезде партии фоткалась с генсеком, Лёней-шепелявым, а теперь – на мусорку... Скажи Оксане, пусть заходит!

Улучив момент, пока не было посторонних, Анна Акимовна поинтересовалась:

– Ты проведать чи по делу?

– И то, и другое. В депутаты Госдумы избираюсь. Хоть и живу в Подмосковье, а на родине шансов больше. Мотаюсь по участку с командой.

– А в тюрьме... долго отсидел?

– Отмотал по полной. Больше об этом не спрашивай. Замнем для ясности!

– Чи женат? А по какой части работаешь?

– По той же самой, сестрёнка. Есть шелупонь, а есть солидные люди, как я. Авторитеты. У меня, кроме всего прочего, – акции нефтянки, шоу-биз-

нес. Хочу построить завод минеральной воды в станице Майданской. Там водичка не хуже нарзана.

Впорхнула с баулом в руке блондинка, удерживая улыбку на кукольном личике, прощелбетала приветствие и стала расставлять на клеенке пластмассовый столовый набор. Анна Акимовна предложила свою посуду, но Георгий не разрешил. Девушка быстро управилась. От запахов копчёностей, осетрового балыка, порезанных на четвертушки апельсинов у хозяйки, питавшейся однообразно, засосало под ложечкой. Увидев, как Сэм водружает на стол бутылки с заграничными ярлыками, Анна Акимовна вскинулась и заспешила в погреб за винцом и малосольными помидорами.

Над подворьем, над степью донской, осиянной блеском солнца, оседали паутинки. Теплынь бабьего лета обволакивала, умиротворяла. Анна Акимовна приостановилась на крыльце, ловя ласковые полуденные лучи. На улице стояли два огромных черных автомобиля. Дверца ближнего была открыта, играла иностранная музыка. Ещё два плечистых мужика в таких же куртках, как у Сэма, курили, опершись спинами о частокол.

Пока брала миску, отмыкала погреб и черпачком вылавливала со дна кастрюли помидоры, семьдесят дум передумала. И радовалась, что нашёлся Жорка, и побаивалась его, не раз сидевшего в тюрьме. Может, от полиции скрывается? Потому и явился, насочинял про выборы? С детства вёл он себя непредсказуемо, но всегда стоял за справедливость. Защищал обиженных друзей.

Неплохо учился и после восьмилетки поступил в автодорожный техникум. Но связался с ростовскими урками, на краже попался. С того дня и пошел под откос. Второй раз осудили за воровство. А в третий – посадили надолго, за убийство ювелира. Вот и выходит, что с юности не бывал в хуторе. Все Замаховы – многочисленная родня – стыдились Жорки, даже имени его не упоминали. На тюремные письма отвечала мать, а батя не простил. Несколько раз и ей, старшей сестре, присылал арестант поздравительные открытки. Она их выбрасывала. И вот теперь, спустя столько лет, ворохнулось в душе негаданное, покаянное чувство, что не поддержала брата в трудную минуту, не согрела добрым словом. А если бы навалились они всей семьёй, может, и жизнь Георгия сложилась по-иному.

К самому застолью подгадал моложавый атаман Подрясов, усатый, в форме казацкого офицера и скрипучих сапогах. Замахов встретил рослого красавца-есаула довольно сдержанно.

– Догнал?

– За вашими «мерсами», Георгий Акимович, разве успеешь? Я в райцентр заскочил. Договорился насчёт встречи в администрации. А ровно в пять ждут на элеваторе.

– У нас в семь тридцать ужин в Ростове, – возразил Сэм. – С «замом» губернатора.

– Тогда я на четыре перенесу, – предложил атаман и пошел обратно к двери, на ходу стуча пальцами по экрану смартфона. Вскоре он вернулся со двора, сообщил, что всё улажено.

Замахов властно глянул поверх очков – и все смолкли. Устоялась тишина. Хозяйка заботливо обежала глазами: у всех ли вилки и тарелочки, всем ли налито?

– Многое у меня есть. Многого достиг. А захочу – еще больше будет! Я человек состоятельный! – с бравадой произнес Георгий Акимович и резко понизил голос. – А знаете, чего нельзя купить?

– Уважение людей, – самоуверенно изрек атаман.

– Можно. И ты мне в этом, ваше благородие, помогаешь... Нельзя купить дом, в котором родился. В том смысле, что у каждого он свой. И я сегодня – здесь!

Замахов, дёрнув кадыком, опрокинул рюмку домашнего вина. Вслед за ним атаман молодецки хватил водки. Анне Акимовне было приятно, что брат предпочёл всем напиткам домашний выдержанный мускат. И когда подошла очередь говорить хозяйке, от волнения она вдруг стала оправдываться.

– Извиняюсь, что в домашнем... Знала бы – нарядилась. И пирогов бы напекла! Ну, да ладно... Думала, Жора, нет тебя. Зарезали или еще что... А ты объявился. За нашу встречу!

– Быть добру! – громкоголосо вставил есаул.

Смущенная Анна Акимовна чокалась с гостями, а сама, теплея сердцем, посматривала на солидного брата, ловила его темный, как бы ушедший в глубину взгляд.

Потом «толкал речь» Подрясов, хваля кандидата и призывая помогать землякам, которые,

конечно, окажут ему доверие. Оратора слушали нехотя: помощник время от времени заглядывал в папку, девица хлопотала над тарелочками. Однако, как они ни отвлекались, ловили каждое слово шефа.

Замахов первым отложил вилку. Посидев в задумчивости, скользнул взглядом вдоль стола и грубо скомандовал:

– Кабак закрыт! Дёргайте на воздух. Хочу побыть с сестрой.

Помощник и эскортница тотчас вышли. А ес-ул, обидевшись, что его выгоняют из-за стола, не спеша дожевал ветчину и до дна допил водочку. Встав, сощипнул с рукава мундира пушинку. Нарочито медленно захлопнул дверь.

Анна Акимовна никак не могла подстроиться под брата. Его настроение постоянно менялось. В нем, родном человеке, точно бы таился бес, исподволь прорываясь наружу. И вот опять: с лица исчезла суровость, и повеселевший Георгий наклонился к ней.

– Подарка не привёз. Сама выберешь, – и достал из внутреннего кармана пиджака запакованную пачку купюр, положил под руку сестре.

– Пол-лимона. Верней, полмиллиона, – поправился он. – Делай с ним, что хочешь.

– А зачем столько? – сдвинула брови Анна Акимовна. – Я не возьму.

– Бери, когда дают, беги, когда бьют... Так нас отец учил?

– Забери обратно! – настойчиво повторила хозяйка.

– Я не нищая. Еще сама картошку сажаю. Сын помогает, вот что!

– Ты меня, милая, не обижай, – с нажимом сказал Георгий, вкладывая в слова такой потаенный недобрый смысл, что у Анны Акимовна похолодела спина. – Я от души. Бабки чистые. Не привык, чтоб отказывали... Считай, что заработала. Когда приедут гаврики с телевидения, – расскажешь обо мне. Похвалишь.

Но Анна Акимовна уже оправилась от неприятного чувства.

– Ага! Жди. Расскажу правду. И хорошее, и то, как ты девчонке косу обрезал и учителя чернилами облил.

Георгий с натянутой улыбкой обнял сестру за плечи. Она отстранилась.

– Я тебя, Жорка, побаиваюсь.

– Опять обижаешь. С чужими – и я другой. На мне клейма ставить негде... А в твоём доме тот, что был в детстве... Ты думаешь, я в депутаты лезу? В натуре отбираю голоса, чтоб прошёл нужный «наверху» человек. Бью понты, короче.

– Эх, бедовой ты, бедовой. Всё крутишь-вертишь... А жена, дети есть?

– Были бабы. Последняя загуляла. Наказал. Сын в Германии живет.

Беседу нарушило появление светловолосого мальчишки. Он юркнул в дом и, прищутив алычинки тёмно-синих глаз, смело уставился на приезжего дядьку. Замахов, догадавшись, что это внук сестры, подмигнул:

– Ты кто такой?

– Иван Замахов, – заученно выпалил пострел.
– Да это мой наследник, – посветлела лицом Анна Акимовна. – Дня не утерпит. На гармошке учится... Ну возьми, Вань. Не робей!

Щуплый мальчуган принёс из спальни старинный инструмент. Взгромоздился на стул и поставил на колени двухрядку. Просунул под потертый ремень ладошку, блеснув зелёным перламутром кнопок. И, подняв глаза к потолку, растянул меха.

Гость, подавшись вперёд, послушал знакомые с детских лет мелодичные переборы. Но довольно скоро потерял интерес, – Ванюшка играл ещё неумело, путался. Думая уже о чем-то своем, Георгий встал и, проходя к вешалке, провел ладошкой по верхнему краю мехов, точно погладил. Затем неторопливыми движениями надел пальто, обернул шею шарфом и кивнул на дверь:

– Пойдем, Аня, по саду погуляем.

Едва за ним закрылась дверь, как внук удивленно округлил глаза:

– А кто это?

Анна Акимовна убрала деньги в карман фартука, сдернула с верхней полки забытую гостем велюровую шляпу и ответила первое, что пришло на ум:

– Депутат. Когда-то жил у нас...

Свита ожидала у машин. А Георгий брёл по тропе сада, вороша чёрными лаковыми туфлями облетевшую листву. Фиолетовые тени падали с двух сторон. Ветерок тянул из долины, неся горчавинку полыни. А в стороне, за околицей,

отчётливо темнело крестами и пирамидками кладбище. Георгий посмотрел туда с застывшим лицом. А затем прикипел взглядом к родительскому дому, хорошо видимому с речного берега. Не одному поколению Замаховых был он жизненной пристанью, и поныне казачье строение, белостенное и высокое, с резным фронтоном и кирпичной трубой выглядело надёжным.

– Экскурсию проводишь? – простодушно спросила Анна Акимовна, хотя весёлости в ее голосе было маловато. – Как по музею.

Шутка почему-то задела Георгия, он поморщился. Промолчал.

– Раз ты нашёлся, братушка, то должен чаще приезжать.

– Как получится... Я постоянно в делах. Гость ненадёжный. Как говорится, демисезонный фразер... А ты такая, как была, с душой ясной... Может, вам церковь построить? Я помогу.

– Было бы хорошо! Только верующих в хуторе горстка. А молодёжь про бога только на Пасху вспоминает. По телику её другому учат. Американскому.

Пологим спуском брат направился к реке. Бережок зеленел сквозь старые засохшие стебли порослью пырея, кое-где торчали вешки цикория с блёклыми голубенькими цветками. Плёс был неширок, отделён плотной стеной рыжего камыша.

– Какая вода! До дна видно, – оживился Георгий. – Как-то в самую жару, днём поймал сома. Подфартило! И купались здесь...

– А помнишь, как дед тебя на камень ставил за то, что не хотел огород поливать? Вон он, рядом с пеньком, – показала рукой Анна Акимовна.

Замахов свернул к угластому плитняку, на котором в прежние времена вязали камышовые маты. Взойдя на серую твердь, повернулся к сестре.

– Дед называл его судным. В старину казаки на таких камнях разборки делали. Не виновен – горилку пить, дали приговор – камень на шею и в Дон!

– А тебе много приговоров выносили? – сорвалось с языка, и Анна Акимовна не придавала этому особого значения.

Но лицо Георгия вдруг побагровело, отчего шрам на щеке проступил отчетливей. И в одно мгновение внутренний бес овладел братом! Перед Анной Акимовной предстал мрачный, с тяжёлым взглядом отчуждённый человек, готовый на что угодно. По всему, он воспринял её слова как унижение, и только усилием воли сдерживал себя, молчал. Она испугалась так, что закололо сердце. Но, осмелев, с примиряющей улыбкой попросила:

– Ты не обижайся, братушка. Я без умысла.

– Я просил не лезть в душу! – выговорил Георгий сдавленным голосом. – Зачем тебе, сколько у меня ходок? Или хочешь ещё сама судить? Давай. Оглашай состав преступления...

– Ты что, Жора. Я ваших законов не знаю.

– Вижу, мой приезд тебе не в жилу. Не можешь принять таким...

– Для меня ты любой – брат! Не входи в раж, опомнись.

– Давай! Суди, родная...

– Я не бог, – уже твёрже проговорила Анна Акимовна. – А твоя сестра. Кровь у нас одна, да растеклась в разные стороны. А в библии прописано: не суди и не судим будешь.

Замахов, отвернувшись, прошел мимо неё. Остановился. И сама не зная почему, Анна Акимовна подошла к брату и надела ему на голову шляпу. Он порывисто обернулся.

– Скучаю по матери, – вдруг с обжигающей болью признался Георгий. – Только она одна не бросила... У тебя есть фотографии?

– А как же! И молодая. И уже в годах.

– Я сниму на смартфон.

– И заberi на память шкатулку! – горячо стала убеждать Анна Акимовна. – Она в ней письма твои хранила.

В доме Георгий не задержался. По несколько раз снял фотокарточки матери. Осмотрел ореховую шкатулку старинной работы и согласился принять в подарок. Ещё раз прошёлся по всем комнатам, точно хотел покрепче запомнить каждую мелочь. Напоследок выведала Анна Акимовна, в какую сторону они поедут, и засуетилась.

– Как раз подвезёте до магазина. А то пешком – далеко вато.

Вместе с Ванюшкой сели на заднем сиденье «Мерседеса». В полиэтиленовом пакете Анна Акимовна передала шкатулку в руки брата. Веро-

ятно, для лучшей сохранности обернула её старыми газетами.

– Потом достанешь. Смотри, чтоб не украли, – строго предупредила Анна Акимовна. – Очень дорогая!

Сэм, сидевший за рулем, переглянулся с Георгием Акимовичем и снисходительно промолчал, трогая автомобиль с места.

– Ты о сыне расскажи, – обернулся Георгий. – Может, ему помочь?

– Нет! Что ты... Он на заработках, на Урале. Вахтовик. Хочет и семью перевезти. А я против! Как это можно родину бросить! Мы ему хороший дом построили. А невестка в детском саду воспитательницей.

– Звони, если что.

Анна Акимовна и Ванюшка долго махали вслед машине, в которой уехал Георгий. Внук не мог устоять на месте от радости: он впервые прокатился на таком крутом «Мерседесе»! Его подмывало быстрее рассказать об этом пацанам...

Вечером, уже в потёмках, непоседа пришёл снова. Как репей пристал – учи да учи! И пришлось Анне Акимовне поневоле взять двухрядку.

– Мой отец привез ее с войны. Тыщу раз эта гармошечка на свадьбах и на проводах играла! Потому и западают кнопки. Ну, слушай. «Возвращался казак поседельный»!

Она прокашлялась, строго взглянула на внука. Растянула меха – и голоса ожили, ведя нежную и печальную мелодию, им чутко вторили басы. В глазах казачонка блеснул восторг! Ему казалось,

что ещё немножко, и он поймёт, как нужно перебирать пальцами, чтобы звучала такая манящая музыка.

– И-и-эх, ды-а-а, возве-ернулси кы-ыазак пооседелы-ый...

Распевно и сильно, точно перед тёмной пропастью, тянула Анна Акимовна, вода мехами. Ванюшка подпевал и неотрывно следил за её руками, не замечая, что на щеке бабушки блестит слезинка.

Поздним вечером Анна Акимовна вышла во двор, чтобы запереть погреб. Глаза её давно не различали в небе звёздочек, а видели только большие созвездья. И теперь переплетения их огнистых ручейков волнующе сияли над степью. И снова с грустью вспомнилось о брате. Вряд ли срастутся их судьбы! И завернул Георгий в хутор попутно, а не потому, что истосковался. Все карточки сфотографировал, а заехать на могилу матери минуты не нашёл. Хотя и обменялись номерами телефонов, а вряд ли позвонит. Особенно после того, как обнаружит в шкатулке свои деньги. Эта уловка пришла ей в голову, когда речь зашла о матери. «Видно, нас мамка с небес помирила», – перекрестилась Анна Акимовна. Однако подспудно томило сомнение: не зря ли отказалась от царского подарка? Серёга бы машину купил... Но жалеть поздно и не о чем. Да и какие у Жорки могут быть «бабки чистые»? Если покопаться глубже, окажутся они – тёмные. Недаром планиду избрал – грешную, преступную. Это у неё, хуторянки, деньги от земли-матушки и заработаны

честным трудом. Взяла бы подачку – никогда бы руки не отмыла. И стыд носила в душе.

В доме одиноко щёлкали электронные часы, светясь циферблатом. Утекало времечко, утекало... Анна Акимовна решила никому не говорить о том, что приезжал брат. Так, дескать, дальняя родня. А вот соседок и Ершова на угощение пригласить надо, – деликатесы остались и бутылки заморские. Посиделки теперь не часты. Раскололи народ Горбач и Ельцин. Одни разбогатели, другие – рублики считают. Не стало равенства. Точит людей зависть и обида от несправедливости. Волками друг на друга смотрят... Хорошо, Господь её снова от греха отвел. Не поддалась искушению. И осталась такой же, какой была всю жизнь. И от этой мысли на душе Анны Акимовны стало легче, точно сбросила с плеч камень.

А ночью опять разболелась душа. До зари не сомкнула глаз. Плакала. Ей было жалко брата...

Названные братья

1

На хутор Бережки вернулись с афганской войны два товарища – Николай Найдёнов и Славка Реутов. Они – названные братья, решили не расставаться и после службы. Приехали на хутор Бережки – малую родину Славки Реутова.

Сам хутор вольготно раскинулся вдоль холмистого берега Симкиного озера, в которое впадала одноимённая речка – Симка. В озере в незапамятные времена якобы утопилась подневольная девица-краса Серафима – Сима в простонародье, изнасилованная похотливым баринном.

Может быть, когда-то Бережки и был хутором из нескольких жалких дворов, но ныне это целое село с добротными домами. Забегая вперёд, вскоре появились на берегу озера и роскошные особняки, отстроенные пришлыми богатеями, сумевшими поймать

**ВЛАДИМИР
МАЛЯРОВ**

Проза

свою золотую рыбку в мутной воде очередного русского катаклизма.

Парни появились на хуторе накануне того самого «катаклизма», то есть в начале 1989 года, после окончания бесславной, но кровавой афганской кампании.

Бывший детдомовец и бравый демобилизованный старший сержант Николай Найдёнов в младенческом возрасте был подкинут кем-то ночью на порог роддома и найден поутру старой дворничихой. Он так и остался Найдёновым, не изведавшим ни материнского тепла, ни ласки. Отчество – Петрович – взял от имени хромого инвалида Отечественной войны и директора детского приюта Петра Семёновича Степанова – многих пацанов директор одарил своим отчеством, а кого и фамилией.

Недолго прохлаждались друзья и уже через несколько дней включились в работу местного совхоза. Оба механизаторы. И на афганской войне служили на одном «бтээре», Николай – командиром, а Славка – водителем. Оба были контужены одной миной, и оба имели по ордену Красной Звезды за умелые действия в продолжительном бою за сохранение колонны автомашин с жизненно важным грузом.

Надо ли говорить, что парни спустя некоторое время приобрели авторитет и почёт среди населения хутора Бережки. Их не назовешь красавцами, но это были рослые, сильные ребята, готовые постоять за себя и друг за друга, в чём убедилась совсем скоро местная шпана, в духе времени назвавшаяся «братками».

Николай – смуглолицый и слегка курчавый тёмным волосом, смахивал, как ныне говорят, на лицо кавказской национальности, но не узнаешь, чей грех таился в подкидыше. Славка, тот попроще – конопатый и с рыжими кудрями. Как бы там ни было, но у местных девчат оба парня были на прицеле.

Первым женился Славка. Ольга, славная двадцатилетняя девушка, никогда не унывающая хохотушка и толстушка, фельдшерица местной больницы увлекла Славку. Все вечера проводил в хуторской больничке, в которой и проживала Ольга, приехав по назначению в Бережки.

– Ты знаешь, – сообщал Славка другу, – целуюсь до упаду и мну её чуть не до обморока, ну, думаю, всё – моя взяла. Хрен там! Начинает меня по мордасам лупить, а то и реветь... Не выношу слёз! Измучился, брошу эту канитель!..

У друзей не было друг от друга никаких тайн, даже в таких вот, интимных делах.

– Ну, так женись, – советовал Николай другу.

– Машину ведь хочу купить, придется маленько, – вздыхал Славка, – а нищих молодожёнов и без меня полно. Вот сидим нынче с тобой без работы...

Да, наступили подлые девяностые, когда одни – бойкие, наглые и алчные, включая и некоторых бывших при власти коммуняк, спешно подгреба-ли под себя всё, что плохо лежало. Другие от недоумения или лени равнодушно взирали на то, как их обирали чужие грязные руки.

Менее чем за год растащили имущество совхоза, куда-то исчезли и его руководители. В разо-

ре умер и сам совхоз. Появились какие-то сомнительные личности, поговаривали, что это будущие арендаторы бывших совхозных угодий, но местным жителям они пока ничего не предлагали.

Николай и Славка перебивались случайными заработками. Из бывшей полевой бригады перетащили домой давно ржавевший под открытым небом сломанный колёсный трактор с навесным ковшем и лопатой впереди, который бойкие не успели сдать на металлолом. Месяц возились, искали запчасти, праведно и неправедно, но запустили машину в работу. Тогда и начались заработки. Трактор с навесным ковшем и лопатой не простаивал и всегда был востребован.

2

Однажды на самой зорьке Славка разбудил Николая, сияя всеми своими конопушками и огненным чубом.

– Колян, у меня с Ольгой всё получилось! – восторженно сообщил он другу. – Ты знаешь, девственницей оказалась, потому и упиралась так долго...

– Но теперь-то женишься? – спросил Николай.

– Вот машину куплю...

– Гляди, а то Ольга может и не дожидаться свадьбы...

– Да, ты чо – мы любим друг друга, а со свадьбой можно и погодить! Сейчас нам и так хорошо...

Наконец, купили вкладчину подержанную «ауди», по шикарному костюму и «годить» было дальше некуда.

Свадьбу Славке отгрохали – будь здоров! Родители у Славки не были богачами. Сами друзья расстарались на свои кровные. Был и свадебный поезд из вереницы машин, и столы ломились от всякой снеди.

У Славкиных родителей молодой семье жить стало тесновато. Престарелых хозяев двое – Никита Макарыч да Софья Карповна, дочка – студентка аграрного техникума Машенька да Славка с Николаем. А комнаток в старом домике всего три. Не стало просторнее и после того, как Николай спешно съехал к старушке-соседке на квартиру.

И друзья подсучили рукава – не боги горшки обжигали. Но к строительству дома, тут же, на родительском просторном земельном участке в сорок немерянных соток, приступили грамотно. Вначале приобрели красочный альбом молодого застройщика. Выбрали картинку, соответствующую реальным возможностям. Затем пригласили старого, ныне немощного и одинокого, бывшего знатного каменщика дядю Витю. «Половина хутора – вот этими самыми...» – любил повторять во хмелю дядя Витя, показывая свои корявые натруженные руки, и недалек был от истины. Он не стал кочевряжиться, назначил «божескую» цену за свое присутствие на строительстве дома и консультацию – бутылка водки «кажинный вечер» и какая-никакая закуска, а также чекушка утром на опохмел.

Парни не могли каждодневно работать на стройке, и дядя Витя в будние дни сторал от нетерпения. На первоначальном этапе строитель-

ства он без дураков советовал, как лучше уложить и закрепить железобетонные блоки под фундамент, помогал заводить углы будущего дома, делать «правильный» раствор под кладку и т.д. Как нельзя кстати на стройке пригодился старый трактор. Сразу снимал многие проблемы.

А дядя Витя то и дело наставлял парней: «Не упускай из виду шнур, уровень, отвес и будет полный порядок!» Ученики оказались способными ребятами, и работа закипела.

Теперь дядя Витя сиживал в тенёчке старой яблони, пил маленькими дозами водку, хрумкал огурчиком, сорванным тут же с огородной грядки стариков Реутовых, и наблюдал за работой парней. Иногда он, держась за поясицу, поднимался с низенькой скамеечки, брал в руки отвес или уровень, и обходил свежую кирпичную кладку. Пока раствор не «схватился», железным немудрёным желобком наносил расшивочку между кирпичами.

Глядя на быстро подрастающие стены дома, дядя Витя начал слегка беспокоиться - строительство дома может окончиться еще задолго до конца лета.

– Не спешите, ребята, не спешите, – начинал одну и ту же песню дядя Витя. – Дом должен усадку сделать а то стены могут на разрыв пойтить. Поспешешь, сами знаете...

Парни, наконец, поняли беспокойство наставника и как-то в разговоре успокоили. Мол, дядя Витя, ваша помощь за вышеобозначенную цену понадобится и впредь – крыша, штукатурка стен внутри дома, настил полов...

– Ой-ёй-ёй! – притворно огорчился дядя Витя. – До конца моей жизни!

– Нет, старый, ты погоди умирать, – сказал Николай. – Ещё мне дом построим...

– На то Божья воля, – почему-то тяжело вздохнул дядя Витя.

Славке дом построили на загляденье и новоселье справили, но, к великому сожалению, сразу после новоселья дядя Витя приказал долго жить.

3

Трудно удержаться от любовного позыва, когда в течение одного дня многожды видишь перед собой милое лицо девушки. Славкина младшая сестренка Машенька именно такой и была – милой девушкой. И если рыжина волоса и конопатое лицо придавали Славке разбойничий вид, то Машеньку лишь украшали косы цвета золота и конопущечки на вздёрнутом носике.

Когда друзья вернулись со своей непростой службы, Машенька училась в девятом классе. В Николая она влюбилась сразу и бесповоротно. Друзья же, что греха таить, на первых порах покуролесили, и не только в Бережках. Бывало и домой возвращались под утро, и не совсем трезвые, а то и слегка помятые в драках. Машенька тайно ревновала Николая к взрослым девчатам, лила слёзы в свою девичью подушку, десятки раз давала себе клятвы – не смотреть на недотёпу-квартиранта, которого она полюбила всей душой, а он...

Наверное, Николай замечал переживания девушки, но не позволял себе ничего такого, что

могло бы скомпрометировать его и девушку. Он относился к Машеньке как к сестрёнке, которой у него никогда не было, а может и была...

Машенька поступила в аграрный техникум, когда женился Славка и Николай съехал на квартиру к соседке. Но он частенько забегал к Реутовым, как свой человек и всегда желанный гость. Машенька в ту пору расцвела в очень привлекательную девушку, и Николаю стало трудно общаться с ней, как с младшей сестрёнкой. Куда подевался его снисходительный тон, каким старшие обычно говорят с детьми, и вообще, когда случилось оставаться наедине с Машенькой, он не находил нужных слов. Зато она неожиданно осмелела и даже позволяла себе подначивать Славкиного друга.

Машенька появлялась в Бережках только по выходным. Теперь переживал Николай. Небось она не скучает в городе, да и не дадут ей там скучать бойкие, нахальные городские сердцееды. Разве можно не заметить такую чудесную девушку!? Он и не догадывался, что Машенька мучилась в ожидании выходного, ни одного не пропускала, чтобы хоть на день, да навеститься домой. Родители и те удивлялись:

– И охота тебе, дочка, каждую неделю мотаться туда-сюда? Отдохнула бы в городе, в кино сходил бы с подружками...

Конечно, маленько лукавили дед с бабкой, догадывались о причине частых наездов домой дочери. И Николай по настоянию стариков вновь вернулся в дом Реутовых.

От автобусной остановки и до родного дома каждый раз Машенька спешила, ног под собой не чуя, и сердце билось, шальное, едва не выпрыгивая наружу. И только увидев радостные, счастливые глаза Николая, девушка переводила дух.

Не могло так продолжаться бесконечно. Однажды в очередной приезд домой Машенька и Николай отправились вечером на дискотеку. Николай был небольшой охотник до танцев, но Машенька настояла, и он не мог ей отказать. Дело в том, что на выходные в родной хутор съезжалась молодёжь, разъехавшаяся по всему краю. Вот Машеньке и хотелось повидать подружек, бывших одноклассников и просто узнать хуторские новости.

Домой возвращались за полночь. Хороша была майская ночь. Из каждого палисадника волнующе пахло сиренью. Под тенистыми кустами, на лавочках, там и тут слышался шаловливый девичий смех или приглушённый голос какого-нибудь парня. А яркие южные звёзды и тёплая ночь не давали и помышлять о сне.

Присели и они на лавочку под акацией у двора Реутовых. Николай закурил, долго мялся, потом, не глядя на девушку, спросил:

– Маш, у тебя там, в городе, кто-нибудь есть?

Она тихонько рассмеялась и также задала вопрос:

– Коль, ты не догадываешься, почему я каждый выходной дома?

– Скучаешь по старикам, по дому... – слукавил он, затаив дыхание и отшвырнув сигарету.

– А ещё? – продолжала допытываться девушка, наклонив голову, пытаясь заглянуть ему в лицо.

– Ну, подружки, одноклассники... – осипшим голосом едва вымолвил Николай.

– Не ври! – заявила Машенька. – Всё-то ты знаешь... – она, привстав, охватила горячими ладошками его низко опущенную голову и поцеловала в губы.

Не успела увернуться. Он поймал её за талию одной рукой, и она оказалась у него на коленях. Целовались-обнимались, забыв про время и короткую ночь. Очнулись, когда во дворе во всю глотку заорал бравый реутовский петух.

Держась за руки, прокрались в дом. В прихожей замялись. Потом Николай решительно повлёк девушку в свою комнату. И она покорно пошла за ним.

4

Николай после той сумасшедшей ночи предложил Машеньке руку и сердце, короче, не откладывая, подать заявление в загс. Но девушка распорядилась по своему:

– Коль, давай свадьбу отложим до осени, – сказала Машенька. – Я оканчиваю учёбу. Училась хорошо, хотелось бы и завершить достойно. Ведь наша любовь оттого не пострадает?

– Нет, конечно, – согласился Николай. – Я просто подумал, чтобы ты не думала...

– Коль, я так долго ждала, нет, не свадьбы, а нашей любви. Наконец, сбылось...

– Это надо ещё поглядеть, кто дольше ждал, пока ты вырастешь...

– Знаю, как ты ждал, – погрозила пальчиком Машенька. – Помнишь, когда вы только верну-

лись со службы, что вытворяли с братиком? А я уже тогда подушку слезами мочила...

– Да я на тебя едва увидел, глаз положил, но ты же была совсем девчонкой-школьницей, – оправдывался Николай.

– Школьницей... У нас тогда в классе девочка от мужика родила мальчика, – снисходительно улыбнулась Машенька.

А потом был переполох в доме. В середине лета, когда Машенька сдавала последние экзамены, защищала диплом, родители, по им одним известным приметам, определили интересное положение дочери. Когда ей самой казалось, что пока «ничего не видно».

Старики укоризненно заглядывали на квартиранта. А однажды вечером в дом ворвался хмельной Славка.

– Ты, друг называется! – с порога начал орать Славка. – Где живешь, там и подлость творишь!

Он попытался сходу залепить Николаю леща, но тот перехватил его руку. Николай был гораздо сильнее и увёртливее друга, но этим преимуществом он и не думал воспользоваться. А Славка рвался в бой, и ему даже удалось пнуть противника.

– Ты выслушай сначала, спроси у Машеньки... – пытался увещевать Николай Славку.

–Эх, ты – друг до гроба! – едва не плакал тот, сопротивляясь сильным рукам. – Опозорил сестру и рад...

На шум прибежали старики, с плачем на Николае повисла Софья Карповна:

– Ты, Коля, тверёзый, не бей Славку!

– Теть Соф, да я его и не думаю бить, – успокоил квартирант хозяйку, – держу, чтоб он мне фингал не поставил...

С улицы вбежала Машенька, благо, была дома. Сразу поняла, в чем причина крика:

– Славка, уймись! – подступила она к брату. – Не лезь в наши дела, к тому же пьяный!

– Чего вы всполошились? – уже к родителям. – Николай меня давно в загс тянет – сама отложила до осени...

– На всё божья воля, на всё божья воля, – успокаиваясь, умиротворенно повторяла Софья Карповна.

– Я виноват, – повинился Никита Макарыч. – Сказал Славке, мол, Николай, кажись, огулял твою сестру...

– Вот старый греховодник, устроил свару, – упрекнула Софья Карповна мужа. – Без малого до смертоубивства не довёл...

– Да ну тебя, мам! – стыдливо уводил глаза пришедший в себя Славка. – Что ж я, на Коляна с ножом или ружьём накинуся?

Дело окончилось тем, что Никита Макарыч выставил на стол трёхлитровую банку домашнего вина, и с миром, со смущенными смешками замысли это дело.

Осенью, в прекрасную пору бабьего лета, Николай и Машенька поженились. На свадьбе уже никакими ужимками нельзя было скрыть положение невесты. Да Машенька особо и не смущалась под десятками нескромных взглядов.

Семь – я

1

Десять лет прожили душа в душу Кирилл и Марина Смирновы. Дружба переросла в любовь со школы – учились в одном классе. И поженились, едва Кирилл вернулся из армии.

Жили в небольшом провинциальном городке, под боком у города Ставрополя, в собственном доме, который Кирилл унаследовал от рано упокоенных родителей. Он работал водителем-дальнобойщиком, она – медсестрой в городской поликлинике. Хорошо жили – без излишеств, но и без нужды. И дети – погодки Витя и Лиза родились здоровенькими, теперь уже школьники, радовали родителей отметками и своими способностями. Витя успешно осваивал в музыкальной школе скрипку, Лиза пела и плясала в городской самодеятельности, да так хорошо, что девочку стали узнавать на улицах городка.

Всё обрушилось, когда неожиданно заболела Марина. Казалось, цветущая тридцатилетняя женщина, сама причастная к медицине, не должна бы болеть. Ан, нет. Вначале появились небольшие головные недомогания, дальше – больше. Ужасные боли уложили Марину на больничную койку.

Кирилл и дети разом будто осиротели. Он привык, чтобы Марина всегда ждала и встречала его из рейса. Её руки, её губы – всё давно знакомо, но как она вся была желанна!..

Вернулся – жены нет, дети растеряны. Они тоже привыкли видеть свою мамку всегда весё-

лой, здоровой и заботливой. Дом без хозяйки опустел. Конечно, Кирилл из последнего телефонного разговора с женой обо всём знал, но, тем не менее, всё случилось неожиданно.

– Кирюша, меня кладут в больницу, – сказала ему Марина. – Терпеть головную боль нет никакой мочи. За детьми присмотрит соседка. Возвращайся скорее, родной...

Потом они все вместе, притихшие и робкие, навестили её в больничной палате. Благодаря врачам и лекарствам Марина взбодрилась и при виде родных лиц даже улыбнулась, но её лицо, такое недавно свежее и румяное, было измученно и бледно.

При виде своей «мамки» у детей навернулись на глаза слёзы. Ком в горле застрял и у Кирилла, когда он впервые увидел в беспомощном состоянии свою любимую.

Говорили почему-то почти шёпотом, хотя в палате и не было никого из посторонних. Марина не могла не заметить угнетённого состояния своих близких.

– Даст Бог, поправлюсь, – сказала она как можно твёрже. – Кирюша, ты-то взбодрись, а то и дети, на тебя глядя, приуныли.

– Поправляйся, родная, а мы-то ничего, как-нибудь, – растерянно говорил Кирилл. – Я вот отпуск взял... Марин, может кому из врачей подмазать на твою поправку?

– Не вздумай, Кирюш! – Марина даже приподнялась малость. – Все врачи знакомые, и без того делают всё возможное – сама вижу...

– Как скажешь, – развёл руками муж.

Они также робко покинули палату, когда дежурная медсестра попросила не утомлять больную.

2

Марина не была истово набожной. Правда, в церковь иногда навещалась, и не только по праздникам. По-своему молилась о здоровье детей, о благополучном рейсе мужа в дальние края. Особенно в смутные времена девяностых частенько посещала церковь, молила Бога о сохранении раба божьего Кирилла от всякой напасти. А напасти хватало – и грабили, и избивали на дороге лихие люди или попросту – бандюки. Но семью надо было кормить – другой работы не было. Да и сам Кирилл – парень не робкого десятка, по обстановке мог угостить и монтировкой.

Мысленно молилась и теперь Марина, экспромтом сочиняя собственные молитвы. Просила у Бога здоровья ради детей и мужа, обещала помогать сироткам и нищим, которых расплодились не в пример прошлым совковым временам.

И Бог внял, а может, то врачи постарались, а может, организм сильной женщины поднял свой резерв, поди теперь разберись. Словом, пошло у Марины дело на поправку. Появился аппетит, а с ним и румянец на щеках, и частая улыбка при виде близких. Вскоре её и вовсе выписали из больницы, и Марина вернулась на свою прежнюю работу – в поликлинику.

Однако она помнила, что обещала Богу, лёжа на больничной койке.

В первый же выходной Марина вместе с мужем отправилась в местный детский дом. Собрала ещё добротную одежонку сына и дочери, которые из неё выросли, а также посильную сумму денег. Пообщались с детишками-сиротами. Марина едва сдерживала слёзы, глядя на ждущие, умоляющие глаза детдомовской детворы.

И потом, с мужем и без оного, Марина хаживала в детский дом. Её узнавали, её приходу радовались. Но каждый раз, навещая приют, она видела его непроходящую убогость и особенно эти печальные детские глаза...

Долго думала Марина, прежде чем решиться на разговор с мужем. Решилась и почти уверена была, что Кирилл её поддержит.

– Взять двоих детдомовских? – в раздумье проговорил Кирилл на предложение жены. – Марин, я тебе плохой помощник – из рейса в рейс. Тебе решать...

Взяли пятилетнего мальчика Серёжу и четырёхлетнюю девочку Иру. Свои, старшенькие, вначале настороженно отнеслись к пополнению, даже первое время принялись ревновать озабоченную новыми хлопотами мать. Но вскоре сами взяли шефство над названными братом и сестрой.

Спустя год взяли ещё одного пятилетнего мальчика – Диму. Очень уж он понравился Марине своим весёлым нравом и ласковостью, так и льнул к ней, словно котёнок.

– Теперь у нас настоящая семья, – торжественно объявила Марина за празднично накрытым по этому поводу столом. – Семь – я!

Дима оказался очень живым, спортивным ребёнком. Он мог пройтись на руках, тридцать раз отжаться от пола, сесть на шпагат, а ещё он учился играть на балалайке. Правда, с грамотой не ладил. Если Сережа под наблюдением Лизы уже прочёл букварь, а Ира не только читала, но успешно занималась сложением и вычитанием, то Дима на занятиях разом скучнел и обиженно смотрел на Лизу, изображавшую из себя учительницу. Однако у девочки действительно проявлялись педагогические способности. Она мечтала в будущем стать если не артисткой, то учительницей русского языка и литературы.

В чём не откажешь Диме, так это в памяти. Учительнице достаточно было раз-два прочесть ему короткое стихотворение, и мальчик без запинки мог повторить, например, из Рубцова, стихи которого очень любила Лиза:

КОЗА

Побежала коза в огород.
Ей навстречу попался народ.
– Как не стыдно тебе, егоза?
И коза опустила глаза.
А когда разошёлся народ.
Побежала опять в огород.

Однако сидение на одном месте его угнетало. Стоило окончиться занятиям, Дима преобразался. Он бежал к маме, если та была дома, льнул к ней с объятиями и поцелуями, выпрашивал чего-нибудь вкусенького, мчался во двор, прыгал на перекладину или брусью, ловко подтягивал

ся или «качал» пресс, держа ноги под прямым углом, украдкой поглядывал по сторонам – нет ли рядом «учительницы». Надо же было ей показать то, что он умел, но не умели они, умники. Кирилл построил во дворе целый комплекс для детей. Было здесь и бревно для спортивного прохождения, и даже канат для верхолазанья.

Потом Дима брался за балалайку, и у него уже что-то получалось благодаря инвалиду-сапожнику дяде Сёме, чья будка стояла рядом с домом Смирновых. Дядя Сёма, потерявший ногу в первой чеченской кампании, был виртуозом-балалаечником.

3

Время не стояло на месте, и дети неожиданно для родителей становились взрослыми. Витя сразу же после окончания одиннадцатого класса поступил в Рязанское военное училище ВДВ и до поступления уже имел за плечами несколько любительских прыжков с парашютом. Скрипка осталась для сердца.

Следом Лиза примирила две профессии, о которых мечтала – артистки и педагога. Она поступила в Московский институт культуры и продолжала петь и танцевать на любительской сцене. Младшие учились в начальных классах.

Ни разу не пожалели ни Кирилл, ни Марина, что пополнили семью за счет детдомовских детей. У супругов, конечно, со временем привязанности к чужим когда-то детям было ничуть не меньше, чем к единокровным.

Иногда поражал своими выходками Дима. Родители думали, что с взрослением ЭТО пройдет.

Как-то соседский кот принялся таскать у Смирновых цыплят со двора. Марина видела собственными, когда соседский Барсик – рыжий огромный кот волок ещё пицавшего цыпленка на свою усадьбу.

Посетовала Марина соседке, но что поделаешь – кот не собака, не привяжешь.

– Марин, да палюганом его огрей разок, – простодушно посоветовала соседка, – небось задумается...

Легко сказать – «огрей», а хозяйка недосчиталась уже троих подрастающих цыплят. Выказала за семейным столом свою боль. Сережа и Ира посоветовали Марине обратиться в полицию. Лишь восьмилетний Дима, сочувственно глядя на маму, промолчал. А вечером, когда Марина вернулась с работы, Дима позвал маму в огород.

За сараем с разможенной головой лежал тот самый рыжий Барсик.

– Мам, этот тебя огорчил? – спросил Дима.

– Димочка, как ты мог?! – прижав ладони к щекам, едва вымолвила Марина. – Ведь это жестоко...

– Зато теперь наши цыплята целы будут, – непримиримо заявил мальчишка.

– Как же ты его поймал? – позже спросила Марина сына.

– А он, кроме цыплят, ещё и колбасу любит, – улыбнулся Дима. – Заманил в сарай и там угостил тяпкой...

Кота вечером Дима закопал на пустыре за огородом. Дело Барсика было закрыто. Соседка пометалась-пометалась в поисках любимого кота да и успокоилась, приобретя опять же рыжего котёнка. Любила соседка рыжих.

О происшествии Марина рассказала Кириллу, когда тот вернулся из рейса.

– Правильно поступил, – усмехнулся Кирилл.

– Но откуда в нем столько жестокости?

– В духе времени, – вздохнул Кирилл. – Похоже, без этого, без жестокости нынче не проживешь... Ну вытаскал бы он у тебя всех цыплят?

– Но ведь Витя не был таким, и Сережа очень любит животных...

– Каждому своё, – неопределенно сказал Кирилл, пожав плечами.

Другой раз пацан лет четырнадцати с соседней улицы, на которой располагался гастроном «Магнит», начал приставать к Ире, вышедшей с покупками. А когда она попыталась отшить навязчивого поклонника, тот обругал Иру непотребными словами. Девочка вся в слезах прибежала домой. Дома был один Дима. Он кое-как выслушал плачущую сестру и молча вышел за калитку. Не прошло и получаса, как он вернулся, держа обидчика Иры за руку. У того ярко «светился фонарь» под правым глазом, и вместо одного из передних верхних зубов зияла окровавленная дырка.

Пацан был года на три старше Димы, но тем не менее смертельный испуг был на его лице.

– Этот? – спросил Дима сестру.

В ответ она лишь молча кивнула, сама испуганная расправой над её обидчиком. Испуганно смо-

трел на эту сцену и появившийся Сережа, совсем не драчун и не смельчак.

– Извиняйся! – приказал Дима пацану.

– Извини, Ира, я больше не буду, – пролепетал тот.

– Смотри, чтоб честно было, – предупредил Дима и дал пацану прощальный пендель.

Дима уже два года занимался в секции бокса и подавал тренеру большие надежды на будущее.

Тем дело не кончилось. Вечером без спросу вторгся в пределы смирновского двора разъярённый отец Вадика, так звали того пацана. Сам Вадик застрял в калитке.

Мужик крепкий с виду, хоть и лысый, но не старый. Не сдобровать бы Диме, будучи пойманным тем мужиком, но на счастье Кирилл был дома.

Вначале не менее разъярённый хозяин подал громогласную команду непрошенному гостю:

– Стоять!

Тот опешил, но тут же, сжав кулаки, полез на хозяина:

– Твой гадёныш изувечил моего сына!

– Ещё посмотрим, кто из них двоих гадёныш, – сказал Кирилл. Он был уже осведомлен в произошедшем. – Дима, Ира, идите сюда! – позвал он детей из дома.

Те опасливо приблизились к отцу. Серёжа стоял на крыльце дома и наблюдал за происходящим. Мужик продолжал размахивать кулаками и ругаться, но ударить Кирилла было слабо. Чувствовал, что непременно получит достойную сдачу.

– Посмотри, кто отметелил твою дылду, – кивнул Кирилл на сына.

Дима и вправду был на целую голову ниже Вадика, гораздо уже в плечах и вообще не походил на силача.

– И за что? – продолжал Кирилл. – За честь вот этой самой девочки – сестры, которую твой сын гнусными словами поносил у гастронома. У тебя была сестра?

Мужик наконец утомился и, повернувшись, хотел позвать сына для окончательной разборки. Но Вадика и след простыл. Мужик, неловко потоптавшись, молча пошел со двора.

Уже в калитке обернулся и негромко проговорил:

– А сестра у меня была и есть, и я её никогда не давал в обиду...

– Вот видишь, Гриша, – Кирилл, наверное, знал мужика. – Мы поняли друг друга...

Дети обняли отца, и они втроём направились к дому.

– А ты молодец, – потрепал вихры на голове сына Кирилл. – Так держать!

4

Но пришло время огорчиться и Кириллу. Перед поездкой в очередной рейс они с Мариной продали старый «жигулёнок-копейку» и приобрели более достойную «Приору». Успели разок семейно съездить на известное Ново-Троицкое озеро, вдоволь накупались и позагорали.

Десятилетний Дима допытывался у отца о достоинствах новой машины, как включается то, для чего нажимается это... На обратном пути Ки-

рилл дал даже поручить сыну на безлюдном проселке. Дима оказался способным учеником.

– Расти, станешь дальнобойщиком и моим напарником! – прочил Кирилл сыну.

– Ну уж нет! – категорично заявила Марина. – Хватит с нас одного дальнобойщика...

И ещё раз и другой Димка приставал к отцу показать то да это в вождении автомобиля. Кирилл и рад был посвятить сына в секреты собственного мастерства. Они даже покатались взад-вперед по просторному двору.

Кирилл ушел в рейс. Марина отправилась на работу в свою поликлинику. Ира пошла в гастроном за продуктами, чтобы потом приготовить обед. Мальчишкам было велено прополоть на огороде грядки с перцами и капустой.

– Поехали, покатаемся! – предложил Дима брату.

– На чём? – с недоумением спросил тот.

– На чём, на чём – на «Приоре»!

– С ума сошёл!

– Не бойся, мы только до перекрёстка и обратно...

До перекрёстка было никак не меньше километра. И как Сережа не отговаривал брата от поездки, тот и слушать не хотел.

Ключи не надо было искать – они висели в кухне на гвоздике. Дима распахнул ворота гаража, выходящие напрямиком на улицу. Машину он завёл сразу, но вот выехать из гаража задним ходом – не получалось. Машина глохла. Наконец новенькая «Приора» выкатилась, и пока Димка искал тормоз, сама остановилась на середине улицы.

– Димка, ты с ума сошёл! – едва не плача, кричал Серёжа.

«Приора» неспешно и неуверенно стала удаляться от дома. Серёжа бежал следом. Вскоре ход машины выправился, и она, прибавив в скорости, покатила по дороге. Серёжа отстал.

Димке удалось доехать до перекрёстка, но когда он поворачивал обратно, дорогу ему заступил железобетонный столб электропередачи.

«Приору» с расквашенным носом, правда, своим ходом доставил домой сосед, уведоmlенный Серёжей в аварии брата.

– Ну, держись, Димон, – с усмешкой предположил сосед дядя Игорь, – по-моему, репрессивных мер тебе не миновать...

Марина в сердцах дала незадачливому водителю крепкий подзатыльник, тем и ограничилась. Ждали возвращения отца.

Вот и он явился довольный удачным рейсом. Жаль Марине огорчать мужа, но она тут же поведала ему о происшествии, чтобы Кирилл не хватил «кондрашка» при виде покорёженной мордочки «Приоры».

Естественно, тот сразу в гараж, обследовал машину, конечно, расстроился, но в конечном счёте решил: мол, ничего страшного, отрихтую своими силами.

Вернулись дети со школы. Ира и Серёжа повисли у отца на шее. Ира зацеловала папку. А вот Димка выглядел насупленным и виноватым. Остановился, едва вступив в комнату, в ожидании наказания. Кирилл ободрил провинившегося сына:

– Ну, а ты, Димка, чего топчешься? Иди, поздороваемся...

И Димка подошёл к отцу, ткнулся ему в свежесбритую щеку губами и вдруг разревелся:

– Я больше не буду, папка...

– Реветь-то зачем? – сказал Кирилл. – Я думал, ты дальнотойщиком станешь, а ты в угонщики метишь...

Только всего-то и наказания. У Кирилла было доброе сердце.

5

Радовали дети родителей Смирновых. Витя после окончания училища служил под Москвой, женился и уже ждал прибавления в семье. Лиза ещё до окончания института вышла замуж за москвича и стала москвичкой. Серёжа, несмотря на повальное увлечение молодежи компьютером и вместе с ним «мировой паутиной» – интернетом, не расставался и с книгой. Он мечтал стать историком. Огорчало, что уже в девятом классе ему пришлось носить очки. Ира окончила школу с «красным» аттестатом и, не мудрствуя лукаво, поступила в краевую медицинскую академию. Она хотела, как мама, стать медиком, более того, квалифицированным детским врачом-педиатром.

Нашлась на семейное счастье Смирновых и ложка дёгтя – это Димка. И невольно Марине не раз мысленно припоминалась старая, как мир, поговорка: «В семье не без урода». Она пугалась и думать о будущем сына, а Димкино будущее было сокрыто мраком.

Сразу после окончания девятого класса поступил в технический колледж, обещая стать механиком по ремонту машин. Не проучился и года, исключили за отвратительное поведение.

О работе Димка не задумывался. Правда, добросовестно посещал спортзал и в спорте, в частности в боксе, достиг определенных успехов и даже имел первый юношеский разряд. В составе команды выезжал на соревнования за пределы края. Брал призы и, опять же, подавал надежды в спорте, пока не был замечен в употреблении спиртного. Вытурили и из спорта.

Сидя дома без дела, иногда брал в руки балалайку и исполнял единственную мелодию: «Светит месяц, светит ясный...», которой успел обучить Димку ветеран и инвалид чеченской кампании дядя Сёма. Сапожник умер в пьяном угаре от сердечной недостаточности.

Марина и Кирилл с некоторых пор завели сберегательную книжку, чего прежде не было, и стали накапливать сбережения. Задумали обставить по-современному кухню. Как выяснилось, это стоило немалых денег, если, конечно, сделать всё по высокому классу. А именно так и задумали супруги.

Наконец, нужная сумма была собрана. Книжка записана на Марину, она и сняла деньги. Оставалось два дня до возвращения Кирилла из рейса.

Димка был в курсе похода матери в банк. Приехали на выходной из Ставрополя Ира и Серёжа, красивые, повзрослевшие студенты. Во время обеда Марина торжественно объявила:

– Завтра возвращается отец, и мы все вместе поедем покупать новую кухню!

Вечерами Димка исчезал из дома, иногда до утра. «Пусть погуляет, – успокаивала себя Марина, – последние денёчки остались...» Дело в том, что с дня на день Димка ждал повестку в армию. Военкомат уже начал осенний призыв юношей. «Армия исправит, армия научит», – тешила себя мечтой Марина.

Так было и в этот вечер. Ира и Серёжа не пожелали никуда идти и скоротали вечер с мамой перед телевизором. Ждали отца. Он звонил уже из Краснодара.

Димка вернулся под утро. Марина чутким ухом слышала приход сына. Теперь он будет спать до полудня. «Спи, спи, недолго осталось, – думала Марина. – ТАМ лишнего не погуляешь, не спишь...»

Димка, наверное, не успел уснуть, как с тихим урчанием, чтоб не разбудить всю улицу, к дому подкатила громадная «фура» Кирилла. Марину словно ветром сдуло с постели. Едва накинув халат на ночнушку, бросилась встречать любимого мужа.

6

Пропажу Марина обнаружила утром, когда готовила семейный завтрак. Что-то подсказало ей до подъёма мужа проверить наличие суммы. Сверток с деньгами она положила в цветочную вазу, стоявшую в застеклённом шкафу. Она вытащила из шкафа всё, что там было, но чуда не произошло. Тогда Марина пошла в комнату сына.

Тот не стал отпираться:

– Да, мам, я взял, – он ждал этого вопроса. – Хотел отыграть карточный долг, но... проиграл...

– И долг остался, – подсказала Марина и заплакала. – Димка, ты всё делаешь против семьи и катишься в пропасть...

Марина фартуком осушила слёзы и вышла из комнаты. На кухне появился Кирилл в одних трусах и босой.

– А чем это у нас так вкусно пахнет? – обнял он со спины хлопчущую у плиты жену.

– Кирилл, я должна сообщить тебе плохую новость, – повернулась она к мужу и, избегая его глаз, проговорила: – У меня на рынке вытащили из сумки деньги, которые я сняла с книжки...

– Да-а, дела, – опешив, неопределённо протянул Кирилл. – Прямо все так и вытащили?

– Деньги были в одном свёртке – в целлофановом пакете, – сказала Марина, по прежнему стараясь не встречаться с мужем взглядами.

– Дети о том знают?

– Нет, пока не знают...

– Да, дела, – повторил Кирилл и почесал в затылке. – Что ж, ещё год потерпим с кухней... Ты-то сильно не убивайся – деньги, такая вещь – пришли-ушли незнамо куда, потом снова пришли... Лишь бы здоровье не подкачало – заработаем, Марин! – он снова крепко обнял жену, а она опять заплакала от его великодушия и стыда за своё враньё.

– За завтраком первой поинтересовалась Ира, любительница хаживать по магазинам:

– Мам, ты вчера говорила, что пойдём покупать кухню?

Кирилл вопросительно взглянул на жену: «Неужели она только сегодня обнаружила пропажу денег?» – подумалось ему, но вслух сказал:

– Поход за кухней временно отменяется. Появились другие планы...

Марина ответила мужу жалкой улыбкой. А Димка, сидевший словно на иголках в ожидании отцовского приговора, не выдержал и вышел из-за стола.

– Ты чего? – удивился Кирилл.

Обычно Димка выходил из-за стола едва ли не последним. Всё подметал подчистую.

– Аппетита нет, – отозвался тот и скрылся в своей комнате.

Военкомат медлил с повесткой. Марина продолжала беспокоиться, потому что Димка каждый вечер уходил из дома и хорошо, если возвращался под утро. Поугрюмел, стал молчаливым и на вопросы матери едва отвечал. Марина помнила о карточном долге, о котором обмолвился Димка. И однажды, когда сын показался матери ожившим и даже улыбчивым, она спросила:

– Дима, а как же с тем карточным долгом?

– Нет уже никакого долга, – с улыбкой ответил Димка. – Списали!

– Сынок, хочешь на колени стану, – взмолилась Марина, – не играй в карты. Меня до вранья довел, а я ведь прежде никогда отца даже в мелочи не обманывала, а тут... Ведь ему, сам видишь, нелегко деньги достаются...

– Спасибо тебе, мам, – Димка обнял мать за плечи, чмокнул в щёку. – А с картами замётано. Ну их к чёрту!

Разговор состоялся утром, а ближе к вечеру к дому Смирновых подкатил полицейский УАЗ.

Димка, по обыкновению, собирался уходить из дома и последним росчерком взбадривал щеткой перед зеркалом роскошные темно-русые волосы.

– Дмитрий Смирнов? – следом за перепуганной хозяйкой вошел в комнату полицейский лейтенант. Из-за его плеча выглядывал ещё один полицейский. – Вот ордер на обыск...

После обыска, который ничего не дал, Димку увели.

Уже у машины он взглянул на смертельно-бледную мать, пробормотал:

– Мам, это какое-то недоразумение...

Едва машина отъехала, из военкомата подъехал на мотоцикле курьер и передал Марине повестку для Димки – того требовали явиться на призывной пункт с вещами...

Марина прибрела на кухню, села на табурет и, уронив голову на стол, горько разрыдалась.

7

Димку до суда уже не выпустили из следственного изолятора. Он вместе с двумя подельниками обвинялся в грабеже квартиры директора местного молокозавода. Одного взяли на другой день в ломбарде – закладывал колье мадам директорши. Тот за обещание следователя смягчить его

участь, как говорят, раскололся. И грозило Димке лет пять полновесного срока.

– И чего ему не хватало?! – вопрошала мужа измученная и разом постаревшая Марина.

– Нет, Марин, – ответил более сведущий в этих вопросах Кирилл, – на такие суммы карточные долги не списываются, и играл он не с друзьями, а с местной шпаной. Вот и полез в чужую квартиру...

Конечно, Марина повинилась мужу в сокрытии Димкиного подлого поступка, но он её успокоил:

– Марин, я догадался, когда Ира задала тебе вопрос о походе в магазин за кухней, – и, вздохнув, добавил: – И чего ради детей не сделаешь...

Димке дали четыре года общего режима, учитывая его молодость, первую судимость, и вообще, наверное, судья – моложавый старик, не испытывал симпатии к директору молокозавода.

Тюрьма или зона, для Марины всё едино – тюрьма, но всё-таки зона, в которую заключили Димку, находилась не так далеко от краевого центра. Одним днём можно было обернуться.

Марина, что называется, изучила дорожку на зону и обратно. Несколько раз ездила с младшими детьми. Бывало, приезжала в определённые дни, а Димка в карцере, и не солоно хлебавши, со слезами ехала обратно. Кирилл же ни разу не навестил сына, ссылаясь на занятость.

Однажды отпуск бравого капитана ВДВ Виктора Смирнова совпал с поездкой Марины на свидание с Димкой. С ней поехал и Виктор. Но лучше бы не ездил. У них не оказалось ничего общего, и оба, не находя слов, «играли» в молчанку. Бедная Марина, как ни старалась, но и ей не удалось хоть

как-то сблизить названных братьев. Слишком они были разные и разное жили.

Наконец Димку освободили или, как он говорил: «откинулся». Он изменился за четыре года – заматерел, стал этаким амбалом с постоянной хмуростью в лице и редкой скупой улыбкой. «И на каких таких харчах раздобрел?» – недоумевал Кирилл.

Марина не считала Кирилла низкорослым, а тут заметила, что тот едва доставал головой сыну до плеча. Да и взгляд серых Димкиных глаз стал настороженным, недобрим.

– Я, Дима, не прошу у тебя прощения за то, что ни разу не навестил на зоне, – сказал сыну Кирилл. – Понимаешь, Марина для меня святой человек, а ты её постоянно обижал своими проделками. Обидно мне за неё...

– Виноват, – криво усмехнулся Димка. – Больше не буду...

– А вот это мы посмотрим, – сказал Кирилл. – Тебе есть с кого брать пример. Поезжай и вместо отдыха навести братьев и сестёр, заодно глянь как они живут-трудятся...

Никуда не поехал Димка, но на работу устроился к одному предпринимателю, держателю процветающей фирмы по ремонту иномарок. Предприниматель, известный в городке под прозвищем Крючок, сам отмотал не один срок, но в хаосе девяностых «выбился в люди». Однако поговаривали и о нынешних чёрных делах успешного фирмача.

– Свой свояка видит издалека, – сказал как-то Марине Кирилл.

– Кирюш, ты знаешь, сколь Дима мне отвалил с первой полочки? – полушёпотом сказала Марина, хотя они были одни в комнате. И она назвала цифру первого Димкиного взноса в семейный бюджет.

– Эх, Марин, иногда лень тебе пораскинуть мозгами, – сказал Кирилл. – Сама подумай – пришёл в мастерскую новичок, едва умеющий держать гаечный ключ – и на тебе заоблачную зарплату. Нечисто дело, нечисты деньги!

И Марина задумалась, особенно после того, как Димка и из следующей зарплаты отвалил Марине кругленькую сумму.

– Дима, откуда такие деньги?

– У нас, мам, ненормированный рабочий день, – криво усмехнулся Димка. – Потому и зарплата соответствующая...

8

А спустя полгода Димку снова арестовали, и он опять предстал перед судом. На сей раз ему предъявили тяжкие обвинения. Он угонял чужие машины, и не просто легковушки, а дорогие иномарки. В «успешной» мастерской разбирали те автомобили на запчасти. Мало того, одного из водителей Димка покалечил, выбросив на ходу из машины, другого ударил по голове, и тот, не приходя в сознание, скончался в больнице.

Правда, Димку судили не одного, а в компании из пяти человек, причастных к делу. Тут был и Крючок – невзрачный, суетливый человечешко, почти старик.

Но Марине от того не стало легче. Опять они с мужем прошли через позор присутствия на суде, когда в них тыкали пальцами, мол, вон они – пре-подобные родители бандита.

Димке и Крючку дали поровну – по пятнадца-ти лет строгого режима. Теперь Димку отправили подальше – за пределы края. Свидания стали вовсе редки.

Марина вышла на пенсию и решила неспеша повидаться с детьми и внуками. Она и прежде всех навещала, и они приезжали во время своих отпусков, но всё было поспешно и укладывалось в несколько дней.

По-прежнему в холостяках ходил Серёжа. Он жил в однокомнатной квартире, которую купили ему родители, и преподавал в том же институте, те-перь университете, который окончил в своё время. Написал две монографии на исторические темы. Готовился защищать докторскую диссертацию.

Марину расстраивал быт учёного сына. Пи-тался кое-как – в холодильнике бутылка кефира да пара яиц. В комнате пусто, неуютно. Кровать, диван, телевизор, пара стульев, ещё письменный стол, заваленный книгами и папками. Книги на полу и подоконниках. Одежда свалена на кроват-ти. Спал на диване. Самое драгоценное у Серёжи – книги и ноутбук. С ними Серёжа не расставался. Марина искренне удивлялась:

– Как же ты, Серёженька, целыми днями среди девушек и ноль внимания? – Марина как-то за-глянула в университет и удивилась обилию имен-но девушек.

– У меня, мам, зрение слабовато, – застенчиво улыбался кандидат исторических наук, – потом, диссертация много времени отнимает...

Ира жила, считай, рядом, на соседней улице. К младшей дочери Марина навещалась ча-стенько. Ира всего год как вышла замуж за вра-ча-хирурга. Очень положительный человек, хотя и старше Ирочки на добрый десяток лет. У них двухкомнатная, прилично обставленная кварти-ра. Ира недавно родила мальчика Андрюшку и временно не работала.

– Ты бы маленько присматривала за братом, – слегка упрекнула Марина дочь. – Питается всухо-мятку, недолго и язву нажить.

– Мам, а он меня слушает? – воззрилась Ира на мать. – Всё у него кое-как! Говорю, купи хоть пла-тяной шкаф. Нет денег – я тебе займу! Есть у него деньги – получает прилично. Не пьёт, не курит, по девкам не шастает – всё тратит на книги да на поездки по историческим местам края. Не совре-менный он человек, мам! Ему бы в позапрошлом веке надо было родиться.

– С какой-нибудь подружкой побойчее походи-ла бы к нему, глядишь, Серёжа и заинтересовался бы...

– Мам, до подружек ли мне теперь, – Ира кив-нула на детскую кроватку. – Этот орёл всё время отнимает, то есть просит, то памперсы менять...

Далее поехала Марина к сыну Виктору в Под-московье. Тот жил с семьёй в военном городке – очень чистеньком, уютном, тонувшем в зелени. Семья занимала трёхкомнатную квартиру с бал-коном и лоджией, и что больше всего тогда, в пер-

вый приезд, удивило Марину, двумя туалетами.

– Зачем – два-то? – простодушно удивлялась Марина.

– Для гигиены, мам, – улыбалась невестка, привлекательная черноглазая, но блондинка Верочка.

Внуки, тоже погодки, как и Виктор с Лизой, Лёвочка и Томочка уже ходили в старшие классы и во всех отношениях были положительными детьми. Лёва уже сделал свой выбор и подтвердил его – три раза прыгнул с парашютом. Поступление в Рязанское училище, которое оканчивал отец, – дело времени. Тома пока колебалась между филологией – писала довольно-таки приличные стихи и уже публиковалась в областной газете, и археологией. Её привлекали загадки древностей.

К Лизе, в самую Москву, Марина ехала не без робости. Лиза жила богаче всех, и у неё была не только шестикомнатная квартира на проспекте Кутузова, но и большой загородный дом. Муж Лизы – Игорь, Игорь Васильевич, очень занятой человек в газовой промышленности. Дома он бывал, словно в гости приезжал. Дел у него невпророт по всей стране.

У Лизы была своя машина, у мужа – две. Почему-то коробило Марину эдакое роскошество. Но больше всего её коробило, как дети Лизы – Вадим и Эллочка помыкали двумя слугами, в особенности уже немолодой поварихой Ксенией Петровной.

Как-то посетовала дочери, мол, Ксения Петровна небось обижается на погонялки детей: «подай, принеси».

– Не бери в голову, мам, – посмеялась Лиза. – Мы за это Ксении Петровне деньги хорошие платим.

И ответ дочери не понравился Марине. Лиза давно забросила свою «культурную» работу и жила в своё удовольствие беззаботной барыней.

Но хуже всего, заметила Марина, – Лиза изменяла Игорю Васильевичу. В его отсутствие она редко ночевала дома. Приезжала под утро и спала до вечера.

И тут Марина с опаской предупредила дочь:

– А ведь эти проделки, Лизонька, могут плохо кончиться...

– А ты думаешь, он ТАМ благочестивые молитвы по вечерам читает?! – зло бросила Лиза матери. – Мы – квиты, все так живут!

– Кто – все? – с недоумением спросила Марина. – Ни Виктор, ни Ира, ни Серёжа так не живут...

– Мам, мне на них не равняться, – примириительно, с притворным смирением сказала Лиза. – У меня своя жизнь...

Приехав домой, Марина поделилась своими впечатлениями от поездки с мужем.

– Марин, ты Лизку не трогай своими нравоучениями, – только и сказал Кирилл. – Посмотри, что вокруг творится...

Поехала Марина к Димке на свидание. Увидев его хмурое, подурневшее лицо, пережив тягостное молчание, когда стало не о чем говорить, Марина поняла, что Димка уже никогда не станет ЧЕЛОВЕКОМ. Она мысленно представила, каким

он вернётся через тринадцать лет – два уже отсидел, и ей знобко стало.

Марина не забывала о Боге. Посещала церковь, жертвовала и каждый раз, всходя на паперть, испытывала благостное состояние души и освобождение от всего суетного мирского.

Однажды, вписывая в поминальник отдельно в столбики живых и мертвых родственников, она нечаянно вписала раба божьего Дмитрия в столбик упокоенных. Содрогнулась, но исправлять не стала.

И снова Бог внял, или так сложились звёзды в Димкином гороскопе, а может, просто обстоятельства в том суровом несправедном мире, в котором он жил. Димку зарезали в тюремных разборках. Но в семье Смирновых к тому времени уже было гораздо больше граждан, чем семь – я.

Дашутка

1

Дашутка Радова – шестилетняя девочка с красивой тёмно-русой головкой, румяными щёчками и не по годам серьёзным взглядом больших серых глаз ходила в старшую садиковую группу, а её сестрёнка Томочка – в младшую. Дашутка очень любила и опекала свою сестрёнку. И вдвойне, когда у сестёр не стало мамы. Мама Вера долго болела и умерла в больнице.

Незадолго до её смерти сёстры вместе с папой Гришей навестили маму Веру. Она лежала на

больничной койке очень слабая и до невозможности худая. Папа Гриша присел на край постели и, взяв маму за руку, безотрывно смотрел ей в лицо и часто повторял: «Ты только не расстраивайся – всё будет хорошо, родная...»

Дашутка стояла в изголовье матери и молча гладила её разметавшиеся по подушке тёмные волосы. Младшая Томочка тихо плакала и канючила:

– Мам, пошли домой. Лежать и дома можно...

– Я скоро приду, – шептала мама истончившимися губами и тянула к Томочке свою бледную, почти прозрачную руку с голубыми жилками. – Ты только не плачь, моя девочка...

Когда они уходили и папа, держа Томочку за руку, был уже в двери палаты, мама Вера глазами подозвала к себе Дашутку:

– Смотри же, доченька, ты теперь вместо меня, – она обняла Дашутку за талию невесомой рукой.

– Я стараюсь, мамочка, – сказала Дашутка. – Ты только поправляйся скорее, – и со вздохом добавила: – А то без тебя с НИМИ так тяжело управляться...

– Ты мне пообещай, доченька, – вдруг горячечно зашептала мама Вера, – если меня не станет, то мамой вы с Томочкой назовёте только тётю Олю...

– Я тебе обещаю, – не раздумывая, сказала девочка. – Мы очень любим тётю Олю... Ты только поправляйся, мамочка.

Тётя Оля – младшая сестра мамы Веры, жила в соседнем городе. У неё был сын Серёжа – ровесник Дашутки, и очень больной муж дядя Коля, не

встававший с постели после автомобильной аварии.

Мама Вера, как и обещала Томочке, вскоре вернулась домой, но в гробу. Гроб поставили у куста зацветающей майской сирени в небольшом дворике Радовых.

Отдельный коттедж они купили накануне болезни мамы Веры. До этого жили в тесной комнате переполненного семейного общежития. Родители девочек долго копили на новое достойное жильё. Папа Гриша работал аж на трёх работах! Днём – водителем «Газели» – маленького грузовика и одновременно его грузчиком, а ночью трудился «бомбилкой» на своей выдавшей вида «шестёрке». Домой возвращался лишь под утро, чтобы вздремнуть часок и бежать на свою основную работу.

Когда купили трёхкомнатный домик с маленьким двориком и местом под цветочные клумбы, то думали, что попали в рай. У девочек была своя комната, у родителей – отдельная спальня. И всё отдельно, даже туалет с ванной.

На похороны старшей сестры приехала тетя Оля. Как ни трагичен был момент истины, но тётю Олю с её карими глазами и чёрными локонами очень красил траурный наряд – чёрное платье и такой же платок, обрамлявший печальное лицо. Она была очень красива и мила.

Девочки были влюблены в свою тётю. Из-за болезни мужа она не могла часто навещать Радовых, но когда приезжала, то всегда привозила с собой праздник. На столе появлялся вкуснейший яблочный пирог, который, опять же благодаря

тёте, теперь могла испечь и Дашутка. Если папа Гриша был не занят работой, они делали совместные вылазки по грибы-ягоды в ближний дремучий лес. Катались по реке на трамвайчике и гуляли по большому городскому парку с множеством аттракционов.

2

Дашутка ходила во второй класс. Она не была отличницей, но и троек не терпела в своём дневнике. Папа Гриша исправно посещал родительские собрания и всегда был уверен в дочурке – она не подведёт. И Дашутка не подводила – хорошо училась и также хорошо вела домашнее хозяйство. Так хорошо, что отец стал доверять ей иногда немалые суммы денег для ведения того же хозяйства.

Дашутка забирала по вечерам сестрёнку Томочку из садика, не забывала спросить у воспитательницы Аллы Андреевны – молоденькой девушки с чудесными голубыми глазами, как Томочка вела себя в течение дня – так всегда делала мама Вера. И Алла Андреевна, каждый раз удивляясь самостоятельности девчушки, на серьёзный вопрос давала обстоятельный ответ.

Папа Гриша продолжал трудиться на трёх работах. Как-то в очередной свой приезд тётя Оля посетовала:

– Гриш, пожалел бы себя – бросил бы таксовать по ночам. Да и опасно, слышала, опять в вашем городе бандиты ночью таксиста убили...

– За город поехал, – нехотя ответил Гриша, – польстился на большой куш. А потом, Оль, у меня

две невесты подрастают, – кивнул на Дашутку, стоявшую у плиты. – Дашутку хоть нынче замуж отдавай – всё умеет девка!

– Ты лучше сам, папка, женись, – серьёзно сказала девочка, – а я ещё маленькая...

Другой раз Дашутка нечаянно подслушала из соседней комнаты разговор отца и тёти Оли.

– Оль, пора кончать эту канитель! – раздражённый голос отца. – Берут же Николая к себе его родители...

– Гриш, пойми, не могу я взвалить на стариков такую ношу?! – умоляющий голос тёти Оли. – Они сами на ладан оба дышат, в подпорках нуждаются. Получится, пока Николай был здоров – был и всем нужен, а теперь... Не могу я, Гриша, не могу!

– И я не могу! – тот же раздражённый голос отца. – У меня две девки – им мать нужна!

– Поступай, как знаешь, если ты нашёл им мать, – упавшим голосом произнесла тётя Оля. – Только жаль мне девочек...

– Поймут, не маленькие!

– Поступай, как знаешь, – повторила тётя Оля.

Дашутке хотелось ворваться в соседнюю комнату и заявить, закричать отцу: «Никто нам не нужен, кроме тёти Оли!», но она не посмела. Папе Грише и без того тяжело с «двумя девками» на шее.

3

По вечерам, прежде чем отправиться на свой ночной промысел, папа Гриша стал тщательно, почти по-праздничному, одеваться и, более того, бриться, что раньше проделывал по утрам.

– Ты, папка, вроде и не на работу, а в гости собираешься, – заметила как-то Дашутка отцу.

– Пассажир смотрит – водитель небрит, нечёсан, значит, и цена ему такая, – схитрил тот. – А вот если я при всём параде, то тут уж – извините!

Дашутка всегда просыпалась, когда поздно ночью, а то и под утро возвращался отец. Она с вечера оставляла папе Грише на столе поздний ужин или ранний завтрак. Так делала мама Вера. Чтобы еда не остывала, она из старой куртки пошила специальный тёплый колпак на вате, которым и накрывала посудинку.

В этот раз папа Гриша вернулся раньше обычного и не один. Дашутка чутким ухом уловила женский смех и папин приглушённый голос:

– Тише, Ир, девочки проснутся...

У Дашутки сна – ни в одном глазу. Она прислушивалась к смеху и негромким голосам, доносившимся из кухни, и это продолжалось довольно-таки долго. Потом шумела вода в ванной. Прекратился всякий шум за плотно закрытой на ключ дверь родительской спальни. Так Дашутка и уснула с невесёлыми мыслями о неизвестной ей Ире.

Следующий день был выходной – воскресенье. Но Дашутка давно просыпалась без будильника и поднималась с постели ровно в семь.

Пожалуй, она освоила все домашние дела, которым нужны женские руки. Дашутка готовила, стирала на машине, убиралась в комнатах, пылесосила полы, гладила, штопала, совершала походы по магазинам. Правда, теперь ей помогала

подросшая сестрёнка Томочка. На будущий год ей предстояло идти в школу, и Дашутка предвидела дополнительные хлопоты.

Войдя на кухню, она обнаружила в мойке гору невымытой посуды, чего в этом доме не водилось по давно заведённому порядку ещё мамой Верой. Каждый был обязан помыть за собой тарелку или чашку. Исключение делали только отцу, как-никак три женщины в доме. Мало того, на столе Дашутка обнаружила блюдечко, приспособленное под пепельницу с окурками от сигарет и следами губной помады на них. Ещё стояла большая бутылка из под шампанского и рядом початая бутылка коньяка. Дашутку просто возмутила такая наглость, тем более, что папа Гриша не курил.

А вот и они – виновники беспорядка явились не запылились. Тётка с красивым, но помятым лицом и папа Гриша с виноватым видом. Видно замысел – уйти по-тихому – не удался, и они проспали. Ночь для любовников оказалась коротка.

На тётке был наброшен знакомый до последнего линиялого цветочка халатик мамы Веры. Мама была невысокого росточка, потому высокой тётке халатик был коротковат и почти не прикрывал бесстыдно-роскошные тёткины бёдра.

– Здравствуй, девочка! – как ни в чём ни бывало поздоровалась тётка. – Давай знакомиться – меня зовут тётя Ира...

– Зачем вы надели мамин халат? – Дашутка презрительно взглянула на папу Гришу, и тот слегка покраснел.

– Просто я свой халат непредвиденно оставила дома, – улыбнулась наглая тётка. – Пришлось воспользоваться тем, что предложил твой папа...

– У нас в доме не принято оставлять после себя гору невымытой посуды и курить, – негодуя сказала Дашутка, едва не плача.

– Дашутка, успокойся, – неловко выдвинулся вперёд папа Гриша, придерживая резинку трусов. – Сейчас всё сделаем в лучшем виде...

Но Дашутка была непримирима и на этот раз не удостоила коварного изменщика папу Гришу даже взглядом.

– И вообще, – ледяным тоном продолжала Дашутка, – у нас есть тётя Оля, и она не позволяет себе курить и оставлять гору невымытой посуды...

– Ах, вот как! – весело воскликнула тётка Ира. – А твой папа ничего не говорил мне о тёте Оле...

– Дашутка, что ты мелешь?! – взмолился папа Гриша. – Причём здесь тётя Оля?

– Сам знаешь причём! – слёзы всё же прорвались, и Дашутка, прижав к лицу передничек, с рыданиями уткнулась в кухонный шкаф.

– Ах, Гриша! – с весёлым трагизмом воскликнула тётка Ира. – И ты просто кобелём оказался!..

– она развернулась и ушла в спальню. Спустя некоторое время хлопнула входная дверь. Тётка Ира ушла и, наверное, навсегда.

А Гриша, взяв на руки свою маленькую хозяйку, присел на табуретку.

– Прости меня, Дашутка, – шептал он на ушко дочурке. – Не будет больше никаких тёток...

– Папка, я знаю, ты же любишь тётю Олю, как и мы с Томусей, – Дашутка охватила руками креп-

кую отцовскую шею, заглянула ему в глаза своими – ещё полными слез.

– Но ты же знаешь, что тётя Оля замужем, – смущенно пробормотал папа Гриша. – Ты же не скажешь ей про тётку...

– Нет, не скажу! Я знаю, – Дашутка освободилась из отцовских рук и встала на ноги. – Скоро всё кончится, тётя Оля говорила, что дядя Коля совсем плох...

Кончилось. Спустя неделю к Радовым приехала тётя Оля вся в трауре и сообщила, что дяди Коли больше нет. Потом Дашутка услышала разговор папы Гриши и тёти Оли:

– Грешно мне, как говорят: «Не было бы счастья, да несчастье помогло», – со слезами сказала тётя Оля.

– Тебе-то зачем терзаться? – спросил папа Гриша. – Ты столько лет не отходила от его постели...

– И всё же, Гриша?!...

– На то она и жизнь! – твёрдо ответил тот. – Живым живое – вот надо всех в школу собирать...

Приспела осень, и Томочка пошла в первый класс, а Дашутка – в четвёртый, вместе с братом Серёжей. Всех своих школьников провожали с цветами папа Гриша и мама Оля.

Папа Гриша бросил свою ночную работу и все вечера проводил дома. Он продал свою старенькую «шестёрку» и купил большую иномарку. Теперь они всей семьёй не только катались на речном трамвайчике, но и выезжали в дремучий лес по грибы и ягоды.

***

Утро с ледком.
Стылых простынок ломкость.
Свет невесом –
Ярок, оскольжен, строг.
Все, что потом –
Лишь Тишина и Голос,
Все, что сейчас –
Лишь Высота и Бог.

Так и живи –
Сердце собрав в дорогу.
Тем и дыши –
Горестно, сгоряча.
То, что потом,
Ближе всего к итогу,
И оттого
Хочется жить сейчас.

***

Бабушка красила дом
ярко-синею краской.
Стены белёные в нём вечно
пачкали спину.
Пахло за жаркой, компотом,
стояли салазки,
Верили, что не предам, не уйду,
не покину.
Там Мойдодыр-рукомойник
покапывал мирно.
Тикали ходики, двигалось
время по кругу.

ЕЛЕНА
ГОНЧАРОВА

Поэзия

Папа совсем молодой, озорной и спортивный
Вёл меня к бабушке, чтоб не споткнулась, за руку.

Я всё равно спотыкалась. Асфальтные кочки
Были хитры, то и дело под ноги бросались.
Сыпало солнце на щёки веснушные точки,
И никакие печали меня не касались.

Мама сметанник пекла, говорила о даче,
Дяде и тётке, их сыне, талантливом Саше:
Математический бог, он решает задачи
Так, как не снилось, он смыслит и в шахматах даже

Лучше Каспарова с Карповым. По амплитуде
Плавно размеренной двигались звёзды над всеми.
Жили и были вокруг настоящие люди,
И, собираясь, не таяли жизни мгновенья.

Годы прошли, звёзды выцвели, люди устали,
Тихая жизнь обернулась бессмысленной гонкой.
Если бы в ней поменялась я с кем-то местами,
С девочкой той, мамо-папиным первым ребенком.

***

И я когда-нибудь сюда
Вернусь и постучусь несмело,
Чтоб подалась и заскрипела
От непосильного труда
Старушка-дверь. Неровен час,
Навстречу выплеснется сумрак:
Его обратно занесу я,
Хоть будет рваться и кричать.

Переступив кривой порог
И к двери прислоняясь спиной,
Замечу, как глаза прикроет,
Мурлыкая, домашний бог,
Как зеркало, сдержав испуг,
Моё отринет отраженье
И вновь заснёт; придёт в движенье
В углу старательный паук.

На гнутый гвоздик, трепеща
От счастья вперемешку с бредом,
Повешу обморок плаща
И фетровую шляпку – следом.
Минуя узкий коридор
И комнату, где ворох вещей
Вещей с надеждою зашепчет,
Что украду (но я не вор),
Войду туда, где не была
Безумно много лет и книжек,

И не моих детей увижу,
И пожалею, что вошла.

***

А клевер пожух:
Стал бледным, растрёпанным, бурым.
Он так изменился,
Что вряд ли узнают его.
Привычка меняться
В природе – вторая натура.
И эта измена
Не значит совсем ничего.

***

Сыну

Веничек берёзовый.
Дровяной сарай.
Ехали на розвальнях
Из райцентра – в рай.
Погоняли мякишем.
Сглатывали рвы.
Зарились на краешек
Вышней синевы.
Конь завязнет – бес его! –
Снегу-т намело.
Жили вольно, весело,
Облачно, светло.
Бородищи в инее,
Душам – горячо.
Стеньками-Добрынями
Грезит дурачье.
На морозе плавится
Потный круп коня.
Мужички забавятся,
Бубенцы звенят.
Хороши попутчики,
Да зело остры
В духоте тулупчиков
Зреют топоры.
Скрытно перекрестятся:
Снег и сны – в щепоть.
Разрешил полмесяца
Погибать Господь.
Леденеют валенки.
Серебрится стынь.
Родина, будь маленькой,
Счастье, будь простым.

Кто ты, солдат?

Кто ты, солдат, что в неравном бою
Честь отстоял и Россию свою?
Любящий раз и навеки.

Кто ты? С Суворовым, зубы сцепив,
Шедший по Альпам и знавший, что жив –
Жив человек в человеке.

Кто ты, солдат, что в решающий бой
Ринулся в Первой земной мировой,
Веря, что всё одолеешь.

И одолел же – в чужой стороне,
В горькой кровавой никчёмной войне
Выжил и дальше жить смеешь.

Кто ты солдат? У июня в горсти
Жизнь твоя. Шепчешь: «Маруся, прости,
Я ухожу добровольцем.

Лжёт минометный огонь обложной:
Выстою, выдюжу, буду живой,
Чтобы и свадьба, и кольца...»

Кто ты, солдат, неизвестный герой,
Непобеждённый фашистской ордой,
Мир подаривший мессия.

Кто ты – в развалинах, пепле, крови
Всем рассказавший о главной любви –
К Родине, людям, России!

Чтобы на все времена и потом
Память жила негасимым огнём,
Небо бескрайним и мирным

Было без мессеров: синь – через край.
Чтобы Победу сиреневый май
Снова и снова дарил нам.

Чтоб на параде печатали шаг
Внуки и правнуки, чтобы в ушах
Наши ревели моторы.

Кто ты, солдат? Свято имя твоё.
Ты не позволишь, чтоб зла вороньё
Сеяло семя раздора.

Чтобы на сестринской нашей земле
Ненависть зрела в неправде и зле,
Серой чумой подогрета.

Чтобы стрельба, а не щебеты птах,
Чтобы весной не рожь на полях –
Мины, и в небе ракеты...

Кто ты, солдат? Вновь фашизма чума
Страны и нации сводит с ума,
Косит, как будто картечью.

Ты же, как было завещано встарь,
Не отсиделся, а вышел и встал
Глыбою – в рост человеческий.

Кто ты, солдат? Тот, кто держит удар,
Знает, что жизнь – это ценность и дар.
Кто амбразуру закроет

Любящим Родину сердцем своим.
Тот, кто всегда будет самым живым –
Сыном, отцом и героем!..

***

Мой ласковый, я так тебя люблю,
Что дальше только небо, только лето!..
В волнах янтарных солнечного света
Живи и сам, подобно янтарию
Меня впечатав мушкой в суть свою.

Не отступись от лучезарных дней,
Не предавай тепло земное это,
В котором столько неба, столько лета,
Что нас с тобою не найти родней.
Из всех на свете мушек, янтарей.

Мы это мы. Который в жизни год
Без времени и, вправду, без рассудка
Глядим вперёд доверчиво-абсурдно,
А поступаем вдруг наоборот,
Но в этом ни один из нас не врёт.

Мой бережный, я знаю кто мы здесь.
Случайности, нечаянности, может.
Без нас и дальше жизнь себя продолжит...
Но ведь пока мы в ней с тобою есть,
И, значит, мчится кровоток под кожей,

Пылает сердце и стучит в висках,
И на сием судьба не ставит точку.
А, значит, могут быть и сын, и дочка
У этих ненормальных, в облаках
Порхающих нелепо и бессрочно,
Как ласточки в случившихся стихах.

***

Сеет дождик с утра.
Чуть прохладно, и это приятно.
Жизнь совсем не сера:
В ней таятся ярчайшие пятна.

Добрый солнечный луч
В одночасье пронзит поднебесье
Весел, счастлив, певуч,
И узнаешь, что жизнь – это песня.

Петь её хорошо
На любые лады: окрыляет.
Как же счастье свежо,
И случается, что не бывает –

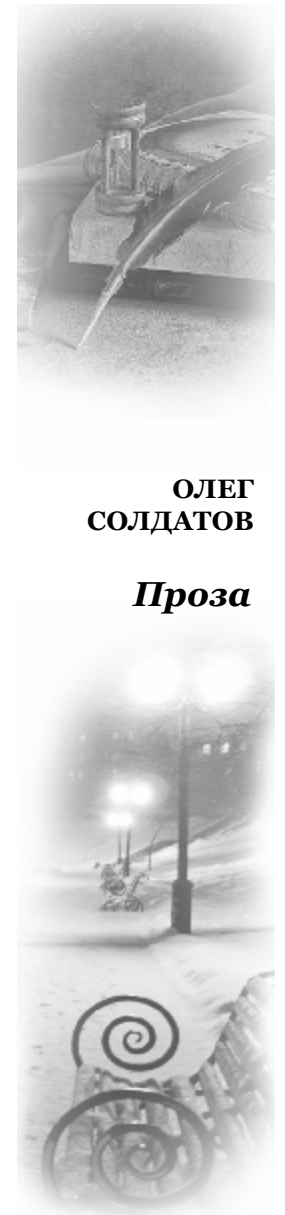
Никуда не спеша
Этим облачным днем сыроватым
Всё успеет душа,
И сейчас, не потом, не когда-то!..

За здоровьем

Ковид, доложу я вам, штука
препротивная.

Напасть небывалая, заграничная, её так просто ничем не возьмёшь. Видно, долго кто-то голову ломал, пробирки смешивал и, наконец, достиг. Народ так и мрёт. По всем каналам ежедневно докладывают, сколько граждан на жилье и на пенсию больше не претендуют, а сколько ещё упираются и койки казённые занимают. Случались, правда, и те, которые выжили...

Тут ведь что, главное, обидно: одному два раза чихнул и здоров, а другому – извольте, пожалуйста, прилечь в богоугодное заведение. Никакой справедливости. Тут всё от организма зависит. Был у меня приятель, так он зимой ходил в одной рубашке и в любовью, самый лютей мороз – без шапки. Я, говорит, принципиально шапок не ношу, мне не холодно. И всё ему хоть бы хны. Такой был крепыш, все дивились. Правда, умер от менингита...

ОЛЕГ
СОЛДАТОВ

Проза

Понятно, власти повсюду карантин объявили, всё поотменяли – концерты, спектакли, турниры, в метро и магазины пускают только в наморднике. Фармацевты по всему миру вакцины кинулись изобретать: Файзеры, Спутники, Эпиваки, Астрозенеки, Модерны (самое приятственное название!) и много чего еще такого разного. Кого берут эти вакцины, кого не берут... Кто, говорят, от вируса ничего, а от вакцины помер... В общем, что страшнее, вирус или вакцина, никто не знает и не говорит, но прививаться надо, деваться некуда. Ходили даже слухи среди граждан с подвижной психикой, что вакцина – это жидкий чип, который в людей нарочно вживляют, чтобы ими управлять на расстоянии. Вроде зомби. А потом, случись, к примеру, какая надобность, кто-нибудь главный подаёт команду с пульта у себя в бункере, и все тотчас его распоряжение выполняют, как медведи в цирке. Поди плохо?

Слышал я об одном проповеднике, которого непонятно с каких харчей понесло на далёкие острова, населённые дикарями. Приплыл он к ним и ну обращать их в истинную веру. А те ни в какую. Им и с прежней хорошо. Упираются и обращаться не желают. Чего он только ни делал, как ни старался, – всё впустую. Аборигены в него копья мечут вместо благодарности, не понимая, что им, остолопам, только добра желают. Известно, на то они и дикари, чтобы ничего не понимать. Тут-то и вмешались силы высшие. Оспа грянула. Дикарей косит, как траву серпом. А у проповедника откуда ни возьми вакцина. Вот он этим безобразникам и явил чудо исцеления. И мало того, что всех об-

ратил, так и земли далёкие к державе привлёк. Государственный был человек.

Словом, вакцина – штука необходимая! Без неё никуда! Ни в театр, ни на курорт. Ажиотаж небывалый!.. Всяк свое хвалит, чужое хаёт. Известно, дело прибыльное...

Такого страху нагнали, что народ к исконным средствам потянулся. А некий врач, – один из тех, кто здесь родился и учился, а там жил и лечил, – уверял, что исцелился одним лишь спиртовым окроплением. И популярность этим большую приобрёл.

– Накапайте, – говорит, – рюмку водки на подушку перед сном, и завтра будете как огурчик. Очень, – говорит, – этот вирус, спирту не выносит. Я, – говорит, – сам только этим и спасся.

Любопытно, думаю, презанимательное лекарство, нам вполне подходящее. Закупился я, натурально, на все свободные средства и беды не знаю. Да только миновать конфуза не вышло...

Как ни предохранялся я по рецептам сетевых мудрецов, всё впустую. И спиртовые пары вдыхал регулярно, и подушку на ночь горячительным смачивал, и каждодневно по вечерам внутрь принимал... Не помогло. Подцепил я энту заразу, а где – неведомо. Да и дело это, надо сказать, несложное. Проще некуда!.. Где хошь случиться может. Нынче, куда ни глянь, любой индивид по улицам сам по себе шляется, везде рот открывает да за всё, что ни захочет, грязными руками хватается. Отсюда и безобразия. Будто сложно, после как пальцем в нос спутешествуешь, руки помыть... Для того на каждом шагу оросительные аппараты понатыка-

ны. Подходишь к ним, руки предъявляешь, он тебе плюет на них чем-то вонючим, и свободен. Смело гуляй дальше, руки чистые. Так ведь нет. Спешат все, некогда им. Вот и доигрались...

Какой добрый человек на меня чихнул или в спину накашлял, не знаю... только заявляюсь я как-то раз в гастроном, а там шашлычок бараний готовят тут же прямо в печи; люблю, знаете, эти запахи аппетитные, взять-то не беру, не по зубам, а мимо пройти, да ароматы вдохнуть, очень любопытно. И вот подхожу я близенько, уже предвкушаю, слюну сглатываю, а только запахов нет!.. Там и пар, и жар, а принимаюсь — ничего. Будто нос отрезало. Вдыхать — вдыхаю, а приятности никакой. Я уж чуть носом по мясу не вожу — а оно не пахнет! Что за черт! Вот же штука!.. Мир целой краски лишился! Необычайное ощущение... Дай-ка, думаю, попробую кусочек. И купил-таки, и попробовал... Бумага бумагой! Никакого вкуса не обнаруживается. Тут уж я струхнул маленько, и поспешил в целительный ряд, где лекарство известное. Схватил, что поароматней, крышку свинтил, принимаю — ничего, глотнул — ни вкуса, ни запаха... Тут со мной головокружение сделалось, и всё я осознал. Симптомы верные...

Кое-как до дому добрёл и эскулапа вызвал. Пришла скоро девица в маске с клапаном, по длинной спице в каждую ноздрю мне воткнула, у меня аж глаза на лоб — чуть не до мозга достала, накрутила там чего-то, упаковала, велела ждать дня два-три, а сама бочком в дверь шасть, и нет её.

Жду... Температуру меряю... И разные штуки нюхаю. Ничего ж не пахнет! Что носки, что оде-

колон — одинаково. Жара особливо нет, но уже кхекаю...

Кутру телефон пликнул. Результат пришёл. Готово дело. Ковид. Будто и так непонятно! Пишут: сидите дома безвылазно, к вам придут. И точно пришла, другая, в скафандре, вся замотанная, на глазах очки водолазные. Ужасу напущала:

— Здесь подпишите, приложение в телефон установите, за вами теперь следить будут круглосуточно вплоть до уголовной ответственности...

— Что и камеру, — спрашиваю, — установят для слежения?

— Нет, — говорит, — сами себя будете фотографировать смартфоном и отправлять куда надо по первому требованию... Вот вам, — говорит, — таблетки, четыре банки, принимайте по восемь штук за раз, а как станет хуже — вызывайте сызнова.

Сижу дома, таблетки лопаю. По первому требованию фотографические портреты свои отсылаю. Только вздремну в полуобмороке, трам-бам в телефоне: срочно пришлите фотографию. Делать нечего. Три-четыре раза на дню свою физиономию запечатлеваю. Жара нет, но кашель каверзный, и в голову стреляет... Ничего, думаю, сейчас таблетки подействуют... Таблетки хорошие, и много как! Пока порцию примешь, стакан воды выхлебаешь. Как же им не подействовать?.. Но всякое нюхаю — пока ничего... А на другой день закрутилась карусель: и жар, и кашель, и озноб-трясучка, и дышать трудно, а главное — в голову словно гвозди вбивают, по одному, этак, в минуту. Хорошие такие гвозди, добротные, так что глаз при каждом разе

прикроешь... Дело худое. Вызвал эскулапа. Пришел парнишка. Глянул с опаской. У вас, говорит, лихоманка, я вас на КТ отправляю. И скорую сам вызвал. Ожидайте, говорит, а сам бочком в дверь, и нет его.

Что за КТ, не знаю, но приехали быстро. Двое в скафандрах. Дядя за главного и девица с ним в панцире фигуристая, есть на что посмотреть, если б не амуниция. Разложили меня на диване, проводами обвешали, клеммы на меня понатыкали. Измерили то да се.

– Нет у вас, говорят, ни инсульта, ни инфаркта. А по виду и не скажешь... Прямо удивительно...

– Спасибо, – говорю, – за хорошие новости. Порадовали...

– Не за что, – отвечают.

Погрузили меня в стеклянную призму и повезли. Еду, кислородом дышу, слышу: сирена завывает, это, значит, меня без очереди везут. Исключительностью своей удовольствуюсь. Когда ещё придется с сиреной да с мигалкою, да без очереди; это ж только для избранных, а я, стало быть, в самые избранные и угодил, хотя и при смерти...

Привозят куда-то.

– Ступайте, – говорят, – на третий этаж.

Ковыляю, а там уж все, натурально, в скафандрах. Как в фильме про инопланетян. Анкету мне суют под нос, говорят, заполняйте. А кругом такие же, как я, доходяги в кашле содрогаются, кто стоит, кто сидя доходит, а кто уже и прилегши благополучно. И все чего-то заполняют. Пригляделся, имена свои выводят корявыми буквами и другие сведения. А я без очков ихний бисер в упор не раз-

личаю. А очки, понятное дело, дома оставил. Кто ж знал, что тут процедура на проверку зрения? Что-то я там все же накалякал, отдал, как ни странно, приняли и повели. На столе операционном разложили, снова всего электродами утыкали, измерили, как положено, и опять куда-то потащили. Я уж взмолился, отпустите, говорю, меня, Христа ради, я сам до дома доберусь и лечиться стану подручными средствами. А мне объявляют, что, дескать, сатурация у меня ни к черту и что ежели меня сейчас отпустить, то завтра снова привезут, только вдвое худшем виде, что им-то в принципе всё равно, а для меня весьма нежелательно...

– У вас, – говорят, – легкая форма, всего двадцать пять процентов легких поражено. И, как полагается, по завёденному: и булыжная мостовая и матовое стекло имеются в соответствующем количестве.

– А что, – спрашиваю, – эти булыжники и стекло... эта стеклобетонная конструкция у меня так и останется внутри, или же ее как-нибудь демонтируют?

– Не волнуйтесь, – говорят, – никакого бетона в вас нет, а это мы так называем то, что в вас дышать не может.

– Вот оно как! – киваю. – Ну в таком разе я спокоен.

Знавал я одного кренделя, так тот два раза скорую вызывал с сильнейшим кашлем. Наизнанку человек выворачивался. Так первый раз ему поставили диагноз гастрит, а второй – желудочные колики, и только когда уж он додумался участкового вызвать из поликлиники, тут-то и опре-

делили, что у него воспаление легких. Чуть не окочурился бедняга. Два месяца в реанимации пролежал.

Затолкали меня в призму и снова куда-то повезли. А в призме две дамочки, опять же в скафандрах, только по голосу и понятно, что в возрасте, успокоили. Мы, говорят, уже переболели и, ничего себе, выжили. И вы, говорят, переболеете, главное, вовремя обратились, теперь спасут, не сомневайтесь. Я конечно, не сомневаюсь, понимаю, что просто так ни за грош помереть не дадут, изрядно придется помучиться ... Одно меня тревожит: за мной ведь следят, мне ж из дому отлучаться не велено. А вдруг хватятся? Где Садко? Нет Садка... Как это так – нет? Ну-ка, подать сюда Тяпкина-Ляпкина! Ляп по Тяпкину, тяп по Ляпкину, и привет, пишите письма, шлите апельсины бочками... Штрафов навывписывают и к мировому!.. Сколько случаев было! Правда-правда! Вышел человек в тапочках покурить на лавочку, а уж к нему летят с мигалками, в кутузку тянут, срок шьют... Зачем мне такое счастье? Позвонил куда-то дрожащими пальцами... Объясняю весь в наивности. А там уж про меня все известно! Мы, говорят, о вас всё знаем и разнообразно за вами наблюдаем, не переживайте. Тут уж я совсем успокоился, кислороду глотнул и покати́л в стационар.

Привезли меня, сдали с рук на руки. А стационар, я вам доложу, это бывший торговый центр в шесть этажей, каждый этаж с футбольное поле; на зоны все поделено и койками заставлено довольно плотно. Но это я после разобрал, а сперва меня в приёмный покой завели и велели ждать. А

в приёмном уже с полсотни человек в страданиях пребывают. Вызывают по фамилии регулярно, по мере освобождения коек, надо полагать. Народ, видно, как мухи выздоравливает... Примостился я на диванчике часу в десятом, вещички у меня зимние забрали, пижамочку выдали, тапочки... Сижу. А в голове стрельба такая!.. Бородинское сражение идет... Вот час проходит, другой. Думаю, ещё чуть-чуть, так ведь и ходули можно откинуть. Натурально, шарахает дед Кондратий нешуточно...

Тут какой-то санитарчик мимо меня прошмыгнул, я ему:

– Добрый человек, мне бы какую таблеточку... Очень уж в голову стреляет. Мочи нет.

– Подождите, — отвечает, — сейчас вас лечить начнут, тогда и попросите.

– Так ведь можно не дожидаться счастья такого, — говорю. — Когда ж начнут-то?

– Потерпите, — говорит, — теперь уже скоро.

А я и сам понимаю, что скоро. А что скоро-то? Карачун наступит?.. Может, думаю, грохнуться на пол, как без чувств? Небось тогда сразу подберут и откачивать примутся... Так же помню, однажды, в кожно-венерологическом диспансере дело было, один ловкач явился с гусарским насморком, а там очередь часа на три, он в крик: я, мол, с острой болью! Погибаю! пустите, мол, без очереди, а не то прямо здесь разрыв мочево́й аорты наступит. Известное, дело, когда ему провокацию вкололи... Повалился на пол, и ну кататься туда-сюда, как припадочный. И так вопил, так корячился, что люди куда более него заслужившие, и те в поло-

жение вошли и прониклись... Да и правильно сделали, надо сказать. Кому охота слушать такое три часа? А по мне, если уж подцепил чего, то сиди и молчи, сокрушайся внутренне, а малодушие не обнаруживай, по заслугам и награда...

Наконец, часу этак во втором, и моя очередь подошла... Позвали меня, к столику подвели и анкеты заполнять велели. А я смотрю: анкеты те же самые.

– Я уж заполнял, – говорю.

– Это вы там заполняли, – отвечают. – А теперь здесь надо.

Ну уж я спорить не стал, заполнил, как умел.

– А таблеточку, – спрашиваю, – дадите? А то очень в голову стреляет нестерпимо.

– Сейчас, – отвечают, – доктора вами займутся и всё дадут.

– А вы что же, – спрашиваю, – мной не займетесь ещё?

– Мы, – говорят, – администраторы, мы оформляем. А лечить вас доктора будут, у них и таблеточку попросите.

Тут я со своей непонятливостью обратно в приемный покой побрел и ещё часа два перекантывался.

Не позавидуешь этим докторам! Нормальные-то люди, шофера али там слесаря, скажем, по ночам спят себе покойно, организмы свои изношенные восстанавливают, плотные ужины бурча переваривают, а кто и всхрапнет от удовольствия и избытка чувств... А доктора? Цельную ночь до зари людей спасают! Великая, надо сказать, профессия! Памятник бы им всем поставить! Себя

для людей не жалеют, жизнями своими жертвуют и счастье от того получают великое, ни с чем не сравнимое... Только не все болезные успевают до них довлачиться... Кого и на погост оттащут из ожидания, а кто и сам домой побредёт, рукою махнувши... Похожий случай приключился с моим дедом, когда однажды он надумал обратиться к дантисту. Записался он на приём, чин по чину, пришёл, сел в коридорчике, шляпу снял, положил рядышком и ждёт. Тут дверь кабинета открылась на щелочку, и он увидел в глубине человека в кресле, над ним другого — в белом колпаке и халате и с какой-то кривой клешней в руках, которой он прямо в рот тому человеку тыкал, а у того изо рта дым при этом валил столбом... Посмотрел дед на всё это, крякнул, шляпочку свою взял аккуратненько и бочком-бочком да к выходу. И больше с тех пор ни по каким врачам не ходил. Так и прожил с одним зубом до глубокой старости.

В начале четвёртого, – когда я уж и рукою махнул и помереть уже не страшно, все ж лучше, чем такие муки терпеть, – меня с дивана подняли и повлекли. Завели в отсек герметический, опять всего обмерили по всякому, все параметры сняли, крови откачали пробирки три.

Я говорю:

– Мне бы таблеточку...

– Подождите, – отвечают, – ещё немного. Уже недолго осталось... И врачи за вас примутся.

– А вы кто? – интересуюсь.

– А мы санитары. Потому, мы, конечно, выслушать вас можем, но лекарства назначать не вправе. Это только докторам позволяется.

Ну это и понятно. Мало ли на каком рубеже излечения меня ударчик хватит? Пока я у них, им и отвечать, а сдали с рук на руки, и гора с плеч.

В шлюз меня впихнули и дальше по этапу, как полагается. На лифте вознесли, иду словно по полю, ширь кругом, полумрак, койки рядами в даль... Пустых множество. Наконец и с людьми попадаться стали. Кто кашляет, кто храпит, время-то ночное, тёмное.

– Вот, – говорят – ваша. Располагайтесь.

Лёг я, спрашиваю:

– Таблеточку нельзя ли?

– Обождите, – говорят.

Сестричка ко мне подошла.

– Сейчас, – говорит, – врач вас осмотрит.

– А таблеточку?

– У него и попросите. А я вам пока катетер поставлю.

Воткнула мне в руку иглу с трубкой и ушла на пост.

Лежу проткнутый, с трубкой, себя жалею... В голове слово петарды рвутся... На соседнюю койку азербайджанского деда подложили. Я его ещё в приёмном заметил:

– Ах, какой, – говорит, – у нас президент! Ах, какой! Орел, а не человек!..

– Что такое? – спрашиваю. – Кто нечеловек?

– Ах, какой молодец!.. Он им так и сказал: не хотите жить в мешке, будете жить в кишке!..

– Кому говорит?

– Им говорит.

– А они это кто?

Тут он смотрите на меня, как на полоумного, и спрашивает:

– Ты в Баку был?

– Не был.

– На, смотри, – и телефон мне свой суёт с роликком про Баку.

Посмотрел я одним глазком, второй у меня от треска в голове прищурился.

– Да, – говорю, – знатно. Только такую рекламную клюкву можно о чем угодно снять, о любом городе, даже о Воркуте. Это дело известное. В тридцатые годы, – говорю, – и про Беломорканал и про канал Волга-Москва такие фильмы снимали – закачаешься. И все счастливы в созидательном труде и поют, и любят, и куда-то стремятся, а на деле, столько народу там полегло, что не до смеха. Все берега крестами усеяны.

Тут врач пришла в панцирной броне. Глаза из-под очков сверкают. Восточная женщина. Их, видно, в столицу кинули на усиление. Своих эскулапов не хватает.

– Как вы, – спрашивает, – себя чувствуете?

– Плохо, – отвечаю, – в голову очень стреляет. Мне бы таблеточку...

– Сейчас дадим. – И сестричке указание дает: – Сюда капельницу и кислород. – И ещё какие-то слова непонятные произносит.

Тут ко мне вешалку с крючком подкатили, пакет полулитровый прозрачный с трубкой подвесили и мне в катетер воткнули.

Лежу, всасываю.

– Вот вам. – Открываю один глаз, гляжу: таблеточка. – Под язык.

Запускаю под язык эту кислятину, через пять минут язык как желе, но голову отпустило. Боже мой! Какое счастье-то!.. Перестали гвозди вкола-

чивать! Глаза открылись! Отступил Наполеоша со своей артиллерией! Оживаю... Тут уж я огляделся.

Вокруг меня человек полтора года положено, все поле на отсеки поделено, в каждом по шесть коек за низкой перегородочкой, так что всех видно, но разделение присутствует. По центру зала врачевный пост, столы с компами, а народ вокруг рядами разложен.

Просьпаюсь утром, завтрак на прикроватном столике, смотрю: соседи поднялись и уже лопают. А тут и каша, порция солидная, и яйцо, и масло, и хлеб, и яблоко, и соки и воды, хоть упейся... Публика кругом возрастная, пенсионная. Не успел я булку дожевать, как мне опять капельницу ставят, скорость лечения очень высокая, а соседу пристеночного к выписке готовят. Катетер из него вынули, переодели, вещички он в пакетик сложил, и сидит ждёт, когда выпустят. Только заминка у них вышла по какой-то причине. Вот сидит он час, другой, третий, время обедать, а на него уже не несут... Он скромно интересуется:

– Что же это такое? – говорит. – И не кормят, и не выпускают. Никак про меня забыли...

А на обед насыщение идет полным ходом. Кормят, как в самолете, чуть не вдвое супротив того, плюс еще и первое, а соки-воды – это уж я молчу, хоть залейся! Хлеба четыре куска и фрукты... Кормежка на убой, видно, чтобы уж люди порадовались напоследок. Все вокруг него лопают, а он только глазами хлопает. Позвали санитаря для разъяснения.

И тут у него с расстройства температура подскочила.

– Чего-то меня, – говорит, – колбасит...

Смерили, тридцать восемь с половиной. А он трясется весь, как в лихорадке, зубами шелкает. Тогда его опять раздели и укол засадили жаропонижающий.

– Рано, – говорят, – вам еще выписываться. Полежите у нас еще недельку.

Ковид – штука коварная... До вечера он проспал, как убитый. А проснулся, встал словно после купания, весь мокрый; майка, простынь, матрас – хоть выжимай. Поменяли ему постель, ужином накормили и проводили в глубокий сон до утра.

А прежде полдника, то бишь сразу после обеда, вышла врач в скафандре, встала в серединку прохода, чтобы ее лучше слышали, и речь толкает:

– Граждане пациенты! Наша задача вас лечить, а ваша – лежать на животе. Потому как лежать на животе легким очищаться сподручнее. И если вы этого не понимаете и выполнять не станете, то место вам не здесь, а в палате для умалишенных или в реанимации... Там, – говорит, – места еще есть свободные. Кто желает без очереди?

Натурально, никто желания такого не изъявил, все дружно на животы перекатились и голыми пятками засверкали, у кого носков не оказалось.

И вот я ем, сплю, на животе лежу исправно, вечером мне ещё капельницу воткнули для полноты ощущений. А из другой руки кровь берут на анализы. В одну руку вкачивают, из другой выкачивают. Лежу фильтрую... К ночи за день выспался.

Слышу сосед, что наискось от меня, пузатый такой, на дорожного инспектора похож и по физиономии, храпит, аж заливается, шедевры выдает колоратурные, вдруг у него видно во сне сюжетец намечился, возможно, криминальный:

– Хыр... хр-р-р... Лопату не забудь... слышишь... лопату! – это он кому-то скороговоркой указания дает. – Лопату, хр-р... лопату возьми...

Может, он червей копать собрался для рыбалки... может золото искать? Может, тещу хоронить... Сон – дело тонкое. Вот одной даме, например, целую неделю снился Владимир Высоцкий, правда, без гитары. И она его во сне каждый раз спрашивала: «Как же так, Володя? Зачем же ты так пил? Неужели из-за того, что тебе не давали ролей?» А он посмотрит на неё, как на дуру полную, рукой махнёт: «Эх, – вздыхает, – ничего-то ты не понимаешь».

На третий день утром просыпаюсь, смотрю на руки, а они с голубым отливом, то есть не розовые или бледные, а натурально, синюшные, как небо в дымке. Перепугался я, и бежать на пост. Картина необычная...

– Что это? – спрашиваю. – Как понимать это цветное единообразие?

Врач меня резиновыми клешнями ощупала, через очки осмотрела, молчит. А санитар, весёлый такой парнишка, большой шутник, говорит серьезно:

– Я знаю, что с вами... Это вы в Шрека превращаетесь!..

– Тогда уж не в Шрека, а в Аватара, – парирую.

Наконец и к врачу речь вернулась, советует:

– Вы ходите полчаса, потом кислородом подышите...

А с этим кислородом вышла история. Трубки медные под потолком протянуты, у изголовья краник, открываешь и дышишь через маску. Подышал, краник закрой, оставь другим подышать. Кислород в дефиците, всем надо. А я по первости и слабости краник закрутил неплотно... Так подскочила, хрупкая, стройная, хоть и в скафандре, глаза сверкают:

– Что вы, – говорит, – неплотно закрываете!

Я говорю:

– Слабость большая... сильнее не могу.

Она так завернула, что я потом еле отвернул.

– Я могу, а вы не можете? – укорила несчастного и пошла дальше всех лечить.

А ночью вдруг будит меня:

– Анализы мне ваши что-то не нравятся... Отправляйтесь-ка на КТ, если всё плохо, то я вам другое лекарство назначу...

Видно мои синие руки ей не понравились, будет перекрашивать.

Повели куда-то во тьму, на лифте вниз, разоблачили, запахнули в установку, – наподобие большой овощерезки, только без ножей, – просветили, что следует, обратно вернули и в койку уложили.

Только задремал, опять будит:

– Будем продолжать по-прежнему. Другое лекарство не требуется.

И правда, на следующий день руки побелели, стали похожи на прежние человеческие.

Азербайджанца на третий день недолеченного выпроводили. У него полиса нет, так и держать не положено, езжай к себе в Баку лечись.

А мне на пятый день говорят:

– Мы, – говорят, – в вас главную инфекцию уничтожили, вирус ухайдокали. Теперь вам лучше домой перебираться, и самому долечиваться. Оно и полезнее, и воздух здоровее, а тут вы, кроме своей, чужой заразы, того и гляди, нахватаетесь...

– Золотые слова, – говорю. – Выписывайте!

Очень я их этим своим решением порадовал.

Собрался быстро, вещички мне вернули, посадили в автобус и аж до самого моего дома прокатили. Спасибочки! Съездил за здоровьем!..

Теперь хоть и звенит в ушах, и пузо отросло, и давление под потолок, но ведь на то оно и здоровье, чтобы его беречь, преумножать, а потерявши искать и далеко за ним ездить...

ДТП

Просыпаюсь раз, сухость во рту нестерпимая, а поправиться нечем... Врубаю телик от безнадежности, а там с утра пораньше историю докладывают: как одна краля под автомобиль олигарха угодила, и хоть тот упирался и в несознанку шёл, а всё ж она с него требовала... Пришлось-таки ему голубчику отслонить ей кругленькую сумму на поправку здоровья. Понятное дело, без увечья не обошлось... Но ежели дело касательно поправки, то нас ничто не остановит... Хватаю кепку – и на улицу. Вот ведь, думаю, какие любопытные идеи по ящику подкидывают...

А возле дома улочка узенькая, вся машинами заставлена, по тротуару не протиснуться, авто еле разъезжаются... Но притаиться есть где, и выскочить перед лопухом зазевавшимся можно с лёгкостью. Так, чтоб и не насмерть и вроде как на поправку здоровья требовать непременно... Вот, представляю, едет олигарх какой-нибудь, горя себе не знает, а тут я – здрасьте, пожалуйста, извольте раскошелиться на поправку!..

Выбираю позицию аккурат возле джипа припаркованного. Жду родимого. Давай, думаю, жми на газ, упитанная твоя нелицеприятность, щас мы тебя тёпленьким брать будем, не отвертишься... Нам терять нечего, нам хоть танки пушай, мы готовы и под танки...

Слышу – заурчало, я – наизготовку, попрощался мысленно... И тут мне сзади по спине – тресь! – костылем должно быть, и за одёжку меня хватать, и прочь от дороги тащут...

Я вырываюсь.

– Пустите! – кричу. – Вы зачем это не даёте человеку свободно жизнью распорядиться!? – Гляжу: меня две старушки и старичок с костылем в плен берут. – Вы чего, – говорю, – творите? Вы по какому такому праву меня руками хватаете? Я, – говорю, – никого меня спасать не уполномочивал!

А старичок попался боевой, взъерошенный, еще в Гражданскую небось пашкой махал, даром что инвалид, заявляет:

– Нужен ты нам больно... А только совесть иметь надо!.. Тут постарше тебя ещё затемно занимали... А он вишь какой ловкий паразит, только глаза продрал, а туда же — лезет без очереди...

Я говорю:

– Понял... Старость уважаю... Только зачем же сразу костылями размахивать? Ведь этак можно раньше времени увечья приобрести... Никак, – говорю, – не думал, что тут очередь. Раз такое дело, кто, – спрашиваю, – крайний?

Старичок костылем махнул:

– Ступай, – говорит, – во двор, там спросишь...

Захожу в скверик, вижу: сидят старички и старушки на лавочках, словно десантники перед высадкой, да парочка бомжей под деревцем ошивается, ну есть и приличные люди, навроде меня, с утра уставшие... Спрашиваю:

– Кто, извиняюсь, граждане, крайний? – Молчат, насторожились. Вроде как и не расслышали. Я повторяю: – Кто, – говорю, – крайний будет под машину бросаться?

Тут те двое, которых я сперва за бомжей принял, ко мне подходят и фамилией моей интересуются... Я думал, сейчас начнут руки крутить и в кутузку сажать. Только собрался дать дёру, как один из них, чернявый, говорит:

– Тут по предварительной записи. – И договор какой-то мне подсовывает, на, мол, подписывай.

Гляжу: листок с печатями. Буквы перед глазами так и прыгают. А чернявый объясняет:

– По договору исполнителю причитается двадцать пять процентов от суммы иска, двадцать пять – организатору, двадцать пять – адвокату и двадцать пять на развитие бизнеса.

– А сколько, – интересуюсь, – вся сумма?

– Это, – отвечает, – зависит от степени увечья. Кому как повезёт... Некоторым так даже очень

надолго хватает... Старикам, опять же, хорошая прибавка к пенсии. А есть и те, кто не в первый раз – старожилы, так им без очереди...

– А хозяин кто? – спрашиваю.

– Хозяин, – говорит, – с конкурентами разбирается. Он здесь точку застолбил, а теперь бизнес расширяет... А мы – смотрящие.

Записался я триста шестьдесят пятым, телефон оставил и пошёл домой. С тех пор каждый день ходил отмечаться, семинары посещал платные, чтоб знать, как лучше под машину бросаться и увечья получать достойные... Меня даже хотели в инструкторы произвести, но передумали по причине моей невоздержанности... Тем временем бизнес в гору пошёл. Хозяин с конкурентами разобрался, теперь вся улица наша. Теперь, глядишь, если повезёт, заживём...

И вот год минул, подошла наконец моя очередь... Оделся я поприличнее, соседке ключи оставил, чтоб коту кормила в мое отсутствие... А на улице весна, почки расфуфырились, травка зеленеет... Такая, знаете ли, конкордия вокруг, что прямо-таки жить хочется! Примостился я за джипом и разомлел. Вот, думаю, вроде простая вещь – под машину попасть, а и тут без науки не обойтись, всему учиться надо... Зазевался и чуть клиента не прошляпил. Автомобиль дорогуций, так и сияет на солнце, сразу видать дело на миллион светит, если выгорит... Сиганул я вперед, голову руками обхватил, бока локтями прикрыл, чувствую: есть контакт; перелетаю машину как легендарный гимнаст Дитятин через коня – в вы-

соком кулбите – и приземляюсь аккурат на газончике. По ощущениям нога и ключица точно сломаны, половину себя не контролирую... Дожидаюсь, когда наши подспеют, чтобы акт увечья засвидетельствовать, и преспокойненько расстаюсь с сознанием...

Очнулся в больнице. Весь в бинтах и в гипсе словно мумия, левая нога к потолку задрана. Эге, подсчитываю, да тут не на один миллион, а на целых два потянет. А то и три...

Вот лежу неделю, апельсины кушаю, как-то там, думаю, мои денежки... Наконец заявляется чернявый. Сразу он мне в этот раз чем-то не понравился.

– Что? Как? – спрашиваю. – Сколько удалось содрать с лоха богатенького?

А он мне и отвечает:

– Ты, – говорит, – под новый «Бентли» хозяина угодил... Фара вдребезги и крыло помято... Так что придется тебе и на ремонт лимузина, и на лечение самому раскошелиться... – И документы мне подсовывает, на, мол, подписывай. А там уж и печати проставлены, буквы перед глазами так и прыгают. Подписал я, конечно. Ведь обещали на второй заход пустить без очереди. Так что, даст бог, ещё заживу по-человечески...

Бессонница

Мизансцены

Бессонницу можно ненавидеть, но уважать всё же стоит. Да и как не уважать, если в эти минуты столько всего вспоминается. Пусть отрывками, пусть не во временном соответствии, но почему-то только доброе и хорошее.

***

КАЗ.СССР. Уральская область. Г. Аксай. Кажется, 66-й год.

Раннее-раннее утро. Скорее ночь. Бабушка ещё не выходила на утреннюю дойку к Июньке.

Просыпаюсь у печи, кто-то в сенях обледенелой дверью скрипит. На улице мороз, предновогодье.

– Ваня, Мария! – сквозь сон слышу голос дедушкиной сестры Ирины. – Вы у хати, чи ни?

– Оришка! – дедуля закашливается. – Чорты тоби ну кулаках принесли! Ище куры сплять!

СЕРГЕЙ
СКРИПАЛЬ

Проза

– Що зробилося? – бабуля уже в снях!
– Та Мишку мово на Доску почёта протянули!
– гордиться бабушка Оришка.

Засыпаю снова под негромкий разговор за столом. Чай с молоком из блюдца, колотый щипцами рафинад.

Утром с дедулей на санях мимо городской Доски проезжаем.

Зорька, как зная, останавливается у портрета дяди Миши, дедушка ей пук соломы протягивает. Лошадь жуёт, роняет горячие яблоки из-под хвоста, кивает гривой. Дедушка любит племянником, лучшим слесарем железнодорожного «депа», а я думаю, когда дядя Миша обещанную ледянку принесёт. Пацаны, вон, катаются с горки.

Хорошо на душе, тепло на сердце.

***

Шутка в народе гуляет, мол, объявление от первоклассника, который продаёт предметы из портфеля и учебники. Всё слегка подержанное.

Смешно, да! Но не всем.

Например, моему младшему брату! Поскольку для него это, так сказать, из пережитого. Он, конечно, не в первом классе, но в начальной школе, реализовал оптом пацану из соседнего подъезда, на год младше, весь портфель, со всем содержанием. За три рубля.

Накупил заварных пирожных и лимонада. Гуляли широко. Всем двором. И покупатель участвовал в пиршестве.

***

Кажется, как раз после поступления в техникум, в очередной раз летом к нам съехались родственники. Их много было тогда ещё. Да шутка ли, у мамы было семь сестёр и три брата! У каждого детвора. Впрочем, история не о том. Был у меня двоюродный братишка-одногодка. Иностранец.

Меня всегда удивляли его взгляды на некоторые вещи. Он ровно так же, как и я, любил рок, слушал те же пластинки, что и я, наслаждался и Битлами, и Тёмно-лиловыми, и Королевой. Впрочем, ему было проще. У себя там, дома, за бугром, он спокойно мог пойти и купить то, чего душа желала. Мне привозил, конечно. За что ему отдельное спасибо!

Мы с ним ходили и по нашим магазинам, где он внимательно рылся во всех пластинках, что продавались. Выбирал, на мой взгляд, совершенно невысказанное, потом слушал на моём проигрывателе, и я понимал, что брат млеет от приобретённого.

Как-то раз он купил пластиночку «Танго».

Ну, раз брату нравится, то и я стал прислушиваться. О, а ведь отлично, а ведь да, моё тоже! На следующий день поехал в тот же магазин и ага... нет. Дефицит!

Но ведь я не успокоился, нашёл-таки пластиночку. Не так быстро, как хотелось, совсем недавно. Брат, спасибо за науку.

***

В 74-м году поступил в техникум. Там была странная привычка в конце октября проводить

легкоатлетический кросс с оригинальным названием «Золотая осень». Выглядело это эпично: практически все студенты, от мала до велика, по выстрелу из стартового пистолета толпой неслись через лес, вокруг прудов, вдоль Кубани, матерясь, плюясь, посвистывая лёгкими, дико кося глазами на редкую цепочку преподавателей, выставленную вдоль всего маршрута забега. Уйти с трассы никому не удавалось. Спорт же в массы! Лозунг такой был.

Кстати, ровно так же в школе всех загоняли на хор. Да, да, да. поголовно. Потому как, опять же, лозунг был «Искусство в массы!».

Так и жили. Что-нибудь да в массы.

***

В декабре 75-го приобщился к комсомолу. Собирались раньше, ещё в восьмом классе, но не случилось. Не приняли. Ибо. Рассказывал однажды, как мы с пацанами классный журнал за школой сжигали. Под окнами учительской. (Нет, чтобы подалеже уйти!). Вот и того. Отклонили мое заявление на вступление в ВЛКСМ. И правильно, и нечего было стройные и плотные ряды марать.

А в техникуме на первом курсе к зимней сессии нас всех, кто в школе мог изгадить славное имя комсомола, приняли в Союз. Наверное, мы уже исправленные были. Прямо вот взяли и всех чохом приняли. Вопросы позадавали перед этим. Что-то о «демократическом централизме» (кажется, так) мне досталось отвечать. Фотографии три на чётке собрали. И через пару дней прямо на уроке

математики билеты и раздали. Сам секретарь комитета комсомола техникума подходил, руку жал и раздавал.

Помнится, я тогда удивился: секретарь наш на студента мало похож, лысоватый тридцатилетний дядька. Но отмахнулся от мыслей. Мало ли, может, второгодником в каждом классе сидел, а теперь исправился, и доверили руководить.

Так что организация ВЛКСМ была хорошей школой и трамплином. Для тех, кто понял правила игры. Они и сейчас у рулей разного уровня. Это те комсомольцы, кто организовывал, направлял, убеждал, наставлял, уговаривал, по-товарищески угрожал, иногда врал и приписывал.

Интересно, что люди с профильным, как правило, образованием, ни дня не работавшие в школе, в больнице, на шахте, у станка, оказывались в высоких креслах. Собственно, они и сейчас там. В них. В управлениях, в комитетах, в министерствах. Да сами посмотрите на первые полосы газет, в экраны телевизоров, в новостные полосы интернета. Узнаете?

Впрочем, верили мы или не верили в идеалы коммунизма, неважно. Мы были молоды, мы жили в той стране. Так что «любовь, комсомол и весна...».

***

В техникуме был у меня приятель Витя, хороший парень, добрый, рукастый, но немного не в ладах с головой, незначительно совсем, память страдала. На первом курсе преподаватель истории дал задание выучить текст Гимна СССР.

Каждый должен был встать со своего места и с выражением (или без оно́го) прочитать наизусть отрывок. Вите достался вот этот куплет:

«Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,
И Ленин великий нам путь озарил:
На правое дело он поднял народы,
На труд и на подвиги нас вдохновил!».

Ясное дело, для Вити Гимн был велик и неподъёмен, пришлось подсказывать...

Шёпотом ему «кричу»: «На правое дело он поднял народы...». Витя, нервно прислушиваясь, повторяет за мной: «На право... на лево... он поднял народы...».

Витя получил двойку за исполнение, я – за суфлё́рскую работу.

***

На зимние каникулы поехали отдохнуть к Вите в село.

Снега тогда навалило – жуть, деревенские забавы – прелесть! Нам тогда по пятнадцать лет было-то. И на сани, запряжённых конями, по полевым дорогам, и на лыжах по холмам, и на коньках по пруду (или на коньках это в другом географическом месте было?!), и танцы в клубе, и девчонки румяные, спелые такие. Эх!

По привычке заглянул в единственное сельпо. Там, как везде по Союзу, на полках среди кусков хозяйственного мыла, рыбных консервов, носков и прочего были книги и пластинки. Порылся и купил несколько. Одна из них «Певцы Леса Хамфри». Отличная пластиночка в неприхотливом бумажном конверте.

Остаток каникулярных вечеров мы провели под эту музыку. Была там, в селе, девчонка Надя. Ей так нравилась песня «Мексико». И я бесконечно ставил на проигрывателе эту мелодию, потому что мне нравилась Надя. Ах, эта Надя!

А потом я шёл провожать её по тускло освещённым улицам села по скрипучему искристому снегу. Мы с Надей даже целовались и... Впрочем, об этом как-нибудь потом.

Удивительно свежо и сегодня звучит оркестр и певцы Леса Хамфри!

А вот Вити не стало. Пластинка его пережила. Слушаю «Мексико». Грустно.

***

Раньше лозунг был «Город – селу». Это когда инженеры, рабочие, бухгалтеры, учителя и прочие, и прочие белоручки в едином порыве с решениями партии ехали в поля. В основном картофель собирать.

Впереди ползет трактор, землю бороздой вскрывает, из неё картошка вылезает. Идёшь с ведром и кланяешься, кланяешься. Как только ведро наполнилось, спотыкаясь о комья земли, бредёшь к здоровенной телеге, высыпашь из ведра. И так с утра и до вечера.

Да всё б и ничего, только сегодня суббота. Завтра, ясное дело, воскресенье. Его тоже уборке картофеля посвятят партийные руководители. Порыв-то единый!

Только вот, честно, в понедельник я ни одного сельского картофелевода не встречал в бухгал-

терии завода, в школьном классе, у фрезерного, например, станка или, скажем, в репетиционном зале театра пантомимы.

Как-то вразрез шли труженики села с жизнью городской. Или партийные руководители что-то не додумали. Хотя этого просто не могло быть! Невозможно. А впрочем...

***

Зашёл к парням знакомым в гости в общежитие. Радужно приняли:

– Садись, Серый, за стол! Поужинаем. Сейчас Ванька картошку с мясом дожарит.

Дело хорошее. Кто откажется. С тренировки иду, голодный.

Ждём. Заходит Ванька, прихваткой держит двумя руками огромную сковороду. Размером с хорошую банную шайку. Запах потрясающий!

На столе помидорчики маринованные, огурчики. Вилка нет. Баловство это. Ложки. Самый надёжный инструмент. Никогда не подводит. Да и входит в неё не в пример больше.

Ванька опытным глазом охватывает стол и сразу исчезает за дверью. Со сковородой.

Удивлённо смотрю на парней.

– Нормально, – голодным голосом протягивает Колян. – Ложку пошёл искать!

– А чего картошку не оставил? – не понимаю я.

– Хы, – Колян, широко улыбаясь. – Нельзя! Пока инструмент найдёт, сковородочка пустая будет.

Хорошая, важная школа – общежитие.

***

В параллельной группе учился чудаковатый парень Женя. Где-то прослышал он, якобы в городской газете платят гонорар в целый рубль за кроссворд. Вот и увлёкся Женя.

Жаль, что не осталось у меня ни одного его творения. Рыдали всем курсом, когда разгадывали.

Помнится, как-то очередной его шедевр рассматривали, нарисованный на тетрадном листе в клеточку. Среди прочих был и такой вопрос по вертикали: «Дырка в земле. 6 букв». Бились-бились, не подходит ни нора, ни яма, ни овраг. Коля от гордости аж рдел ушами. Оказалось, тАнель.

– Так какого хрена, ты, Женя, тоннель через «а» написал, да ещё с одной «н»? – возмутились мы несмышлёныши.

– Ну, если через «о», то по вертикали «Пышка с начинкой. 7 букв» не получится. А что с двумя «н», так забыл!

Стали думать, что за пышка такая... Оказалось – «ватрушка», только во множественном числе, «ватрушки». Ну и за знания Женю зауважали мы, конечно, всё же знает парень, что именно вАтрушка, а не вОтрушка. Молодец.

Подумаешь, во множественном числе, главное, что по вертикали «Сильное чувство. 5 букв» идеально прилегло. «Изпуг», если что!

Так и не стал никогда Женя ни кроссвордистом, ни миллионером. До пенсии проработал слесарем на заводе. А чужие кроссворды от скуки иногда решает и плюётся, если вопросы безграмотные или сложные.

***

В архиве есть пластинка. Умиляет памятка на внутренней стороне разворота конверта: «Гибкие пластинки можно слушать на электропроигрывателях, предназначенных для долгоиграющих моно- и стереопластинок». А как же, народ в магнитофоны пытался запихивать пластинку вместо бобин. Весело, немного грустно, ностальгично.

Итак, вокально-инструментальный ансамбль «Битлз», Англия. А. Солнце восходит (Дж. Харрисон), Потому что, Б. Поппури (Дж. Леннон и П. Маккартни).

Раньше я для чего-то подписывал пластинки, где и когда их приобрёл. Вот эту синенькую купил в Одессе в 1975 году. Даже помню тот газетный киоск на Привозе. Довольно часто бывал в те времена в городе-герое и навещался в ту точку продажи. Кое-что удавалось купить. И не только из музыки. Однажды, как в том анекдоте получилось: «У нас с Джаггером 2003-й год памятным оказался: Мик получил титул лорда, а я по роже в Челябинске».

Да, да, да, так и произошло в Одессе в 75-м. Отхватил от местных хулиганов, пытавшихся стрясти мелочишку от пацана залётного. Не стрясли. Но хоть подрались! И пластиночку эту слегка примяли, однако на качестве воспроизведения небольшой гиб не сказался. Всё равно плохое звучание. Но какая радость была от покупки!

***

Тогда же в Одессе купил штаны. Вельветовые. С широким таким рубчиком. Крой почти джинсо-

вый. С клёпками и двойными швами. И цвет был чудесный. Оранжевый, радикальный, яркий.

Думаю, в нашем городе таких штанов больше не было ни у кого. Взгляды прохожих встречали моё появление задолго и провожали тоже долго. Не скажу, что бабули-дедули обидно свистели и улюлюкали в спину, но плевались. Это факт. И с чего бы? Такая красота оранжевая.

Я сначала немного стеснялся. Старался штаны носить редко. В школу не напялишь на себя. На тренировку – тоже. И стащить могли из раздевалки. А по выходным – да. В кино сходить или в другое культурное место.

Штаны прекрасны ещё и тем, что я стал заметной фигурой. Со мной знакомились девушки, хулиганы протягивали руку для знакомства. Слава пришла.

Если бы наша лёгкая промышленность была более развитой и использовала прогрессивные химические красители, то оранжевые штаны просуществовали бы дольше, и мой триумф в городе упрочился. Но... После нескольких стирок штаны поблёкли, оранжевость превратилась в слабожёлтый цвет, а затем совсем посерела.

Однако в хозмагах продавались анилиновые красители. В таблетках. 15 копеек за штуку. Это был выход из положения.

Бывшие оранжевые красавцы-штаны раз в неделю превращались то в джинсово-голубые, то в красные, то в зелёные. Какие были красители, такие и использовал.

В конце концов штаны превратились в то, что в начале девяностых называли «варёнками».

Секретом превращения штанов в модную одежду не делился ни с кем. Отмахивался, мол, так, при случае достались.

Конец штанов был предсказуем. Их утащили из шкафчика в цеховой раздевалке, где я проходил практику после первого курса техникума.

Больше те штаны я не видел. Исчезли. Наверное, в другой город уехали.

К слову, мне за те штаны предлагали неслыханные сто рублей!

***

Помните? Хотя, не все, конечно, в силу возраста. В 70-е годы в моде были махровые майки-футболки. Такие ярко-жёлтые, с полосатым разноцветным воротником-резинкой, такой же резинкой по рукавам и по низу майки. Да помните, конечно. Но речь не о майке в конце концов.

Бегу я по широкому коридору техникума. Поздняя весна. Солнца – море разлитое. Ярко вокруг.

Бегу как раз в такой желтой майке. Несусь (извините!) в туалет. Чай, компот и другое наружу просились.

Навстречу мне несется ровно в такой же маечке мужчина и странно знакомым голосом спрашивает:

– Паренек, подскажи, где туалет?

Подсказал. Влетели плечом к плечу, в соседних кабинках стоим.

Моем одновременно руки под кранами, смотрю, какое знакомое лицо у мужичка. Потом осеңило, это ж Лещенко, концерт его через 10 минут у нас в актовом зале начнется!

Автограф не взял у него. Хотя, чем на чём писать, да и место какое-то двусмысленное.

***

Сразу после срочной службы работал на крупном предприятии мастером. В двух моих бригадах трудились взрослые дядьки. Занимались мы текущим и экстренным ремонтом оборудования цеха. Кроме слесарей были и сварщики. Сварные, как их называли. Один из них – Коля-Колюшок.

Коля был золоторуким, варил любым швом: хочешь – таким, хочешь – этаким, а хочешь, так вообще такенным. Интрига ни к чему, ясно же, что Колюшок работал тем лучше, чем был пьянее.

Никакой техники безопасности одним словом! И ничего не поделаешь, не интеллигенция гнилая, ни инженеришка-итээровец (как я), самый настоящий рабочий класс! На руках Колю носили. Он меня, молодого, успокаивал:

– Не бойсь, мастак! Я ж с понятием на высоте паяю!

И правда, Николай уже на трёхметровой отметке продевал через специальное стальное ушко на монтажном поясе прочную металлическую цепь, окутывал ею трубу или что там варил электро-сваркой, и намертво сваривал её концы. Работал как бог, иногда отхлебывал из армейской фляжки чего-то и снова брызгал искрами. Иногда засыпал, тюкался головой в шлём (терминология особая) о металлические предметы, легко засыпал и легко просыпался. Несколько раз на моей памяти срывался с разных высот, а они были серьёзными, до 50 метров, но досыпал положен-

ное, карабкался на трубопровод и снова грамотно тратил электроэнергию Родины.

Вскоре Колюшок женился на Ленке-сварной из другой бригады, тоже, к слову, исключительной мастерице держака и электрода и не душой выпить. Пить, правда, они бросили одновременно, поскольку горвоенкомат набирал высококлассных электросварщиков для работы в ГДР на судостроительный завод, по-моему, в Ростове.

***

Ноябрь 81-го. Поступление на рабфак. Подготовительное отделение пединститута. Филологический факультет. Индивидуальное собеседование с преподавателями.

Что-то в тему отвечаю, что-то мимо выдаю. В голове каша, сумбур и винегрет. Как иначе! 1 ноября рано утром я ещё топтался в «Ариане» (аэропорт) в Кандагаре, а тут уже институт, девушки, профессура, «Отцы и дети». По въевшейся привычке правое плечо щупаю, ремень автомата поправляю. Но ничего, наглею, леплю ответы. Мы, кандагарские, вообще нагловатые. Уж извините!

За соседним столом в небольшой аудитории отвечает девчонка. Маленькая, худенькая. Кажется, из Дагестана. Тихим голосом говорит.

– Назовите, – это её допрашивают, – главных героев романа Горького «Мать».

– Мат, атэц и Павел Власов! – почти шепчет девчонка.

Оба мы прошли собеседование. Я – наглостью, но громкой, девчонка тоже наглостью, но тихой.

Недаром же говорят, наглость – второе счастье!

***

На втором или третьем курсе института сдавал сессию экстерном. В конце мая нужно было уже в пионерлагерь ехать. К морю. Быстро сдал все экзамены и зачеты, кроме одного. Очень старенький профессор уперся и всё. Много раз к нему ходил на кафедру. Причём каждый день посещал его утром, в обед и вечером. Меня сроки поджимают, а ему-то что? Он в своём праве. Говорит профессор, что неполные ответы даю на его вопросы, но совсем глубокие.

Прав, конечно, старый преподаватель, ответы так себе, но зато длинные, продолжительные. Я бы и короче отвечал, да беда в том, что профессор в силу возраста часто засыпал. Да. Впрочем, он имел такую привычку и во время лекций: говорит, говорит, потом тишина несколько минут, затем продолжает с того же самого места, на котором сон настиг. Сильный дед был!

В общем, отвечаю на вопрос, а профессор в спячку впадает. В целях экономии умных мыслей продолжаю говорить, но не по теме, а, скажем, о погоде, о девушках, о кино. Чутко всматриваюсь в лицо преподавателя. Как только ресницы вздрагивают, начинаю с последней фразы ответа.

– Вы это уже говорили, молодой человек!

Во, даёт!

Я менял тактику, не повторялся, но...

Взял я профессора измором. Подкатывался не только на кафедре. В аудиториях, в лаборантских, в деканате, в столовой, на улице. Да везде!

Но сдался преподаватель (извините!) в туалете.

Он только из кабинки шагнул, а тут я с зачёткой наперевес.

Вдохнул профессор, тщательно вымыл руки, насухо вытер их платком, аккуратно развернул мою книжку на низком подоконнике и наконец-то вывел: «Зачёт»!

***

Было дело, ой, было!

Впрочем, всё тогда получилось очень вкусно, честное слово!

Институтская общага. Лето. На всю девятиэтажку четверо парней. С разных курсов. И с разных этажей.

Навстречу друг другу нас бросил элементарный голод. И безденежье.

Общими усилиями наскребли пару проросших луковиц, сморщенную, забытую ещё с зимы морковь (зато крупную). Мало!

Разошлись по этажам, по кухням.

Периодический рев пацанов сигнализировал, что добыча есть.

В итоге Саня притащил плоскую банку со шпротами. На самой верхней кухне у старшекурсников под плитой обнаружил. Мажоры! Шпротами разбрасываются!

Коля добыл пакет сладких сухарей. Наверное, из девчачьего блока. Разве парни позволят себе тратиться на глупости?! Мишка, радостно сопя, выставил на стол банку тушёнки. Свиной. Моя добыча была гораздо скромнее. Сетка с почти безнадежно проросшей картошкой.

Впрочем, парни все армейцы. Вооружились

ножами, почистили овощи, нашинковали лук и морковку.

Главное, никто не сомневался – варим горячее и, по возможности, более-менее жидкое.

Эх, какой славный суп-пюре получился! Вкус шпрот идеально оттенял пряность свинины. Кусочки мяса и рыбы нежно поблескивали в тарелках, терлись друг о друга в кулинарном экстазе.

Супчик славно шёл под сладкие сухари.

***

Раннее утро. Рассвет только-только начинает угадываться.

Радостное ожидание охоты будоражит и знобит.

Как ни старайся – двигатель ЛуАЗа не способен утихомирить себя в звонкой коробке высотных домов.

Выезд через арку перегораживает женская взъерошенная фигура, перечёркнутая в свете фар ружьём.

– Гена! – ярится жена друга, проталкивая мне на колени забытое оружие. – Вы на охоту собрались?!

***

Рыбалка...

Ух! Здорово отдохнули!

Дитер, приятель из Германии, приехавший погостить на недельку, с трудом отдирает взломаченную голову от подушки, бледнея заметно опухшим лицом, бредёт умываться. Ночью вернулись, некогда было заниматься рыбой. Ссыпал в ванную, залил водой.

Из ванной удивлённый вскрик:
– Серёжа! А где мы рыбу взяли?!

***

Вот вы говорите, мол, сто рублей не деньги.
Не велики деньги, конечно, сегодня-то. Не то что раньше.

Много лет назад выезжал из Ростова-на-Дону ранним-ранним утром. Надо было выехать на Ворошиловский мост, чтоб, значит, сразу и двигаться по направлению к дому. Где-то, что-то пошло не так. Однако точно помню, что никаких «кирпичей» в переулочке, в который свернул, не было. «Кирпичей»-то не было, а вот гаишники – пожалуйста!

Остановили, видимо, просто так, поскольку «мы не местные». Ну и началось. Все всё прекрасно понимают. Им лень что-то выдумывать, поскольку всё равно выжмут необходимое. Я понимаю, просто так не отпустят, найдут, к чему придраться. Спрашиваю: «Как играть будем? Правил ваших не знаю!» В ответ: «Играй по вашим!».

Открываю бумажник и вспоминаю, что в отдельном кармашке лежит сотня. Фальшивая. Сунули где-то на сдачу. Пригодилась!

Разошлись с местными гаишниками. Интересно всё же, что было дальше?!

***

Преподавал в Германии, в школе Шульфпорт.

Каждый из советских учителей был куратором своей группы студентов. Кроме основных занятий русским языком бывали и «свободные» дни, ког-

да общение со студентами переходили на более неформальный уровень: кино, спорт, рыбалка, гаштет с непременно пивом и вюрстхен (сардельками), иногда и шнапс тринкен... Почему нет?!

Немцы народ заводной, подурачиться, поплясать, сидя на стульях задом наперёд, постучать ножками дубовыми всласть по дубовым же половицам старинных пивнушек, песни поорать всякие.

Тогда, в СССР была популярна песня Александра Барыкина про велосипед и букет. Поскольку мы всё же русским языком занимались, на одном из занятий дал студентам слова песни «Я буду долго гнать велосипед...», но из хулиганства, что ли, поменял так: «Я буду долго гнать свой лисапед...».

Мда... когда в гаштетах песню эту про «лисапед» студенты орали, прямо мило было, а вот когда в конце семестра они выступили со сцены «школы» на каком-то мероприятии с «лисапедом»...

Однак, всё закончилось нормально... для меня в том числе.

***

Каждый наверняка хоть раз слышал песню о белой лебедь на пруду. В принципе, ничего себе песня, бывают и похуже. Даже гораздо похуже. Тут всё-таки и музыка присутствует, и даже слова со смыслом и добрые.

По-разному можно к «Лебедю» относиться, а я вот эту песню не люблю.

Приобрёл машину в столице. Надо сказать, тогда редко у кого в авто стояли CD-проигрыватели. Вот и в моём «мерине» был обычный кассетник.

Конечно, я сразу обратил внимание, что в бардачке только одна кассета есть. Её бывший хозяин оставил. Подумал я тогда: кассет в дорогу куплю, да что-то закурился и забыл.

Еду домой. Уже где-то за Белгородской областью захотелось отвлечься от ровного шума мотора и шуршания шин. Включил радио – не-а, оно только в населённых пунктах работало, а на трассе – извините.

Достал кассету. Ох! Что-то типа промо 25-ти минутного. «Лесоповал». Две песни с одной стороны плёнки, две или три с другой. «Белый лебедь» заглавная и самая длинная.

Больше тысячи километров проехал со словами о «лебедь». Глаза уже слипаются, отключаюсь за рулём, а бодрит «белый лебедь на пруду».

Первое, что сделал у ворот родного дома, растоптал кассету. Безжалостно. И не жалею. И песню стараюсь избегать, а то снова перед глазами двадцатичасовая езда, серый асфальт и желание скрутить шею лебедю.

***

Давно это было. Очень давно. Только-только стали устанавливать квартирные телефоны, ещё даже дисковые, в новостройках на Ставропольском Юго-Западе, тому лет тридцать как минуло. И у меня в квартире появился телефон. Тогда у подрастающего поколения забава была. Узнают чей-то номер и давай названивать с глупостями разными, что-то вроде:

- Алло, это зоопарк?
- Нет, квартира!

– А почему я слышу хрюканье (визжанье, уханье, рычанье – на выбор) ...

Или:

– У вас вода есть?

– Секундочку, проверю. Да, есть!

– Мойте ноги и ложитесь спать!

Нравилось им, как сначала люди не понимают, что нужно позвонившим, потом начинают нервничать, затем – злиться и так далее.

Мой номер тоже попал хулиганам, и начали они названивать. Поначалу я удивлялся, сердился, злился, нервничал, бросал трубку, отключал телефон. Однако, как его выключать, если такое благо цивилизации в квартире есть?! Да и вообще, мало ли что, телефон есть телефон.

Как-то раз снова звонок, ближе к вечеру, примерно в то же время, когда шутники звонят. Поднимаю трубку, оттуда: «Саня, привет!». Как вы понимаете, я совсем даже не Саня. Неопределённо отвечаю:

– Ну... – сам на всякий случай глазами шарю, мало ли, вдруг какой-то Саня проник в квартиру. Нет, никого, только я. С того конца провода:

– Саня, это Толян!

– Ага! – Снова неопределённо отвечаю, а сам соображаю, какой это Колян может меня Саней называть.

– Твоя кобра дома или уехала?

Я даже ноги на диване под себя поджал, пока не сообразил, что он о моей, то есть о Саниной жене спрашивает. Откуда я знаю, уехала его кобра или нет. А если скажу, что уехала, он может спросить куда или на сколько. Просто прокашлялся в ответ.

– Так чего, Саня, я тут с девчонками. Сейчас в магазин заскочу кое-что возьму и к тебе. Нормально?!

– Нормально, Толян, – вроде как простуженным голосом скриплю. – Только ещё ситро возьми пару бутылок!

– Замётано! – прокричал в ответ Толян.

Лет тридцать прошло, иногда думаю, как тогда у Толяна с Саней обошлось? Уехала ли кобра, хорошо ли тогда Саня с Толяном и девчонками время провели и это, ситро-то хоть купил, не обманул?

А по большому счёту, прости меня, Толян!

***

Ехал на автомобиле из Москвы. Рано утром, поскольку лето, да и МКАД проскочить хотелось побыстрее.

Естественно, не получилось, остановил-таки гаишник. Наверное, номера нашего региона 26 не понравились.

Сажу в салоне, протянул ему документы. Жду, что скажет. А старлей гаишный фактурный такой, высокий, широкий и рыжий-рыжий. Солнце на нём бликует прямо, по глазам бьёт.

Улыбается старлей:

– Сергей Владимирович, так вы из Темиртау?

– Ну, да...

– Земляк! – чуть обниматься через открытое окно машины не лезет.

Блин, с полчаса выясняли, кто из нас на какой улице жил. Оказалось, что он с проспекта Металлургов, прямо рукой подать до угла улицы Ка-

линина, откуда мы уехали навсегда из Казахстана.

Хорошо хоть общих знакомых не нашлось, вернее, я не стал говорить, что одного-двух старлей назвал. Иначе от него не отвязался бы в ближайший час-два.

Поехал дальше, постоял, как положено в пробке, потом вырвался на свободу, но до самого Ворожея улыбался.

Приятно земляка встретить.

***

В фотоархивах нашёл снимок Михаила Андреевича Глузского и письмо от него.

Познакомились мы на Черноморском побережье, на пляже пионерлагеря «Химик» в августе 1998 года.

Как раз в это время в «Орлёнке» проходил фестиваль детского кино, ну и многие режиссёры, сценаристы и актёры жили в «Химике». С утра до вечера киношный люд бывал на различных мероприятиях, так что с курортниками почти не пересекались. Только однажды у них был выходной.

Интересно наблюдать было. Идут два пожилых человека: М. Глузский и его приятель – известный режиссёр. Несут мужички сетку-авоську, набитую бутылками «Жигулёвского» и воблой. Расположились неподалёку от нас и тихо-мирно чистят рыбёшку, пьют пиво, беседуют о чём-то.

Попросили у меня зажигалку, спички закончились. Разговорились о том, о сём.

Нормальные мужики, без апломба. Михаил Андреевич увидел мою книгу и взял почитать.

Вечером разыскал и попросил подарить повесть «Контингент» ему, что я и сделал со всем уважением и автографом.

Потом даже переписывались с Михаилом Андреевичем, созванивались несколько раз. Договорились о встрече весной 2001 года в Москве, я как раз по делам туда собирался. Увы, не получилось. Михаил Андреевич уже серьёзно болел и в июне умер.

Хороший человек и актёр был.

***

Нет, оно, конечно, всё прекрасно было в СССР. Почти.

Как-то прилетел в Ленинград. Ночью. Самолёт задержался в Минводах по погодным условиям.

Автобус ждать до утра. Кушать хочется.

Поднимаюсь на второй этаж аэропорта. Там буфет. Можно что-то перехватить.

Витрина пустая. Буфетчица предложила стакан чая или какао и оригинальный бутерброд.

На кусочке хлеба холодная яичница. Из одного яйца. Потрясающий кулинарный изыск.

Хоть и не наелся, но всё же.

***

Сентябрь 95-го выдался, помнится, очень уж погожий, яркий такой, солнечный. И на душе было тоже ярко и солнечно. Только недоверие малость душило, мол, ну какой из меня писатель, тьфу...

Шёл я тогда от типографии, держал в руке сигнальный экземпляр «Контингента». Ликовал, радовался. Не скакал на одной ножке, не кричал

во всё горло и даже прохожих не задевал. Внутри себя радовался, аж распирало. Ну, кто проходил через это, в курсе, как оно бывает.

И, поди ж ты, вроде и сложилось с писательством, а недоверие, как много лет назад, всё же душит.

***

Как говорится, поскреби советского человека, у него обязательно свой Ленин найдётся!

Назначили меня директором школы. Хорошее, огромное здание. В холле статуя – сидящий на чём-то, то ли на чемодане, то ли на пенке, Ильич. Ногу на ногу закинул, что-то в блокноте (тетради или сразу же в книге набрасывает карандашом). Красивая статуя, белая, железобетонная. Одним словом, обычная заводская отливка. Статую подарили когда-то в семидесятые годы ко дню открытия школы.

Вот и стоял-сидел Владимир Ильич, от времени трескался, почему-то именно на лысине школьная шпана чего-то там писала мелом-карандашами-фломастерами. А надо сказать, статуя выше двух с половиной метров. И ведь лезли, паршивцы. На подошве ботинка им, видите ли, уже и не интересно было рисовать. Сюртучок тоже раскрашивали, но это мелочь хулиганистая, самый шик на голове был!

Надоело содержать статую в порядке: чистить, очищать, шпаклевать и красить. Да и в девяностые – начале двухтысячных каждая банка краски с кровью давались.

Распорядился я Ленина обшить фанерой, что-то вроде афишной тумбы получилось, где выве-

шивались объявления, афиши и прочая наглядная агитация. Симпатично стало!

Но ведь «наши люди» не спят, приехали какие-то полнотелые и краснолицые дяди в галстуках и мятых пиджаках. Сильно-то голос повышать не смели, пошипели что-то, повыдыхали гневно да уехали.

Через время пришёл аж самый что ни на есть ДЕПУТАТСКИЙ ЗАПРОС из высокой думы, мол, на каком основании... как посмел... что ты себе позволяешь... и срок на устранение даже дали... Не помню, то ли неделю, то ли десять дней.

Жаль, бумажка куда-то запропастилась. А может, просто выкинул её тогда. Но там были замечательные фразы, кроме угроз невнятных конечно, что-то вроде «произведение искусства»... «тогда, как всё прогрессивное человечество»... «гений, пронизывающий века» и пр. и пр.

Через год я решил радикально – давайте-ка подарим статую нашему горкому партии, тем более что В. И. Ленин с баланса школы снят давным-давно. Решено – сделано, написали поздравительный адрес, аккуратно в день рождения Ильича, отправили в штаб партийный и пригрози... пообещали доставить статую в указанное для подарка место.

Насколько знаю, статуя так и стоит в школе на том же месте. А минуло тому уже несколько десятилетий.

***

Начало июня. Запах цветущего лета в распахнутые окна.

Экзамен по русскому языку. Девятый класс.

Председательствую в комиссии.

Мария Петровна тянет изо всех сил Петю. Так-то он мальчишка не вредный. Лодырь и прогульщик. Выпускать из школы надо, не на второй же год оставлять!

Учитель косит глазом на меня и спрашивает мальчишку:

– Петя, скажи, пожалуйста, – жи- ши – ведь пишется с буквой и?

Петя вздыхает, поднимает глаза к потолку и уверенно, ломким басом заявляет:

– Да... Но бывают исключения!

На выпускном вечере Петя дарит мне книгу с дарственной надписью:

– Любимому директору школы от Пети Шышкина.

***

3 июня много лет назад у подъезда к министерству образования очередь. Люди постепенно втягиваются в огромные двери и исчезают в хищно разинутой пасти лифта. У каждого в руках большая картонная коробка, достаточно тяжёлая, судя по покрасневшим лицам и учащённому дыханию посетителей.

Председатель региональной медальной комиссии, морща недовольно носик, заглядывает в одну из коробок, что приволокли родители будущих Золотых Медалистов, красы и гордости города и края, по-мышинному быстро оглядывает горы продуктов: балыков, копчёностей, клубники-черешни:

– Угу, угу, а икра-то где?!

***

Как-то по просьбе одной знакомой перегонял её машину из одного города в другой. Девушке смелости не хватило проехать туда-сюда, только туда осилила. Ладно, бывает. Откликнулся! Ёлки-палки... я по-другому, конечно, высказался про себя, когда увидел то, что пришлось гнать в краевую столицу.

Мама родная, «пипочка», «няшечка», «хрюшечка»! Эта четырёхколёсная повозка была розовее розовой попки младенца! С обязательными рюшечками, ресничками и рулём в розовых оттенках с розочками.

Господи, такого стыда я давно не испытывал... (даже сейчас вздрогнул). Но уж коли пообещал, надо исполнять.

И я ехал по трассе, жал на «гашетку», обгонял разных там. По сторонам не смотрел. Боже мой! Я сделал это. Среди бела дня!

От магарыча отказался.

***

Осень. Идём из детского сада с дочерью через парк.

Дочь то и дело вырывает ладошку из моей руки, собирает жёлуди, листья, веточки и без умолку пересказывает сюжет какого-то латиноамериканского сериала. Вполуха слушаю.

– Представляешь, он над ней надругался! – трагическим голосом продолжает дочь, счищая пальчиком травинку с каштана.

– Как это? – вполне серьёзно останавливаюсь, пытаюсь вникнуть.

Дочь застывает дорогу, поднимает лицо с широко-широко распахнутыми глазищами:

– Над-ру-гал-ся! - громко и выразительно объяснила.

***

Возвращаюсь из командировки. Поездом. В соседнем купе дембеля.

Шумные, гордые, слегка под хмельком.

В спортивных гражданских костюмах, в кроссовках, но в обязательных пятнистых беретах, то и дело сдвигаемых на затылки.

На остановках так же шумно курят, разглядывают девчонок, смеются, рассказывают проводнице (тихой спокойной немолодой женщине), как армия сделала из них мужчин. И они все, без исключения, рады, что служба случилась в их жизни.

Заскакивают в вагон, смешно, словно полевые кузнечики. Долго, до самого утра перебивают друг друга, торопятся сообщить, какая блестящая жизнь их ждёт дома.

Неужели в ноябре 81-го года мы были такими же глупыми и наивными?

Счастья вам, парни!

***

Идёшь, бывало, по осеннему проспекту, шуршишь палой листвой. Хорошо. И дышится, и думается легко, с грустинкой некоторой.

Под ногу попадётся каштан, слегка пнёшь его носком, он завертится, покатится, поблёскивая лаковыми боками.

Полезная штука этот самый каштан.

Из старинного рецепта, аж от самого Ивана Васильевича. В старом сундуке найден рецепт-то.

Тринадцать орехов каштана (сама по себе цифра какая!) мелко размолоть без кожуры и залить поллитрой. Сами знаете, чего. Поставить в тёмное место минимум на месяц. Потом натирать суставы. Греет. Как под осенним тёплым солнышком.

Собственно, почему от Ивана Грозного? Разве были тогда тетради в косую линейку и химические карандаши? А с другой стороны, из уст в уста, из уха в ухо, так и дошёл рецептик до наших дней. И ведь помогает, что характерно.

***

Как я туда попал – совершенно не помню. Это уже потом, из рассказов однополчан, сложилась картинка: вертолёт из Кандагара в Шинданд, а оттуда уже самолётом в Ташкент. Впрочем, неважно это, таких историй тысячи было.

Запомнился дух госпитальный, как-то подомашнему, что ли, было. Не буду описывать состояние людей, попавших в белое царство простыней и подушек после пыльных окопов, сна на камнях, вечного состояния усталости, недосыпа и неуверенности в завтрашнем дне. Скажу только, что в этом казённом доме было на удивление уютно.

***

Сразу за территорией госпиталя небольшой базарчик, вернее, что-то вроде обжорного ряда. Запахи легко преодолевали высокие кирпичные стены, дразнили, призывая уйти в самоволку. Впрочем, какая там самоволка? Куда денется солдат в госпитальном синем одеянии, обязательно не по росту: либо со штанами выше щиколоток,

либо – наоборот, закатанными, чтобы не волочились по земле. И все знали, что на базаре можно было за 15-20 копеек наесться от пуза только что вынутых из кипящего масла баурсаков, это такие шарики из теста, начинённые мясным фаршем. Или так же брызгающих жарким соком парочки чебуреков. Нам, не искущённым в восточной кухне парням, всё казалось божественно вкусным, особенно после казенных армейских харчей. И плов с щедрыми кусками мяса, и манты, и фичи (лепёшки с мясом), и шашлыки на коротких алюминиевых шампурах. Обязательным, совершенно бесплатным приложением ко всем блюдам была пиала салата из помидор и лука, тонувших в соке и масле, щедро присоленного и перчённого. Народ, торгующий на рынке, видимо, делал увеличенные порции для военных. Часто нам совали в руки овощи и фрукты – просто так; нередко предлагали и спиртного.

Не всегда удавалось проскочить в обжорный ряд, но грело ожидание того, что если не сегодня, то уж завтра обязательно туда попадешь.

***

Кормили в военном госпитале вполне прилично. Плюс совсем забытые вилки и чайные ложечки, не говоря уже о белых скатертях и подавальщиках-«официантах» – солдат из выздоравливающей команды.

Ох и дураками же мы были, гордились, что раненым полагался на ужин творог со сметаной и сахаром и стакан кипячёного молока. Многие из нас не любили кипячёное молоко, отдавали его

всем желающим, а вот творог – нет, лопали сами забытое с «гражданки» блюдо.

Действительно, уход был очень хорошим. Военные врачи, многие с большими звёздами на погонах, относились к нам не как к солдатам, просто как к пациентам, по-доброму, с сочувствием и благожелательно. Может быть, именно потому и мы не допускали каких-то крупных «залётов».

***

Госпиталь жил почти фронтовой жизнью. Каждый день, вернее, по вечерам, от Тузельского военного аэродрома приходила колонна «таблеток» – санитарных машин с красным крестом в белом круге на борту. Из них выгружали «двухсотых» (убитых) и «трёхсотых» (раненых или искалеченных).

Когда пришла пора перейти в команду выздоравливающих, меня прикомандировали в приёмный покой. До поздней ночи мы таскали носилки с телами, причём не всегда понимали, труп лежит на окровавленном брезенте или всё же живой человек. Относили к душевым, там за них брались санитары, раздевали, смывали грязь, копоть и кровь, делали первые перевязки, и мы разносили живых по отделениям.

***

Старший лейтенант. Направлен в хирургию. Нет правой ноги. Укрыт по грудь простыней. Руки – вверх. Простыня, проваленная в безногом месте, постоянно пропитывается чёрно-красным, кровь капает сквозь брезент носилок. Лейтенант

при памяти, что-то шепчет постоянно, кривится от боли и крутит в руках нательный крестик на цепочке. Это так странно, крестик и офицер, как-то нелогично, неправильно, поскольку религия и Советская армия никак не совместимы.

Нести старшего лейтенанта тяжело. Остановились передохнуть. Напарник закурил в сторонке. Старлей глазами показал, чтобы я наклонился к нему. «Возьми, – слабо прошептал он, – возьми! Может быть тебя Он спасёт». Выронил из ладони крестик и закрыл глаза...

Позже встретил этого офицера, когда он хмуро сидел на скамейке в засыпанной осенней листвою аллее. Попытался вернуть крестик, но бывший хозяин резко отказался.

Не сохранился крестик, затерялся где-то. Если бы на шее носил – уцелел бы. А так, перекидывал из кармана в карман. Вот и обронил где-то. Но, кто знает, может, сохранил меня подарок инвалида – старшего лейтенанта.

***

В госпиталь с концертом приехала Певица. Актёрский зал вместил в себя зрителей раза в три больше расчётного. В первых рядах ребята из хирургии, с ампутированными ногами и руками, кто-то постукивал по полу новенькими протезами, кто-то пытался хлопать единственной ладонью по подлокотнику кресла. Парни из нашего отделения, сидевшие подальше, напрягали выздоравливающие глаза либо тревожно, напряжённо крутили забинтованными по носы головами, стараясь не пропустить ни звука.

Певица пела долго. Зал ревел от восторга, на сцену летели гладиолусы, хризантемы и астры. Думается, не одни штаны цветочных воришек изорвались о госпитальную изгородь, и клумба у стоявшего неподалёку штаба ТурКВО подрастёрля свой шикарный вид. Певица несколько раз спускалась со сцены, проходила между рядами и совала в руки раненых яблоки, груши, маленькие дыни. По её щекам текли слёзы. Парни смущённо сжимали в руках подарки, старались спрятать кисти рук с обломанными, обкусанными ногтями, стыдливо краснели и хрипло благодарили звезду.

***

Подобрали ранней весной кошечку. Оказалось, всю зиму прожила в трубе под дорогой. Отъелась, отоспалась, раскрасавилась.

Серая густая шёрстка, мягкость и интеллигентность в общении, главное – медовые глаза.

В Газни у нашего расположения бензоколонка стояла. Вручную мальчишка качал. Кланялся клиентам, качал, ловил на лету монетки и качал, качал, качал. До позднего вечера, если были желающие заправиться.

Потом украдкой приходил к нам. Его подкармливали, давали мелкий «бакшиш» – подарки: конфеты, сгущёнку, что-то из одежды, «афошки». Он кланялся и брал. Хотели отучить от привычки кланяться, но – нет: кланялся и брал, брал и кланялся.

Малик всегда в серых штанах, длиннополой болотно-серой рубахе, в серенькой тесной жилет-

ке и серой тубетейке. Но медовые глаза смотрели без заискивания.

Мы улетали вертолётами из Газни, низко-низко делали широкий левый разворот над крепостью. В нависшем над заправкой иллюминаторе видно, как хозяин заправки бьёт Малика палкой.

Серые облака тонкой пыли скрывают всё, только там, вверху, по правому борту в голубизне лучи солнца.

Запомнились медовые, широко открытые глаза и беззвучный крик.

***

На встречах с читателями иногда задают вопрос, как я отношусь к тому, что сейчас происходит в стране, в мире. Историю рассказываю.

Как-то раз дело было. Ангина и, как следствие, абсцесс. Паратонзиллярный, если что. Ну, это для медиков. Ужасно неприятная штука, главное, дышать тяжело. Так-то терпимо. В общем, скорая помощь и больница.

Пока дождался обхода, осмотра и прочего, совсем измаялся. Но терплю, а то б давно, если бы дышать мог, ушёл куда-нибудь.

Тут зовут, мол, пора, добрый человек, дуй в операционную. Я и «подул». Сажу в кресле операционном, снова жду. Заходит пожилой профессор (это я потом узнал, что он профессор), за ним стайкой студенты, с разным цветом кожи. Профессор мне рот разжал какой-то штуковиной, инструментом стальным перед носом машет, а он острый, и объясняет, что там у меня и как с этим бороться. Затем суёт инструмент в руки студенту

(из Шри-Ланки или Бангладеш, я узнавал, но забыл) и кивает: «Давай, режь!».

Студент ткнулся ножичком (или как там, скальпель называется?), да не получается. Больно, хоть ори, да никак не могу орать. Студент снова ткнул. Не знаю, как получилось, честно! С правой в челюсть. Студент на полу, я в кресле, остальные забегали, профессор как заорёт: «Держите его!».

Те подскочили, притиснули мои шаловливые руки к подлокотникам, профессор – чирк лезвием... Ох, мгновенное облегчение!

С недельку лежал в палате, фурацилин, уколы и прочее. Студент тот подрабатывал медбратом, каждый раз просил разрешения пригласить меня в процедурную. Я разрешал, он улыбался и ставил безболезненный укол.

К чему это всё? Я за хирургию. Она хоть и болезненна, но почти мгновенно эффективна.

***

Часто приходится слышать, мол, жалею: то-то и то-то не удалось, тем-то и тем-то не стал, там-то и там-то не побывал, и прочее, и тому подобное.

С чего вдруг? Кому или чему завидовать? Зачем жалеть? Прекрасно, что в жизни было то-то и то-то, стал тем-то, а не другим, там-то и там-то побывал.

***

Среди неискренних рулад,
Звучащих более чем странно,
Поёт душа на русский лад,
Поёт и плачет покаянно.

Не прерывайте песни той
И мир незримый сохраните
С его добром, с его мечтой, –
Он хрупок, словно солнца нити.

В нём светел Книги книг оклад.
В гармонии молитв и звонов
Поёт душа на русский лад
Среди разлада, войн и стонов.

***

Мне говорят: «Опять ты пишешь
«Русь»,
А где она, где Русь твоя святая,
Где васильков полуденная грусть
И где леса от края и до края?

Где синь её прозрачных родников
С целительной особенной
прохладой,
Где поступь грозная её веков?
Где Русь твоя?» – мне говорят
с досадой.

Я отвечаю: «Русь моя – в душе,
В стремленье к чистоте,
в стремленье к Богу,

**АЛЛА
МЕЛЬНИК-
ХАЛИМОНОВА**

Поэзия

В молитве перед боем в блиндаже,
В суровой правде, в непростых дорогах.

Она скромна, живёт не напоказ,
Расталкивая спутников локтями,
Она ещё воспитывает нас,
Она духовно постоянно с нами».

Святая Русь ушедшая, молись,
Чтоб выжить нам наперекор невздам,
И светом откровений поделись
С твоим простым доверчивым народом.

День города

Как хорошо бывает в сентябре!
Какое солнце! Осень золотая
Пришла в наш город, радостно листая
Поэмы-дни, и чудно на дворе.

А небо – в лёгких белых облаках,
Как будто светлый Ангел, пролетая,
Здесь обронил перо, и голос рая
Нам слышится и в листьях, и в цветах.

Созвучья неба, золота листвы
И любящих сердец поют сегодня
Тебе, мой город в честь Креста Господня!
Сияет праздник. Видите ли вы?

В осеннем ветре, в шорохе деревьев,
В струях фонтанных брызг, не умолкая
В День города любимого и края
Звучит осенний праздничный напев.

***

Я хочу, чтобы вы защитили меня
От невзгод и от черной зари,
И от этого страстного, злого огня,
Что сжигает меня изнутри,

Чтобы вы мне всегда помогали в пути,
Полном слез, искушений, тоски,
Чтоб по-дружески просто могла я прийти
Под защиту надежной руки.

Я вам верю, люблю и боюсь потерять,
Слишком много для жизни потерь,
Я быть другом хочу и всю жизнь доверять,
Как я вам доверяю теперь.
Как бы ни были долгие годы горьки,
Устоим на ветру мы, беде вопреки.

Портрет

Ветер звёздную музыку слышит,
Притаился, внимая игре.
Ночь волшебными красками пишет
Твой серебряный лунный портрет.

Мне приятны его очертанья
В полумраке ночных фонарей.
Стихло шумного дня бормотанье,
Краски ночи ложатся быстрей.

Ты сейчас на молитве, я знаю,
Вдохновенье разлито в тиши,
И возносится к небу ночная
Сокровенная песня души.

Нежность

Нежность – вот слово, которое очень
Вам подошло бы, мой друг,
Нежность цветов, что растут у обочин
И выбегают на луг,

Нежность проснувшихся на восходе
Розовых облаков,
Нежность, которая вас находит
В строчках моих стихов.

Всё озаряется внутренним светом
Веры, как небо, большой,
Верностью данным от века заветам,
Пламенной душой.

***

Он занимал незримо всё пространство,
Всё время Он собою занимал.
И в этом было сердца постоянство
И то, что называют Идеал.

Всё рушилось вокруг и суетилось,
Казалось, мир висит на волоске.
И только сердце вдохновенно билось,
И в сердце места не было тоске.

Оно сияло будто от сознанья
Того, что найден Путь, что ярок Свет.
Одна Любовь – основа мирозданья.
Прочней и тоньше основанья нет.

Птица

Придет ли минута покоя,
Захочется ль остановиться,
Ты вспомни тогда: за рекою
Живет белокрылая птица.

Она по ночам улетает
И тихо поёт под оконцем,
И часто тебя называет
Своим ослепительным солнцем.

От легких её песнопений
Растают ночные ненастья.
Источник её вдохновений
И жизни, и яркого счастья –

Во сне улыбнись и рассветом
Наполни судьбу настоящим!
Но верь только птицам, поэтам
И лучикам солнца звенящим!..

Всё это было

Всё это было, и факты скупые важны:
Поработив без труда все народы Европы,
Орды фашистов топтали дороги и тропы
По направлению к сердцу великой страны.

Всё это было в истории русской не раз,
Только всегда наши предки на битву вставали
За бесконечно родные российские дали,
В бой за Москву, за Поволжье, за Крым и Кавказ.

И побеждали на сотнях военных дорог.
Памятью светятся их имена дорогие.
Правда всегда была с нами, и был с нами Бог,
Он и сейчас не оставит великой России!

«Жизнерадостный революционер» из Ставрополя

Знаменитый ставрополец Герман Лопатин познакомился с Иваном Сергеевичем Тургеневым в Париже, во второй половине 1873 года. К этому времени у 28-летнего революционера-народника за плечами была уже напряжённая история идейных исканий и большая школа общественно-освободительной борьбы с самодержавным строем России. Имея незаурядный литературный талант и склонность к научной работе, Лопатин выбрал другой жизненный путь, став крупнейшим народническим идеологом и деятелем революционно-освободительного движения. Не поколебали его решение даже рекомендации и советы заняться научной работой известного всей России учёного-химика Д.И. Менделеева.

Ко времени знакомства с Тургеневым в жизни молодого революционера Германа

**ВЯЧЕСЛАВ
ГОЛОВКО**

*Литературо-
ведение*

Лопатина произошло уже столько событий, было столько, по его же словам, «странствий», что на их основе можно было написать увлекательный роман. Не случайно автор «Отцов и детей» советовал ему описать свою жизнь, до краёв наполненную невероятными рисками, неожиданными поворотами, непредсказуемыми поступками и решениями.

Когда Лопатин появился в парижской квартире Тургенева на улице Дуэ, то он вполне мог бы рассказать писателю, как «сидел чуть ли не двадцать семь раз в восемнадцати разных тюрьмах», как привлекался к дознанию по делу Каракозова. Мог бы поведать о процессе над Нечаевым и нечаевцами (этот процесс стал, в немалой степени, основой романов «Бесы» Достоевского и «Новь» Тургенева), как в Европе встречался с Гарибальди и Герценом, познакомился с Карлом Марксом, а в Москве и Петербурге создавал молодёжную революционную организацию «Рублёвое общество». Ещё бы сообщил о том, как вместе с Даниельсоном и Любавиным переводил «Капитал», как пытался по паспорту Любавина вызволить из сибирской каторги Чернышевского, а после этой неудачной попытки был арестован в Томске. Тогда же в очередной раз угодил в острог, был привлечён к судебному следствию, но сумел бежать из зала суда, пересечь границу и обосноваться в Париже.

Герман Лопатин в 1913 году, спустя тридцать лет после ухода из жизни Тургенева, сам рассказывал слушательнице Петроградских Высших

курсов С. П. Петрашкевич-Струмилиной о том, как произошла его первая встреча с автором «Отцов и детей»: «...Познакомился я с ним по поводу дел журнала «Вперёд!». ...Тургенев субсидировал этот журнал. Сначала он давал тысячу франков в год, а потом пятьсот. Так вот по поводу этих денег у меня и было поручение к Тургеневу от Лаврова». Факт сам по себе весьма примечательный. Пётр Лавров – один из выдающихся теоретиков, идеологов и практиков революционного народничества, издававший за границей бесцензурный журнал «Вперёд!», был одним из ближайших друзей и единомышленников Тургенева. Идейные связи писателя с революционерами-семидесятниками Лавровым, Лопатиным, Кропоткиным, Кривенко, Драгомановым и др. – яркая страница в гражданской биографии писателя, создававшего романы о «героях времени» – «лишних» и «новых людях». Об этом редко говорят на уроках литературы в средней школе, где чаще всего Тургенева представляют весьма односторонне – как заурядного либерала... А он не был таковым. Отстаивая идеалы мирного постепенного прогресса России в формах поддержки основных тенденций развития народной жизни, идеалы демократического просветительства, писатель, как особо подчёркивал Герман Лопатин, «приветствовал каждую попытку выступления против старого строя». Тургенев активно поддержал третий вариант программы журнала Лаврова «Вперёд!». Он сообщал своим корреспондентам о том, что «согласился со всеми главными положениями» этой програм-

мы». Пётр Лавров, убеждённый в том, что «настоящий порядок политический ведёт Россию к гибели, ...настоящий общественный строй бессилён исцелить её раны», в «Программе» журнала обосновал главную цель революционного народничества: «Мы – все русские, требующие для России господства народа, настоящего народа; все русские, сознающие, что это господство может быть достигнуто лишь народным восстанием и решившиеся подготовить это восстание...». Тургенев, конечно, не разделял позиции сторонников «народного восстания», но идея постепенной подготовки коренных изменений в общественном устройстве России всецело одобрялась им. Лавров имел все основания утверждать: «история научила» Тургенева тому, что «никакие “реформы свыше” не даются без давления, и энергического давления снизу на власть; он искал силы, которая была бы способна произвести это давление». Такую силу он видел в лице Лаврова, Лопатина, всего поколения революционных народников.

Харизма Лопатина, его воздействие на окружающих произвели на писателя неизгладимое впечатление. Глеб Успенский, присутствовавший на одной из встреч Тургенева и Лопатина, вспоминал, какую «великую радость» доставляло уже признанному не только в России, но и в Европе и мире, художнику слова общение с молодым революционером. Лавров в краткой биографии Лопатина писал о том, с какой огромной симпатией относился Тургенев к своему новому другу. В многочисленных письмах к издателю

журнала «Вперёд!» писатель непременно, всякий раз живо интересовался всем тем, чем наполнена повседневная жизнь Германа Лопатина. В ноябре 1874 года после очередной встречи и беседы с ним Тургенев писал Лаврову из Парижа: «Я видел здесь нашего несокрушимого юношу Лопатина; он умница и молодец по-прежнему и сообщил мне много интересных фактов – светлая голова!».

Герман Лопатин тоже испытывал чувство высокого уважения к писателю. Шестнадцатилетним юношей он впервые прочитал его роман «Отцы и дети» и безошибочно почувствовал в этом произведении «любовное отношение Тургенева к Базарову». В маститом авторе его молодого друга восхищал яркий художественный талант, глубокий ум, невероятно обширные познания, самоценное стремление к добру, забота о ближнем. «А какая умница был Тургенев, – говорил Лопатин. – Вы почитайте его переписку с Герценом. Какой пронзительный ум! Какое всестороннее, широкое образование! Как знал он литературу не одного своего, но и других народов! Ведь он владел многими языками». По переписке Тургенева с Герценом он мог судить о глубоком понимании писателем законов исторического развития России и Европы, о том, что Тургенев, привлечённый «к дознанию» по «делу 32-х», выражал не верноподданнические чувства (как ошибочно утверждал позже Ленин в статье 1912 года «Памяти Герцена»), а мужественно защищал «лондонского пропагандиста» перед Следственной комиссией Сената.

Тургенева и Германа Лопатина объединяли многие общие интересы. Но прежде всего их сближала общность взглядов на настоящее и будущее России. В своих воспоминаниях о писателе Лопатин особо отмечал то, что «тогдашний строй России давил Тургенева, и свобода нужна была ему не только как теоретический принцип, как программное пожелание. Он нутром страдал от отсутствия этой свободы у себя на родине и всем нутром жаждал наступления её в России». Такие гражданские устремления Тургенева не могли не импонировать Лопатину. При всём своём неудержимом революционном темпераменте и надеждах на скорое изменение социального порядка в стране, он признавал право Тургенева сомневаться в реальности быстрых социалистических преобразований. А писатель, в свою очередь, пытался объяснить своему молодому другу, что для «проведения социализма в жизнь» ещё не созрели «ни технические, ни экономические, ни моральные предпосылки», да и «психика» людей пока не подготовлена к тому, чтобы «жить сообща, общинно». В оценках деятельности народнической молодежи они тоже расходились. Лопатин был одним из первых читателей романа Тургенева «Новь», который был посвящён изображению первой волны «хождения в народ», и его оценка революционеров – героев этого романа, не совпала с авторской. В самом конце декабря 1876-го – начале 1877-го года писатель передал Лопатину и Лаврову «чистые экземпляры» текста «Нови», полученные им от редактора журнала «Вестник

Европы» М. М. Стасюлевича. И Лопатин, и Лавров были, по сути, первыми критиками нового романа Тургенева. Оба они ценили то, что «Тургенев любил молодёжь и искренне интересовался ею», то, что он высоко «ценил людей, ради идеи ставящих на карту жизнь свою», но, понимая, что «типы молодёжи... трудно поддаются изображению», настаивали на том, что не все участники «хождения в народ» были такими, какими их показал в своём произведении писатель. Более того, в предисловии к сборнику «Из-за решётки» (Женева, 1877), составленному из стихотворений молодых поэтов, осуждённых по политическим статьям, Лопатин даже упрекнул Тургенева в том, что своим романом он «содействовал искажению образа нашего мученика правды ради». Писатель, отметив, что это предисловие «написано талантливо и умно», в одном из писем конца 1877 года не согласился с мнением своего друга-критика. Дальнейшая история народнического движения в России подтвердила правоту Тургенева-художника. И сам Лопатин, спустя много лет, вынужден был это признать: «Да, конечно, он знал, что мы потерпим крах, и всё же сочувствовал нам».

Дискуссии и споры не омрачали, а лишь укрепляли дружеское общение Тургенева и Лопатина. В феврале 1875 года в Париже при самом активном содействии Тургенева была открыта Библиотека-читальня для русской диаспоры во Франции, которая позже стала носить имя великого писателя. Идея создания такой библиотеки принадлежала Лопатину и его друзьям, вынужденным

по политическим мотивам покинуть Родину. По воспоминаниям современников, Тургенев «делал много усилий, чтобы соединить русскую колонию вместе, создать для неё центр, где она могла бы собираться». В целях материальной поддержки организуемой библиотеки Лопатин обратился к Тургеневу с просьбой провести литературно-музыкальное утро. Оно состоялось 15 февраля, в нём участвовали Полина Виардо, Тургенев, поэт-сатирик Николай Курочкин, Глеб Успенский, музыканты из круга семьи Виардо. Герман Лопатин вспоминал, что исполнение Полиной Виардо романсов Чайковского поразило его: «...Мороз подирал по коже, мурашки бегали по спине. Столько она вкладывала экспрессии... Надо было видеть публику!». После проведения этой благотворительной акции в известное III Отделение сразу же поступила агентурная записка, в которой Тургенев обвинялся в сочувственном отношении к «русским эмигрантам».

Сочувственное отношение было у Тургенева ко всем нуждающимся в помощи. Лопатин был свидетелем того, как «многие эмигранты обращались к Тургеневу за помощью, и он помогал» им. Писатель даже учредил личный специальный фонд для того, чтобы ежемесячно выделять средства тем, кто в них остро нуждался, и в одном из писем просил Лопатина «заведовать раздачей» этих средств. Но поскольку сам Лопатин, по его словам, «никогда не пользовался чужой помощью», то отказался от выполнения такой миссии.

К сожалению, письма Тургенева к Герману Лопатину не сохранились: они были уничтожены вместе со всем архивом «несокрушимого юноши», оставленным за границей, ещё при его жизни. Эти письма могли бы многое поведать о деятельности «русского Овода», как называют нередко Лопатина его биографы. Ему в постоянных переездах из России в Европу и по России приходилось соблюдать меры предосторожности, хотя порою Тургенев не без оснований и упрекал его за «отчаянность» и совершение излишне рискованных поступков.

Так, в марте 1879 года над головой Германа Лопатина сгустились тучи. В это время он нелегально находился в Петербурге, куда смог приехать после освобождения из Иркутской тюрьмы, о чём ходатайствовал 27 февраля 1879 г. перед III отделением генерал-губернатор Восточной Сибири Н. П. Синельников. Лопатин надеялся включиться в активную революционную борьбу, но был выдан полиции неким Вороновичем, которого Лавров называл «глупым» человеком и «безобразным кутилой». Охранка тщательно следила за Лопатиным ещё с весны 1874 года. Поводом для этого стало его вызывающее письмо к Александру II в связи с объявленной монархом на страницах лондонской газеты «Daily News» амнистией, которое Лопатин опубликовал в том же самом периодическом издании. Более того, молодой революционер послал этот номер газеты лично Александру II, находившемуся в то время в Лондоне, сопроводив его разъяснениями

сути амнистии, одновременно резкими и блестящими по форме: эта амнистия, доказывал Лопатин, облегчала положение очень небольшого количества осуждённых, находившихся в тюрьмах и на каторге. Как писал Тургенев в письмах Лаврову 31 марта и 28 сентября 1879 года, «Лопатин оскорбил лично Александра Николаевича; это не прощается...», потому их другу «беда грозит... неминуемая, так как тут явится личная месть». Писатель, находившийся в марте этого года в Петербурге, узнал о готовившемся аресте Лопатина и успел предупредить его об этом во время личной встречи 21 марта, непосредственно в день своего отъезда из российской столицы в Париж. Более того, Тургенев «умолял» Лопатина срочно уехать на юг, чтобы «избежать несчастья». Но он остался глух к этим настойчивым просьбам Тургенева, и, как вспоминал потом, «через два дня» его арестовали. В процессе следствия Лопатину предъявлялись обвинения в революционной деятельности, на основании которых он мог быть приговорён к смертной казни. Понимая, в каком опасном положении оказался Лопатин, Тургенев пытался помочь ему через российского посла во Франции Н. А. Орлова и великого князя Константина Николаевича: «...было бы слишком жалко, – писал он Лаврову 16 октября 1879 года, – если б такой славный человек погиб так задаром». С тревогой следил писатель за процессом над Лопатиным, постоянно думая о том, «что бы сделать» для «улучшения его участи» (письма Лаврову 2 июня и 28 сентября 1879 г.). Дело ос-

ложнялось ещё и тем, что сам заступник Лопатина – Тургенев срочно был, по сути, выслан из Петербурга из-за того, что в обеих столицах революционно настроенная студенческая молодёжь горячо приветствовала автора «Отцов и детей» и «Нови» как провозвестника самых светлых идеалов. В обстановке начавшейся в 1879 году революционной ситуации в России присутствие Тургенева, с точки зрения властей, было крайне нежелательно.

К осени 1879 года в процессе над Лопатиным обозначился благоприятный поворот: многие обвинения оказались не доказанными, и после тринадцати месяцев тюремного заключения он был отправлен в ссылку – сначала в Ташкент, а затем в Вологду, откуда в феврале 1883 года в очередной раз бежал за границу. «Радуюсь благополучному возвращению Лопатина и надеюсь скоро с ним свидеться, – писал Тургенев Лаврову 12 марта 1883 года, – но мне ещё так плохо, что ранее 5 или 6 дней это невозможно».

Ко времени возвращения Лопатина в Париж великий писатель был уже тяжело и неизлечимо болен. Но именно тогда образ этого «несокрушимого юноши» особенно волновал его творческое воображение: он намеревался воплотить этот образ в задуманном романе о «жизнерадостном революционере». Роман о живой современности Тургенев предполагал назвать «Natalia Karlovna», а все описываемые в нём события должны были происходить в 1880-м году. Тяжело больной писатель уже не смог сам написать даже «формуляр-

ные списки» этого романа: их под его диктовку на французском языке записала Полина Виардо. Произведение осталось не законченным, его первоначальные материалы впервые были опубликованы лишь в 1964 году. Широкому читателю этот нереализованный замысел Тургенева практически не известен, а между тем «Natalia Karrovna» в идейно-творческой эволюции писателя занимает очень важное место. В этом произведении, судя по «формулярным спискам» его героев, должен был изображаться совершенно по-новому тип общественного деятеля эпохи, прообразом которого и был Герман Лопатин. Если раньше Тургенев воссоздавал образ «героя времени», вынужденного отречься от всего личного, от своего счастья во имя выполнения социально-нравственного долга, такого «самоломанного», как Базаров, например, то сейчас он намеревался дать портрет «нового в России типа», «жизнерадостного революционера», гармонически сочетающего в своём облике общественное и личное. В этом портрете легко угадываются черты биографии Лопатина, по выражению его друзей, «рыцаря духа», сына действительного статского советника, председателя Ставропольской казённой палаты: герою Тургенева 30 лет, он сын важного чиновника, получил превосходное воспитание, имел большие перспективы, но «всё бросил, увлекаемый своим неукротимым духом». «Выдающаяся черта его характера то, что он не выносит несправедливости». «Жизнерадостный революционер» «хорошо сложен», «почти миловиден», он «прекрасный

рассказчик», владеющий словом, «чрезвычайно смел», «весел даже в минуту опасности». Подобно своему прототипу он «готов работать с утра до ночи, рисковать собственной головой». Как и член Генерального совета 1-го Интернационала Герман Лопатин, герой Тургенева «питает безграничное уважение к некоторым крупным именам, связанным с революционной историей России». Даже такой штрих в его характеристике сразу же ассоциируется с образом Германа Лопатина: «Если попался, ну, что ж, приходится начинать сначала!» А «попадался» Лопатин не однажды. Герой Тургенева, как и его прообраз, часто «нуждался в деньгах, но не для самого себя» (вспомним, что именно Лопатин получал от Тургенева средства на издание революционного журнала «Вперёд!», что «никогда не пользовался чужой помощью», хотя нередко испытывал большие денежные затруднения).

Для работы над образом «жизнерадостного революционера» Тургеневу понадобились некоторые данные, и с этой целью он написал письмо Лопатину и пригласил его к себе. Но последняя встреча писателя с его другом-революционером в августе 1883 года была недолгой: когда Лопатин приехал к Тургеневу в Буживаль, писатель был в таком тяжёлом состоянии, что не мог поддерживать диалог...

Тем не менее, как вспоминал Лопатин, Тургенев был рад ему и просил приехать непременно в другой раз. И на смертном одре Ивана Сергеевича не оставляли творческие замыслы. Но другой

встречи уже не случилось. Буквально через несколько дней Герман Лопатин узнал, что его старший друг, создатель великих художественных произведений, обогативших русскую и мировую культуру, безвременно ушёл из жизни...

Мартышка и фейсбук

*Здравствуй, племя
Младое, незнакомое!..*
А. Пушкин

Мартышкой её прозвали в детстве. Она действительно была, да и осталась, похожей на мартышку и обликом, и повадками рядиться во что-то яркое, броское, нелепое. Хотя уже молодая женщина. И довольно умненькая. В юности она азартно выступала за свободу во всём и отрицала всё что было до неё, и, естественно, эту страну, в которой ей довелось родиться и вырасти, власть, традиции, законы. И преклонялась перед всем, что есть там, на чужбине. Тем не менее своё женское физиологическое счастье обрела – родила сына. В силу природной худосочности кормить материнским молоком его не смогла, отчего не ощутила прилива материнских чувств, а скоро утратила и сексуальное влечение к мужу. И

**ВИКТОР
КУСТОВ**

Проза

вернула мужа свекрови. А когда сын встал на свои кривоватые (в неё) ножки и обрёл собственные желания, охотно делилась им с отцом и свекровью, забирая домой лишь когда вдруг ощущала одиночество.

Она продолжала жить в своих грёзах, в которых самое желаемое всё ещё оставалось за границами отчизны. Правда, теперь унижения государственными границами свободы собственной личности она особо не ощущала, потому что постигла очарование всемирной паутины, научилась любить свои копии на экране, находя в своей шаловливой мордочке немало привлекательного, размещая написанные не без таланта и смелости откровения посты, которые, надо признать, даже мною читаются с тем же любопытством, с коим разглядывают гримасы настоящей мартышки.

Всё живое в этом мире достойно уважения.

В её протестной юности я наблюдал Мартышку в разных политтусовках. Ох, как бескомпромиссно горяча она бывала, как призывала на баррикады, воплощая собой чужбинного Гавроша времён французской революции. Вынашивание плода, а затем рождение сына выбросили её из привычной атмосферы жажды бунта, а когда вернулась былая энергия разрушения, политтусовки, митинги, демонстрации, пикеты канули в прошлое. И Мартышка уверовала в яркость настоящего и в никчемность минувшего, которое можно или даже следует отринуть, забыть, не принимать во внимание. Её новые грёзы исключительно о себе любимой, её мир – это мир теперь уже забойных тусовок, шопинга, макияжа, вещей, саундтреков, кастов. Мир, в котором нет места олдскульной ностальгии.

Впрочем, откуда ей быть, ведь Мартышка – это дитя новой России...

Последнее время за жизнью Мартышки я слежу по её постам в фейсбуке. Она регулярно отчитывается, чем заполнены её дни. Недавно рассказала про шопинг, во время которого удачно маечку прикупила. Надо сказать броскую, но явно некачественную. И ей она совсем не к лицу, если судить по фото. Как-то всё в нынешней моде мешковато, нарочито уродливо. Не подчёркивающее классическую красоту линий человеческого тела, а, наоборот, акцентирующее внимание на изъянах. То ли портных не стало, то ли фигуры пошли не те... В нашей юности шиком была элегантность, а теперь неряшливость. И парни от девушек отличались: у ребят – брючки со стрелочками, батничек в обтяжку. У девчонок – платице или юбочка с кофточкой в радостную расцветку. И чтобы талия на месте и чем тоньше, особенно у девушек, тем лучше. А у ребят – чтобы фигура атлетическая...

Потом не без восторга про какую-то современную, только что вышедшую на экраны ещё не разорившихся кинозалов кинокартину, в которой главные действующие лица – погони и убийства, ну и в промежутках торопливый секс неубиваемых героев. Но ей, как написала, очень даже понравилось. Что поделаешь, она из поколения, которое не привыкло заморачиваться на сопереживании, её девиз – «живи в своё удовольствие». В смысле, без прошлого и будущего. И всё должно быть по-голливудски, с кровью, трупами и с традиционным вопросом умирающему: «Как ты?», «Всё в порядке!»...

Ну, конечно, этот сарказм из-за моей олдскульности... Кстати, это словечко я у неё в посте и вычитал. Сначала не понял, я больше русский язык люблю, полез в википедию. Нашёл. Старая школа означает. Разве это плохо? Но она в это слово вложила не уважение к бывшему, а отрицание.

Вообще, я от Мартышки просвещаюсь новоязом. Она любит в обыденное вставлять всяческие англоподобные термины. Это у неё получается естественно и вполне уместно. Правда, всякие олдскульные, как я, не врубаются, а если и пытаются, то постигают смысл с трудом. Порой и в ступор впадают. К примеру, что такое блютуз? Вроде бы термин сугубо технический. А если перевести – синий зуб. Причём здесь беспроводные сети и зуб? К тому же синий.

Ладно, вернёмся в день сегодняшней...

Так вот целую неделю постов не было. И наконец – «не соскучились по мне?..» Ну, конечно же, соскучились... Оказывается, приболела немного, кашель замучил до «отрывания головки». Ночами не спала. Но вот выдюжила, поправилась. Пишет, что снова в строю.

Сегодня она сообщила, что не совсем ещё феминистка. Не прямо, конечно, не программным заявлением, дескать, осознала ущербность и разворачиваюсь на все сто восемьдесят градусов, признаю естественность и органичность духовных и физиологических отношений между мужчиной и женщиной, а описала, как она покупала презервативы. Оказывается, несмотря на свои почти тридцать и сына, который скоро в школу пойдёт, это она делала впервые. Наверное и родила, потому

что прежде не покупала... Подробно описала как она себя неловко чувствовала, даже под мышками вспотела. И как долго выбирала, потому что совсем в них не разбирается и судит исключительно по картинкам на упаковке. Одним словом, мучилась серьёзно и долго. Хорошо что в аптеке в это время никого не было, кроме аптекарши, которую она явно утомила своей непосредственной искренностью.

И после этого поста выставила свою фотографию. На которой она, ярко-крашеная в оранжевый цвет, с гримасой, полной осмысленного недоумения, двумя пальчиками держит, демонстрируя, яркую упаковку. Словно приглашает.

Наверное трудно быть феминисткой...

Опять же в моей юности, надо признаться, это приспособление было дефицитом. Да и качества отвратительного. И секса не было. И виагры и импотентов. Но зато была любовь и дети рождались, как правило, спустя положенное время после свадьбы. Долгожданные, неведомого для родителей пола до той самой минуты, пока не подавали голосом известие о своём появлении на этом свете. И вызывали неподдельную радость или огорчение в зависимости от того, кто кого хотел.

К слову, и праздники тогда были не размазанные задолго до дня всяческими рекламными и продажными кампаниями, а, как и положено, день в день. Отчего и радость была не размазанная и лицемерно-надуманная, а искренняя...

Да, ещё она написала, что просыпалась от приступов кашля ночью. Пение птиц слышала. Наверное, дроздов, они по весне ночью любят петь.

Мартышка из продвинутых, много знает того, о чём я даже не догадываюсь. Вот у неё кумир какой-то Алек. Полез в Википедию и нашёл только одного известного Алека, Болдуина — американского актёра, комика. Но он родился в 1958 году и для неё явно староват. И для её кумира тоже не подходит. К тому же она признаётся, что на семьдесят процентов стала блондинкой исключительно из-за того, чтобы «походить на Алека». Болдуин — брюнет. Хотя сейчас уже поседевший. Так что, кто такой этот Алек, пока загадка...

А ещё она призналась в своей любви к группе «Кис-кис».

Н-да. Названьице...

Это вам не «Наутилус» или «Кино».

Интересно, она знает эти группы, слышала?..

Впрочем, это мы пели: «С причала рыбачил апостол Андрей/ А Спаситель гулял по воде/ И Андрей доставал из воды пескарей/ А Спаситель погибших людей». Или «Когда я вижу, как ты танцуешь,/ Малыш, ты меня волнуешь./ Когда ты смотришь так серьёзно,/ Малыш я тебя люблю./ Когда ты робко меня целуешь,/ Малыш ты меня волнуешь».

У группы «Кис-кис» сингл (вот и сам обангличился, нет, чтобы сказать... Да нет же, какая там песня, пусть будет синглом) — «Трахуюсь». «С тобой я просто трахаюсь. Трахаюсь/ Давай не ной и лить слёзы завязывай / Ну может раз, ну, второй, а ты пи..ишь про любовь...» и так далее тому подобная матерная бессмыслица на фоне псевдомузыки.

Это на мой взгляд. А вот на выступлениях этой группы подобные Мартышке визжат, прыгают и

даже надрывно выкрикивают то, что легче всего запоминается.

... Почитал текст и словно в чём-то вонючем измазался.

А она пошла слушать.

Мартышка захандрила. Пишет, что любит поваляться в кровати. Ждёт не дожждётся выходных, чтобы насладиться ничегонеделием. И выставила шесть своих фотографий, на которых её симпатичная мордашка — олицетворение капризной печали. Это выражение девочки, жаждущей любви; девушки, собравшейся о чём-то просить и обязательно получить желаемое; или молодой женщины, не имеющей рядом надёжного и сильного защитника. Это гримаса одиночества, когда либо ничего не хочется, ничего не желается, или же, наоборот, хочется много всего недостижимого.

Но ей даже ничего не грезится. Так она написала.

И ей посоветовали:

держаться,

не грустить,

плюнуть на всё и всех,

оторваться по полной,

реализовать желание — даже самое непристойное

и, наконец,

«Ник, пошли всех на х... — вместо точек — буквы, — живи в своё удовольствие...»

Жить в своё удовольствие — это сегодня модно. Тренд такой. По-русски — тенденция.

И материться всенародно — быть в тренде. Этот тренд появился в девяностых годах прошлого

века, когда общество начало стремительно деградировать. Запретный плод сладок, особенно для подростков, они и подхватили эту заразу и понесли в свою среду, не понимая, каков негативный заряд слова...

Для женщины обнова – лекарство от хандры.

Мартышка купила платье, больше похожее на балахон или на армейскую плащ-палатку времён СССР, но цветастое, цветастее цыганских юбок. Оно ей не идёт. Она в нём смотрится как бабочка в коконе – одна мордашечка, на тельце даже намёка нет, и не поймёшь, что, в конце концов, вылупится – то, что летает или то, что ползает. Но яркое. Броское. И недорогое, всего пять долларов. Потому что оно африканское, оттуда привезли.

Она любит Африку, хотя была только в Египте. Но считает, что в своём прошлом земном воплощении обитала именно в тех знойных местах. Она даже уверена в том, что была современницей Клеопатры, оттого и променяла Париж на Каир, когда родители по окончании университета сделали ей подарок – туристическую путёвку. Теперь хочет заехать поглубже в африканские пустыни, пожить с туарегами или какими-нибудь другими аборигенами, чтобы вспомнить своё прошлое. Но как-то всё что-то мешает. Сначала поиски принца, потом рождение сына. А теперь вот не по карману стало, как рубль в очередной раз обвалился. Но она надежды разбогатеть и отправиться в пустыню не оставляет.

Мне в Египте бывать не довелось, но давным-давно, во времена когда советские гидро-

строители помогали строить Асуанскую плотину, знакомые родителей, ездившие с таймырской заполярной стройки погреться на африканскую, привезли на моё совершеннолетие подарок: запонки с переливающимися разными цветами то ли камнями, то ли стёклами. И обошлись они моим родителям в двадцать пять долларов. Доллар тогда стоил девяносто копеек. Студенческая стипендия была двадцать восемь рублей... Таких запок ни у кого не было. Эксклюзив. Нет, наверное, где-то в иных местах и были, не штучный товар, но в моём окружении за все прошедшие десятилетия нигде больше я таких не видел.

Оптимистичный пост.

Покупала алкоголь для вечеринки и услышала комплимент от кассира, уточнившего возраст, дескать, не синева бы под глазами, больше восемнадцати не дал бы.

Это она пишет, значит польстило.

И тут же четыре снимка: крупным планом гримасы её лица... ни дать ни взять мартышка.

Но она реально выглядит намного моложе своих тридцати. А выпячивание своего уродства или немощи в чём-либо – это сегодня модный тренд.

Не могу понять, работает ли она, и если работает, то чем занимается. А если не работает, то на что живёт. И каковы отношения с отцом её ребёнка.

Иногда она выставляет фотографии своего сына. Мальчишке лет пять, и он похож на неё, но красивее. Правда, не по-мужски: круглое личико, большие выразительные глаза и фигурные губы.

Глаза и губы её, но у неё они чересчур большие, манят, но не очаровывают, у сына всё гармонично. Так получается, когда мужские и женские черты находят идеальное сочетание.

Фотографии мужа, или отца ребёнка, или их совместной, семейной, нет.

Мартышка ввязалась в драку.

Если верить ей, то дело было так: шла себе, никого не трогала и вдруг увидела – кто-то кого-то бьёт. Ну, может, и не бьёт, а дружески раздаёт тумаки, но всё равно пройти мимо она никак не могла, потому что от любого насилия у неё, как она признаётся, сносит крышу, пропадает инстинкт самосохранения, и ноги сами несут всё остальное, не мускульное и небольшое, в эпицентр событий. Вот и теперь понесли. Да ещё с воплем насчёт полиции, которая уже рядом...

Один из участников прилюдного насилия даже отвлёкся на этот вопль, чтобы послать её «на хер». Но вопить она уже перестать не могла, как и остановиться, хотя понимала, что с её комплекцией самое реальное её место в этой сваре – под ногами дерущихся.

И продолжала вопить про полицию, хотя ни доблестных полицейских, ни фантастического судьи Дредда на горизонте не было видно. От этого пронзительного вопля выяснявшие отношения поостыли и решили ретироваться, не дожидаясь обещанных ею правоохранителей.

«Для коротышки – главная сила в голосе», – огласила она секрет своей победы для тех, кто в это время торопился отснять острый сюжет, дабы затем прославиться в Сети. А снимали многие. Но

отчего-то никто, кроме неё, не догадался разнять дерущихся.

...Прочитав этот пост, я вспомнил, что в юности написал несколько очерков о русских революционерах; о том, что готовность к поражению, как психологический посыл, был основой их готовности погибнуть во имя идеи.

В те давние времена Мартышка несомненно была бы в их рядах.

С одной стороны, самопожертвование и даже террор, а с другой – органическое неприятие любого насилия...

Что бы в ней пересилило?

А что я о ней знаю, зачатой ещё в СССР, а родившейся уже в России?..

Помню совсем маленькой девочкой из соседнего подъезда, потому что по-соседски здоровался с её родителями. Папа у неё был инженером-конструктором и работал на заводе, производящем что-то для Советской армии. Мама была воспитательницей в детском саду, который находился в нашем микрорайоне. Потом вдруг ни завод, ни детский садик оказались не нужны новой стране, и, естественно, ненужными стали инженеры и воспитатели. Но зато нужны были рабочие в нефтегазоносных краях, и её родители осмелились отказаться от привычного и завербовались на север. Планировали пожить в негостеприимных местах пару лет, пережить не радующие перемены, но возврата к прежней размеренной и предсказуемой жизни, как было в СССР, в новой стране не наступало, а годы шли, и они стали северянами, навещаясь в родной город только в отпусках, да и

то не каждый год. Поэтому для тех, кто её знал маленькой девочкой, уморительно похожей на мартышку своими детскими гримасками, она росла, не как все дети, незаметно, а скачкообразно: вот она – школьница с бантиками и теми же самыми гримасками; вот угловатый, стеснительный, мало похожий на девушку подросток; а вот уже и выпускница – маленькая, худенькая, но с живым лицом и неожиданно взрослыми суждениями.

После школы она поступила в университет и осталась полноправной хозяйкой родительской квартиры. Но соседи редко её видели, она была активисткой всяческих движений и пропадала в университете. А через год родители купили дом в другом районе города, квартиру продали, и она стала его обживать, пока те не вернулись в родные места с заработанной пенсией и приличными накоплениями. Теперь в нашем районе Мартышка не появлялась, друзей у неё здесь не было, и когда и за кого она вышла замуж, от кого родила, для всех тех, кто знал её раньше, было неведомо.

Что же касается наших пересечений, то их было не так уж много в пору её бурной юности.

Ну, вот, только признался, что совсем не знаю, чем живёт Мартышка, а она разоткровенничалась. Написала, что год назад в первый раз пошла на вечеринку одна и это было ей непривычно и горько, потому что с юности привыкла быть хозяйкой домашних вечеринок, на которых чувствовала себя «полной королевой», и это делало её счастливой. И друзей у неё было много, потому что друзья, как она утверждает, – это люди «с ко-

торыми кайфово». И вот друзья юности вдруг незаметно выросли, поскуцнели, обзавелись семьями и оттого перестали кайфовать. А многие к тому же уехали в другие города и страны.

«Но одиночество достаёт, даже когда ты убеждаешь себя, что ни от кого не надо зависеть и проводить время, как хочется самой».

Тут не поспоришь.

«И это заставляет искать новых друзей».

Нынешние её друзья, как она пишет, лет на пять-десять младше, и даже «...есть пара ребят семнадцатилетних. Смотрю на них и пытаюсь понять, была ли я в свои восемнадцать такой клёвой. А я уже долго живу, много кого знаю и много чего пережила».

Ностальгическое утверждение.

Стал вспоминать, сколько же ей сегодня должно быть?.. Лет тридцать или, может быть, чуть больше... И себя в тридцать вспоминать. Правда, в те времена и в той стране для себя никто не жил, и вечеринок особо я не припомню. Так, собирались по праздникам или по настроению. Отмечали всякие даты коллег.

Друг – было понятием не массовым. Единичным. У меня, например, в жизни было всего три друга в разные периоды. В детстве – одноклассник. В юности – сокурсник. И уже в самые дееспособные годы – товарищ и коллега по общему делу. А для всех прочих градация была: одноклассники, однокурсники, коллеги или сослуживцы, приятели. А ещё не так часто – собутыльники, друзья по кайфу.

И всё ещё было впереди, жизнь, по ощущениям, только начиналась.

Вот это неожиданное признание – «одна из моих любимых работ – продавщица в торговом центре».

Оказывается, она освоила профессию продавщицы сразу после университета, когда реально поняла, что диплом ничего не значит. Это в канувшем в прошлое СССР выпускнику вуза не надо было искать работу. Его уже ждали там, куда он попал по распределению. Распределение – это обязательная работа в определённом месте и на определённой должности в течение трёх лет. И это не всем нравилось. Распределяли, как правило, в Сибирь, в провинцию, в обеих столицах специалистов хватало. Но большинство это устраивало, потому что распределение гарантировало не только работу по специальности, но и жильё: одиноким – общежитие, а молодой семье – квартиру.

Мартышка получила диплом, когда никто уже ничего не гарантировал. Работа была только в торговом центре, и диплом там был не нужен.

Теперь, когда она поменяла уже немало работ и фирм, иногда занимаясь тем, чему её учили в университете, но чаще тем, чему и не надо было учиться, она вспоминает ту свою первую работу, как самую любимую. Хотя «одинадцать часов ты ничего не делаешь, а только ждёшь покупателя. Это ужасно трудно», – признаётся она. Но одновременно – «это чудный мирок, замечательная система».

Что это? Тоска по ограниченной какими-то рамками, запретами свободе? И как понять очевидное признание: «это был коллектив, объединённый одними и теми же задачами, и в нём было интересно».

Но ведь времена запретов и коллективизма остались в прошлом, где не было свободы и совсем не ценили индивидуальность, а строили всех, вписывая в систему. Тогда откуда эта тоска по коллективному объединяющему труду? Потому, чего хватало в СССР... Ведь она тогда не жила и не очень-то верит что там было хорошо, ведь там, в прошлом, осталось только плохое. Так её учили...

Любимое времяпрепровождение Мартышки – рок-бары, в которых ей особенно нравится афтерпати. Ну, это то, что происходит после выступления какой-нибудь группы. Например, тех же «Героев Геморроя». Или послушав «Палача». Правда, последняя группа, родившаяся в Бостоне в восьмидесятых, уже давно распалась, но память о ней жива. И даже в Википедии есть несколько строк о ней, в том числе и таких: «и вокал, и игра на инструментах описывались, как плохие». Но вот Мартышке нравится... Ну а «Герои Геморроя» – это местные, доморощенные, широко известные в узком кругу.

А ещё ей нравится челлендж. Это когда нечто надуманное, похожее на реальность, записывается на видео и выставляется в Сеть.

Лайки сегодня – наше всё...

Порой я не понимаю Мартышку, словно мы живём в разных странах и говорим на разных языках. Вот написала о каком-то ситкоме с флешбеками...

Ситком – это, оказывается, ситуационная комедия, флешбек – ретроспектива.

А ещё пишет о том, что во многих сегодняшних бедах виновато советское телевидение, показывавшее хорроры и шутеры. Пришлось лезть в интернет за новыми познаниями.

Оказывается «хоррор» – это «фильмы, которые призваны напугать зрителя, вселить чувство тревоги и страха».

Стал вспоминать, что же показывали в семидесятые годы в Советском Союзе, и вспомнил самый ужасный фильм того времени – «Вий». Вот в девяностых, уже после распада СССР, ужастиками мы изрядно увлеклись...

Кстати, сравните слова: хоррор – нечто чужое, враждебное, непримиримое. И вполне милое, приручаемое – ужастик...

А что такое «шутеры», знать не знали, слухом не слыхивали. Как и про компьютерные игры, компьютеров тогда не было.

Похоже, всё смешалось в когнитивных способностях – в высшей функции мозга, отвечающей за систематизацию, Мартышки, позволяющей принимать, отбирать, накапливать, перерабатывать информацию. А всё, наверное, оттого, что росла она не на советских мультиках, как сама признаётся, – тех же «Умка», «Ёжик в тумане» или хотя бы «Ну, волк, погоди», а на, как пишет, Гравити Рик, Фолз, Морти и крутых бобрах... Вот уж где хоррор откровенный. Теперь понятно, откуда её ночные страхи и панические атаки, о которых она частенько пишет.

Да, сразу оговорюсь: все нерусские словечки, которые использовал и буду использовать, – от неё и из интернета.

Она публично пожалела, что отдала деньги за реплику эйрподсов. Уронила наушник и тот перестал коннектиться с кейсом...

Прочитал. Не понял. Стал переводить.

Реплика – копия.

Эйрподс – беспроводные наушники от корпорации Apple.

Коннектиться – подключаться.

Кейс – ящик (там где начинка).

Перевёл так: жалею, что купила подделку наушников.

И всё очарование иностранных непонятностей пропало.

О сыне Мартышка пишет нечасто и всегда размещает его фотографии.

Недавно он болел, и Мартышка лежала с ним в детской больнице. Похвалила врачей за внимание и хорошее лечение.

Самый любимый мультик сына – «Жёлтая подводная лодка». В этом мультике рисованные Битлы борются с Синими Жадинами (Вонючками), которые терпеть не могут музыки. Рисованные Вонючки – нечто аляповато-условное, фантазии изобразить что-то характерное и вызывающее эмоции аниматору явно не хватило. Это вам не прорисованный Чебурашка или Маша с Медведем. Спасают мультфильм песни «Битлз». Фактически – это клипы песен, нанизанные на примитивный сюжет. Думаю, мальчишке нравятся именно песни.

Довольно часто она отвозит сына к бабушке (к матери или свекрови?). А тут написала, что хотела бы «утнать с сыном хотя бы на неделю в мой

любимый Будапешт». Правда, не объяснила, почему именно этот город стал её любимым, что с ним связано в её жизни?

Мартышка возмутилась, что никто из знакомых не знает великого Хантера С. Томпсона... И у неё нашлись единомышленники, посчитавшие, что не знать этого самого Томпсона равнозначно тому, что не знать Достоевского и Шекспира. И что это человек, входящий в десятку гениев двадцатого века. Правда, этот список так и не обнародовали. И ещё, что не знать про Томпсона, «как и не слушать «Лестницу в небо» – это невежество».

Я не захотел быть невеждой, потому что впервые услышал это имя. Заглянул в Википедию. Оказывается, Хантер Стоктон Томпсон, родившийся в 1937-м и покончивший с собой в 2005 году, – американский журналист, основатель гонзо-журналистики. «Гонзо» переводится как рехнувшийся, чокнутый. Эта журналистика предполагает «субъективный стиль повествования, с цитатами, преувеличениями и с ненормативной лексикой».

Я некстати вспомнил Эрнста Хемингуэя, тот сравнивал писателя с пловцом под водой, которого читатель ни в коем случае не должен видеть...

Самый известный роман этого Томпсона – «Страх и отвращение в Лас-Вегасе. Дикое путешествие в сердце Американской мечты». Роман вышел в 1971 году, по нему был снят фильм, который в прокате провалился, даже не окупил расходы. Но позже, как это ни парадоксально, стал культовым.

Что же касается содержания этого романа, который я не читал и читать точно не стану, то в Википедии начинается статья о нём с такой цитаты: «У нас было 2 пакетика травы, 75 ампул мескалина, 5 упаковок диэтиламидлизергиновой кислоты или ЛСД, солонка, наполовину заполненная кокаином, и целый парад планет различных стимуляторов, транков, визгунов, хохотунов и всего такого, всех цветов... а также полбутылки текилы, литр рома, ящик пива, пол-литра эфира и две дюжины амила...» И далее краткий пересказ, как журналист Рауль Дюк и его адвокат «Доктор Гонзо» едут через Неваду. Их цель – написать об автомобильной гонке. У журналиста от наркотических веществ начинаются галлюцинации, в отеле мерещится, что всё помещение кишит гигантскими рептилиями... Адвокат, страдающий суицидальными наклонностями, тоже хорош, одетый лежит в ванне и слушает радио. А потом умудряется растлить несовершеннолетнюю, накачав её наркотиками. Потом они на пару в наркотическом опьянении разъезжают по улицам Вегаса, выкрикивая непристойности...

Я думаю, этого кратко пересказа вкупе с окончанием жизни автора вполне достаточно для определённых выводов о качестве подобной литературы. И пусть я буду невеждой, но ни за что и никому не посоветую этого автора не только почитать, но и читать. И, тем более, сравнивать с Достоевским и Шекспиром.

Что же касается «Лестницы в небо», то эта композиция, по-видимому, упоминается поклонником Led Zeppelin потому, что, по мнению биографов, текст написан под воздействием нар-

котиков. Во всяком случае, в подстрочнике и в двух переводах на русский я ничего гениального не увидел.

Огорчила меня Мартышка. Я держал её за продвинутую, взрослую женщину, мать прелестного мальчишки, а значит, умеющую отличать ложное от истинного. А она вдруг выдаёт восторженный пост о книжке «бекстейджей, концептов, идей, прототипов и воплощений», которая, к её восторгу, оказалась в десять раз дешевле, чем она её оценила, отчего она смогла её купить и стать безмерно счастливой. А речь идёт всего-навсего об иллюстрированной истории создания фильма «Чужой». Бекстейдж – это то, что «за кулисами», «за кадром», чего зритель не видит на экране. А вот с концептом и идеей – перебор, ибо «концепт» и есть «идея» – и это свидетельство о бездумном поклонении перед иностранными словечками.

Рабская психология преклоняться перед чужим...

«Хотела сделать ультрареалистическое фото приболевшей, плохо спавшей, одетой во что попало женщины с прыщами, месячными, мимическими морщинами, плохой причёской, складками на животе и грудью тревожно разной формы и размера. Но, как ни старайся, всё равно получается роскошно».

Вот такой словесный автопортрет под очередными фотографиями.

Борьба с комплексом или вызов?

«Полгода убивал меня долг за коммуналку, наконец, рассчиталась...»

Не так уж и гладко у неё, хотя до этого признания складывалось впечатление о том, что живёт она «почти лакшери» – почти в роскоши и без забот. Наверное, так хотелось выглядеть в глазах фейсбучных друзей. Но быть не собой очень трудно. Почти так же, как просидеть «шесть часов, не отрываясь от монитора». И, всё-таки, – «работа – спасение от всяких грустных мыслей».

Что правда, то правда. Мы не всегда отдаём себе отчёт, но именно работа, если она к тому же любимая, лечит, возвращает силы и заряжает целесобразностью бытия. А жить только сегодняшним днём, не заморачиваясь, не планируя, не видя своего будущего, – это не награда, это наказание.

Мне кажется, Мартышка если не осознала, то интуитивно почувствовала, что её «труднопреодолимая усталость от жизни» – это всего лишь отсутствие смысла существования. Увы, но она не осознаёт себя матерью, хотя есть сын; не является женой, что-то не срослось с отцом сына; работа есть, но она не греет, она не фанат-трудоголик. Бары, тусовки, селфи – скорее печальная, чем весёлая, отдушина, тоже надоедают, тут все такие, все о чём-то своём... Не читатели – писатели...

У родителей впереди маячил коммунизм, в который они не верили, но всё-таки что-то там впереди брезжило, интриговало, и всё самое лучшее должно было быть завтра, и это вселяло оптимизм, стимулировало. А если «живи сегодня и ни о чём не думай», а это сегодня – однообразно и осточертело... Тогда чем жить?

Наконец прояснилось: она себя определила как «офисный клерк». Тот самый «серый ворот-

ничок» по общепринятой классификации, который нынче невероятно размножился. «Офисный клерк» – это не профессия. Это социальный статус некоего планктона, который существует для обслуживания тех, кто сегодня называет себя элитой. И это отнюдь не интеллигенция. Не та, думающая и устанавливающая духовные и нравственные ориентиры часть советского общества, которая созидала. Уровень культуры и образованность, и то, что нынче называется креативом, не те. На этот слой государство не ополчится. Не выдержит он, хлипковат. Но, тем не менее, есть то, что имеем, и суждено этой прослойке-прокладке, умеющей услужить и прислужить, расти вширь, заполняя собой всяческие ниши в обслуживании тех, кто что-то реальное созидает, творит, производит.

И она очень хочет быть на виду.

«Обожаю есть на улице», – признаётся Мартышка в присущей этому слою самодовольной созерцательности.

Сознаюсь, я жду посты Мартышки. Она помогает мне понять поколение Игрек, как окрестили тех, кто родился в промежутке между стагнирующим СССР и поднимающейся с колен Россией. Моё поколение по этой градации – это бэби-бумеры, и нам присуща психология победителей. И мы умеем работать в команде. А вот Игреки – «независимые, уверенные в себе, активные и свободные».

Насколько эта теория цикличности поколений (цикл составляет четыре периода по 20-22 года), предложенная американскими историками, верна, не берусь судить. Но меня греет, что уже со-

всем скоро начнёт рождаться поколение, которое будет похоже на наше поколение победителей.

Что же касается Игреков и непосредственно Мартышки, то она сама удивляется, что у неё нет бойфренда. Но тут же признаётся, что не так уж это и нелогично: «с бойфрендом и вообще с людьми столько сложностей, нюансов, компромиссов, что после развода я не представляю, что мне снова захочется с кем-то делить пространство квартиры или вообще проводить вместе много времени».

Но когда она начинает «сходить с ума от ощущения одиночества и безрадостности», то идёт в бар. И пытается ответить самой себе на вопрос: как не впасть в депрессию. И приходит к выводу, что нужно просто много денег, «потому что деньги – это время, в том числе свободное. И отношение с деньгами строить гораздо проще, чем с кем бы то ни было из людей...»

Наше поколение не сомневалось, что самая большая ценность – это роскошь человеческого общения, и, в теперь уже давние (а, впрочем, от дня сегодняшнего не такие уж и давние) времена, нам так уютно было собираться в комнатах коммуналок или на тесных кухнях хрущёвок и наслаждаться этой роскошью.

Бессонница как следствие неуверенности в завтрашнем дне или по причине неосознанной греховности не обошла стороной Мартышку. Немудрено, если социум становится нервным и пугать всяческими неприятностями нас начинают с самого утра.

В застойное время нашей юности, если кто не мог совладать с эмоциями (в основном это каса-

лось неразделённой любви; страхов в нашем прошлом было меньше, эмоций больше), – засыпал за чтением какой-нибудь скучной книжки. Такой, чтобы не очень захватила, не заставила втянуться, забыв обо всём на свете. Тогда, наоборот, не уснёшь, пока не прочитаешь до конца.

Мартышка тоже решила под электрокнижку завлечь сон и открыла «Суеверия викторианской Англии», потому что суеверия – это «что-то идиотское, но очень живучее». Правда, как она пишет, вступление от авторов оказалось таким многословным, что до собственно суеверий она так и не дошла. Но из вступления почерпнула, что «духовный путь англичан превосходит все остальные известные духовные пути». И за постижением этой особенности викторианского королевства не заметила, как уснула.

Выходит, рецепт действует. Только лекарство теперь поядовитее...

Зашёл в интернет, нашёл эту книжку. Действительно, есть такие строки: «Королева Виктория – символ страны, обретения ею национального самосознания». И далее: «...именно тогда активно заговорили о духовном превосходстве англичан над остальными нациями».

Полюбопытствовал, прочёл немного, но вполне достаточно, чтобы понять – компиляция, сочинительство на основе чужих произведений. И весьма примитивненькая. Для полуграмотного «пипла». Ну, а чего ждать от писательниц-фантастов Екатерины Коути, родившейся в Алма-Ате и живущей ныне в США, и Натальи Харса из Новосибирска, которые кроме компиляций ничему не научились. Естественно, измышлений. По воз-

расту эти две писательницы не намного старше и образованнее Мартышки. Возможно, для неё они откроют нечто новое.

Но вот чего их, русскоязычных, потянуло к английским суевериям, когда у нас своих хватает?

Может, от опустошающей безродности?

Мартышка вспомнила, что лет десять назад, совсем ещё юной и активной, была наблюдательницей на выборах депутатов в главную думу страны. И назвала это самым главным разочарованием в своей жизни, увидев бесчестье тех, кто должен был обеспечить честность волеизъявления народа. Это было глубочайшее разочарование в системе, во власти, в людях, которые рядом с тобой. «С той поры я не принимаю участие в этом шоу, называемом выборами. Я не признаю никаких партий и никому не отдаю свой голос. Хотя думаю, что им пользуются без моего разрешения».

Разочарование поколения?

«Обожаю разнообразие и радуюсь, что идущие рука об руку культура, этика, мода год от года становятся всё либеральнее».

Это по поводу нового цвета её волос.

Культура, этика, мода...

Напрасно она ориентируется на моду.

В моём советском детстве все игрушки без исключения были милы, добры и красивы. Именно они формировали понятие красоты у ребёнка. При капитализме в новой России появилась мода на некрасивые бездушные игрушки. Та же Барби – безжизненный, бесчувственный слепок. А ещё множество совсем не милых игрушечных зверу-

шек появилось. И даже безобразных. Нас, и прежде всего детей, стали приучать к уродству как к обыденному. Развенчивали идеалы, которые ещё помнились из советских времён. И именно мода стала тем самым орудием, которое разрушало понятие красоты, гармонии. Джинсы с дырками и бесформенные кофты; куртки с капюшонами, прячущие лицо; вызывающий, зачастую ядовитый окрас волос и звероподобные ногти. Мода на мат. Мода на неуважение к слабому полу. Мода на секс без любви, потому что женщина перестала быть носителем тайны, которую скрывало платье. А именно эта тайна и привлекает мужчину, заставляет фантазировать, мечтать, желать...

Капитализм и общество потребления как его производная по сути своей агрессивное, человеконенавистническое состояние. В нём человек всего лишь эквивалент капитала. И в нём не культура, как это было в СССР, диктует этику и моду, а продажная и обсуживающая капитал мода насилует этику и уничтожает культуру как таковую, низводя её до дикарских татуировок и бесцельности существования.

Так что не всё либеральное хорошо.

Неправильно, конечно, сравнивать времена и поколения. К тому же культуру разных, полярных по ценностям, укладов экономических. Но ведь всё прочное стоит на фундаменте. А фундамент настоящего и будущего – это и есть прошлое. Да, Мартышка не знает то, что впитал я, как я не знаю, на чём росла она. Догадываюсь, но не знаю. Потому что в это время жил не с её, а со своим поколением, и занят был не постижением мира, а выживанием. И вот теперь я открываю для себя то, что

она читала, слушала, смотрела. Как оказывается, если и не чуждое, то не всегда понятное мне.

«Я – убеждённый «безродный» космополит, Гомбровича читаю и перечитываю с восторгом».

Вот такое признание.

В юности и я был космополитом. Потому что рос в Советском Союзе, в котором лозунг «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!» нёс в себе заряд веры в любовь людей друг к другу. Но Гомбровича не читал. Не знал такого писателя, хотя он родился в 1904 году и умер в 1969, когда мне было восемнадцать лет и я читал других авторов, другие книги. И ещё не знал, что есть Сартр, Камю, ищущие противоядие от тошноты и безнадёги буржуазного общества, а они были его ровесниками, людьми одного поколения. И ещё не читал замечательных писателей Хуана Карлоса Феррейру и Хуана Карлоса Гомеса. И до сего дня не знал, что они были знакомы, входили в один литературный кружок с Гомбровичем. С писателем, который рассмотрел в себе Космос.

«Я состоялся. Слишком состоялся. Витольд Гомбрович – эти два слова, которые я носил в себе, уже воплотились. И хотя я мог бы ещё совершить нечто неожиданное для самого себя, я уже этого не хочу – не могу хотеть, потому что я слишком есмь. Среди этой неопределённости, изменчивости, непостоянства, под непостижимостью небес я есмь, уже состоявшийся, завершённый, определённый... я есмь и состоялся настолько, что это выводит меня за рамки природы».

Поняла ли она эти его слова, человека, подводящего итог жизни?..

Но я благодарен Мартышке. Она открыла для меня нужного мне автора из моего прошлого. Может быть, мы с ней по-разному его прочитали. Но ведь прочитали оба. И это внушает оптимизм совпадения нашего видения будущего.

Этот мир

Эту фразу часто повторял дед, но отец никак на неё не реагировал, и матери было некогда спорить, они всегда возвращались очень поздно (потому что нужно было «делать деньги»), и слушать деда приходилось ему...

«Искушения правят миром...» – не понимая, он запомнил её.

Дед был основателем их «семейного дела» (так говорила мама). Когда-то, в дремучей древности, ещё до его рождения, дед создал это «дело», которое теперь ежедневно требовало к себе и отца, и мать. И оно было важнее, чем и он, и дед, и все остальные; и они с дедом целые дни проводили вдвоём, если не считать сестру Катюку и няньку Дашу. Но Катюка была совсем маленькая, а няньке некогда было ни разговаривать, ни слушать, и дед, сидя на веранде в тени раскидистого абрикосового дерева, делился приходящими мыслями с внуком, иногда повторяя, что четыре года – самый подходящий возраст для того, чтобы воспринимать мудрость этого мира. Воспринимать и не пытаться перевернуть мир. А вот потом, с каждым годом продвижения по времени своей жизни, каждый ребёнок, неизбежно превращаясь во взрослого, утрачивает это качество и вместе с ним объективное осознание прожитого.

Иногда дед говорил сложно, и тогда он даже не пытался слушать, занимаясь своими делами. Когда эти дела уводили его за дом или в глубину сада, требовательный окрик заставлял возвращаться если не в дом, то хотя бы туда, где его видел дед.

Обычно на окрик выходила и Даша. Она окидывала взглядом чёрное от загара тело деда, сад, расслабленно изнывающий под жарким солнцем, полянку перед домом, выцветшее небо, зыбкую в поднимающемся мареве ленту дороги за забором, что-то ещё, ведомое и видимое только ей, и молча, или же напомним деду, что за ребёнком нужно следить, тяжело переваливаясь, уходила в комнату, потому что Катюке ещё рано было гулять, она всё ещё созерцала потолок и только-только начала хватать короткими пальчиками развешанные перед ней погремушки.

«За детьми нужен глаз да глаз», – назидательно повторяла она, прикрывая дверь.

– Вот видишь... Женщина... – Помолчав, запоздало произносил дед. – Она не задумывается ни о прошлом, ни о будущем. Она живёт в этом мире. – Он окидывал взглядом увлечённо строящего что-то из песка внука и продолжал: – А что ей думать? Своих детей никогда не было, мужа тоже. Работала инженером. В молодости. Конструктором. Вместе с твоей бабкой. – Дед вздыхал. – Бабка у нас – путешественница... Мы с ней в вагоне и познакомились. Она в стройотряде проводников была, а мы ехали на место дислокации нашего отряда. Ты, естественно, не знаешь, что такое стройотряд. И вообще тебе невдомёк, что когда-то я был молодым, как твой папка, и даже моложе.

Как ты... Правда, я тоже не помню себя в твоём возрасте. А вот как с бабушкой познакомились, помню. И многое другое...

Он замолкал, глядя перед собой, словно пытаясь разглядеть это неведомое прошлое, и после паузы продолжал:

– Мы в молодости жили чувствами. Потому что твои предки, то есть наши родители, не долбили. На их долю выпали тяжелейшие испытания. Каждому поколению Богом отпущено прожить по-своему, познать свою грань бытия. Вот им даны были война, разруха, восстановление. Но и грандиозные стройки, энтузиазм, романтика. И желание жить ради будущего, ради детей. Ради нас. А мы просто любили жить. Наверное, за них тоже. И женщин любили. А вот твой папка себя любит. Он из поколения контуженных обществом потребления.

Дед вставал, так же, как Даша, пытался разглядеть за забором что-то своё и, неторопливо ставя босые, чёрные от загара ноги, спускался с веранды по лестнице в сад.

Возле внука останавливался, с любопытством разглядывал бесформенные песчаные кучки, затем шёл по дорожке, выложенной из плитки, к калитке, приоткрыв её, озирали размягченный солнечными лучами и пахнувший битумом асфальт и возвращался обратно. Но на веранду не поднимался, проходил по траве между яблонями, увешанными краснеющими плодами, мимо уже обобранной черешни и скупых на урожай груш. Останавливался, наблюдал за целеустремлёнными пчёлами, находил взглядом внука и продолжал:

– Пчела вот тоже трудится. Но разумно. Летом активно, а зимой отдыхает. И земледелец так же. Это естественный цикл. Изначальный, от Бога... А в городах все крутятся с утра до вечера круглый год. Ни на что другое ни сил, ни времени не остаётся. А нынче так и не до любви. И годы летят. Трудятся, крутятся, производят, а ради чего? Ради себя и ближнего? Чтобы ему и себе полезное сделать? Нет, ради денег... А потом тратят на суетное, неважное и ненужное. Чем цивилизованнее общество, тем зависимее человек, тем больше он работает на унитазы и свалки. Как твои родители. А ведь когда дед твой диссидентствовал, он не так всё представлял. И когда, наконец, можно стало заниматься тем, чем хочешь, наступило славное время, это правда. Но оно было слишком коротким. Была вера в гармоничное будущее. Почти такая же, как у наших родителей — твоих прадедов. А что такое счастливое будущее? Это свобода от необходимости делать то, что не хочешь...

Солнце припекало голову, и он, поправив внуку съехавшую панаму, поднимался на веранду, вновь усаживался за стол, на котором из-под бронзового бюста классика русской литературы пыталась вырваться на вольный ветер стопка бумаги.

– Вот и Дарья тогда развернулась, бюро открыла, конструкторское. Но конструкторы скоро стали не нужны. Многие стали ненужными, а иное понадобилось. И характеры иные, не любвеобильные. Кто в коммунизм верил, тот никак не мог понять, что происходит. А кто лишь по должности к нему вёл, сориентировались быстро. Первые всё ещё о стране, народе, всеобщем счастье думали, а вторые о себе заботились. Первые, как Дарья,

вскоре на обочине остались, а вторые далеко уехали... Правда, ещё были такие, как твой дед, которые пешочком, пыль глотая от проезжающих, всё-таки вперёд продвигались. А вот Дарья... Не дал ей Бог понять, что происходит. Зато детей понимает. И любит. Хотя, опять же, Бог своих не дал... А вот бабушка твоя путешествовать любит. А мама что любит?..

Время близилось к полудню, Катька засыпала, выходила Даша, загоняла внука в тень, ставила перед дедом большую кружку холодного кваса, ею же приготовленного, присаживалась рядом, одним ухом прислушиваясь к тому, что творится за занавесками, раскачиваемыми ветерком, другим внимала одновременно и жужжанию пчёлки, и фантазиям внука, и бормотанию деда. Она знала, что тот ничего нового ей не скажет, потому что они были людьми одного поколения и одного настроения. Она уже давно жила вместе с ним и своей подругой, уехавшей нынче развеяться в менее жаркие места, с их дочерью и пришедшим некогда в дом мужем вдруг выросшей Аленьки, с их стремительно возникшими из будущего детьми, с которыми она провела гораздо больше дней, чем родная бабушка. У неё было время и влюбиться в этого старика, и начать обожествлять его, и ненавидеть, и внимать, и отвергать... Теперь пришло время выпитывать, не замечая ни его, ни остальных, ни окружающее, кроме нуждающихся в её помощи детей.

Почти всегда в одно и то же время возле калитки останавливалась машина. Приезжали папа и мама. Папа сразу же раздевался до трусов, об-

ливался в душе водой и, откинувшись в плетёном кресле, с очевидным удовольствием потягивал квас, перелистывая газеты, привезённые с собой. Иногда он фыркал, многозначительно тянул «н-да-а...», и тогда дед откладывал в сторону ручку, снимал с носа очки и выжидающе смотрел на него. И, ничего не услышав, не торопился отводить взгляд, пытаясь понять так и не ставшего близким человека. Он не мог постичь, как этот вечно дремлющий или жующий, или потягивающий пиво мужчина мог нравиться его дочери. Хотя и в этом он не был уверен: порой среди ночи он просыпался от несдерживаемых обидных слов в соседней комнате, из которых сделал вывод, что его дочь так же, как и он, ждёт от этого человека тепла, поддержки, наконец, любви, но вынуждена сама отдавать и тепло, и любовь. Зять не проявлял интереса ни к дому, ни к саду, ни к развитию дела, предпочитая разговоры об особенностях путешествий в дальние страны или о достоинствах кухни того или иного ресторана...

Мама первым делом трогала лоб сына, потом проверяла Катькин лоб и всё остальное и выслушивала Дашу, на ходу снимая блузку и юбку и накидывая тонкий халатик. Потом, пока Даша накрывала на стол, уходила в солнечный угол сада и там ложилась на раскладушку, подставляла жарким лучам всё никак не набравшее желаемой смуглости тело. Как правило, очень скоро просыпалась Катька и требовала маму до тех пор, пока та не брала её на руки и не садилась вместе с ней к столу, и от этого за обедом никто ни о чём не говорил, а все наблюдали за Катькой и слушали только её «дай, дай...» Потом мама с Катькой учились

ходить по скрипучим половицам веранды, Даша убирала посуду, папа опять шёл под душ и натягивал на себя брюки, рубашку и галстук, мама переодевалась, превращаясь в строгую и чужую тётю, Катька капризничала, машина стремительно уезжала, и наплакавшаяся Катька засыпала под прищёптывания-припевы Даши. Дед вновь придавливал листы бумаги классиком литературы, а он расставлял вдоль пахнущей смолой стены веранды разномастные игрушки, творя лишь ему подвластную историю.

– Ты, несомненно, прав, – вдруг произносил дед, постигнув, наконец, основные принципы устройства мира, создаваемого внуком, в котором главенствовало всё побеждающее добро. – Ты пока мудр, но куда всё уходит потом? Искушения, вот что уводит нас от мудрости. Мы поддаёмся им, становимся рабами страстей. Начинаем служить преходящему... Нет, я не осуждаю других. Я сам такой же, как все остальные. Я постигал этот мир так, как его познавали до меня и как будешь познавать ты. И моя жизнь имеет свой смысл. И жизнь твоих предков имела свой. И главное, чем дальше в прошлое, тем разумнее... Они не тратили силы на производство ненужного. Они жили естественными заботами. А вот чем живут твои родители?..

Тяжело поднимая массивные ноги, выходила Даша, подносила ладонь ко рту, приказывая замолчать и, под жалобный стон половиц, вводила в сад и внука, и деда, и сама садилась на нижнюю ступеньку, в зримо разрастающуюся полосу тени.

– В сущности, человеку так мало нужно, – по инерции ещё продолжал говорить дед, уходя в

дальний угол сада, откуда слов его разобрать было почти невозможно. – Утолить голод да защитить тело от жары и холода. Насытившись, пребывая в комфорте, человек должен был предаваться размышлениям об этом и иных мирах. Но пища из необходимой потребности превратилась в повседневные заботы, одежда – в культ, обслуживание плоти – в смысл существования, а размышления... Для них совсем не осталось места.

– Что ты там бормочешь? – негромко спросила Даша, поглаживая большие икры, изборождённые узелками вен. И, не ожидая ответа, глядя на внука, толкающего игрушечный самосвал, добавила со вздохом: – Что старый, что малый...

День уходил, как уходило лето, уходили годы. Не обращая никакого внимания на сожаления или нежелание людей.

– Нам всё-таки повезло, мы знали, что такое любовь. У нас была возможность выразить себя. А что у них? Беличье колесо? Безумная гонка?

Дед остановился около абрикосового дерева, на котором висел один-единственный, начинающий румяниться плод, коснулся ворсистой поверхности пальцами, хотел сказать, что даже этот плод требует длительных размышлений, но, глядя на него, каждый прежде всего думает о его вкусе.

– Пусть висит! – услышал он голос Даши и взглянул на её оплывшее тело, давно уже утраченное и вид, и вкус, и может, поэтому размышлять о нём было гораздо проще, чем о плоде...

Он вернулся к дому, присел на ступеньку над Дашей. Скользнул взглядом по её собранным на затылке крашеным волосам, задержал его на напряжённо выгнувшемся – самосвал с трудом пре-

одолевал песчаную дюну – смутлом тельце внука и надолго остановил на муравьиной веренице, изменчивой и одновременно постоянной, суетной и вечной, порождающей и любопытство, и уважение, и сожаление... Движущаяся живая «строчка» пересекала вытоптанную дорожку, соединяя затерявшееся в траве муравьиное подземелье и маленькое отверстие, уходящее под фундамент. По-хорошему, надо было бы заделать это отверстие – если муравьи заведутся в доме, трудно от них избавиться. Но тогда прервётся эта, вселяющая в конечном итоге оптимизм, цепочка...

Грузовик преодолел дюну, быстро покатил по дорожке и вдруг замер. Внук, нисколько не заботясь о чистоте трусов, лёг на пыльные кирпичи, разглядывая суетливый поток.

– Встань! – раздался голос Даши. – Нечего валяться на земле. Хочешь полежать – пойдём, я тебе постелю.

Она медленно, с трудом распрямляя ноги, поднялась.

– Не хочу, – капризно произнёс внук и, забыв о муравьях, покатил дальше самосвал.

– Искушения и ограничения, – сказал дед. – Пряник и кнут с первого мгновения и до последнего.

– Следи за детьми, – строго произнесла Даша. – Посматривай за Катенькой, я прилягу.

Она ушла в дом. Проскрипела кровать, и почти сразу из окна донеслось похрапывание, отчего вдруг и на деда, и на внука навалилась дремота, но первый не мог себе позволить расслабиться, обременённый заботой о потомках, а второй – оттого, что не хотел отказаться от игры.

Дед поднялся на веранду, опять сел за стол, отставил в сторону классика, занёс ручку над непорочным листом, задумался...

– Нет, не созрел я для мемуаров. – Поставил классика на место. – Летом на воздухе славно. В офисе от кондиционера выхолащено. Ни звуков, ни запахов. Безвкусие.

Он переставил к перилам кресло-качалку так, чтобы был виден весь сад; сел, стал наблюдать за внуком, за жужжащим неповоротливым шмелём, изучающим перила веранды, за ненароком залетевшей стрекозой; опять за внуком, за невесть откуда взявшимся испуганным (одно на весь небосвод) облачком; за соседским рыжим котом, тайно пробирающемся вдоль забора; за головами и концами удочек мальчишек, идущих за калиткой; за перечёркивающим горизонт следом от самолёта; за внуком, опять за шмелём, всё ещё не определив, по какой такой надобности он вьётся возле колышущихся занавесок, за которыми громко дышала Катька, и окликнул внука.

– Посмотри, проснулась сестра или нет.

Тот неожиданно охотно взбежал наверх, оставив перевёрнутый грузовик на полдороге, постоял у кровати, пытливо разглядывая пухлое личико сестры, голубые бусинки глаз, изучающие его, подождал, пока гримаса превратится в крик, и сообщил:

– А она проснулась.

И все иные звуки куда-то исчезли, радостно закачалось освободившееся кресло, дед склонился над Катькой, не зная что делать, но появилась Даша, и повторилось всё: замена пелёнок, прогулки с внучкой по саду, пока Даша готовила ужин,

игры втроём, закончившиеся слезами Катьки, выговором Даши и сменой постов: дед – у плиты, Даша – с детьми.

Потом – кормление Катьки, её зыбкое, капризное засыпание, опустившийся парной вечер, завершающий ещё один временной отрезок короткой дистанции между двумя мирами; вот уже и внук довольно засопел в своей кровати, и они остались с Дашей вдвоём на веранде, освещённой неяркой лампочкой.

От дороги, за которой была речка, потянуло бодрящей прохладой, заверещали сверчки, беззвучно заскользили через освещённое пространство летучие мыши.

Там, где ночь не изувечена светом, небо полно звёзд. Смотреть на них и заманчиво, и боязно. Представить, что в этом безбрежье счастливо обитают души, – невозможно. Гораздо понятнее и ближе отдающий тепло асфальт, далёкая музыка (у речки тусуются подростки), заполошный, с края на край (кто-то пьяненький домой возвращается) собачий лай, лучи фар... Приехали родственники.

– Привет, пап.

Дочка чмокает в щёку, от неё пахнет вином и духами.

– Идём домой, у нас новость есть.

Зять бурчит что-то условно-приветливое, открывает ворота, загоняет во двор машину.

– Что за новость?

Он пытается догнать дочь, но та исчезает в доме, шепчется с Дашей, переодевается. Даша выносит ужин и неожиданно выставляет на стол фужеры.

– А что, у нас праздник?

Но вопрос остаётся без ответа.

Зять фыркает под душем: у него что-то с обменом веществ, он потеет как загнанная лошадь, то ли от жизни, то ли от жары. Наконец появляется и он, садится за стол, стул под ним крякает: зять не худенький, потирает руки, непривычно бодрый, довольный. Но с зятем у них отношения не совсем родственные, поэтому ему вопросов он не задаёт, ждёт дочь.

Наконец выходит и она. Даша накладывает им в тарелки, пододвигает бокалы. Зять наливает. Вино тёмно-красное, пахучее.

– Пап, мы кардинально меняем жизнь, – произносит дочь и торопливо добавляет: – Мама в курсе, мы просто раньше времени тебе не сообщали. Но ты ведь всегда говорил, что в мире слишком много соблазнов и пустой суеты...

Он отодвинул бокал, предчувствуя, что новость может его огорчить.

– Ты и сейчас так считаешь? – Дочь ожидающе подалась к нему.

– Я говорил об искушениях.

– Это одно и то же... И мы решили разорвать этот порочный круг. Мы переезжаем...

– Переезжаете?

– Мы все переезжаем. В деревню. В глушь. Как говорил поэт... Мы будем жить, подчиняясь естественным законам. Ты же мечтал об этом.

Он не сразу понял, о чём она, если они и так живут почти в деревне и в то же время рядом с городом. Это удобно им, хорошо ему, замечательно внукам.

– А разве...

Он не закончил, она перебила:

– Мы продали бизнес. И мы теперь все свободны. И, можем, наконец, осуществить наши желания.

– Что продали?

Бокал соскользнул со стола, но звука бьющегося стекла он не услышал.

– Пап, ты что, расстроился? – Её глаза испуганно сузились. – Мы купим кусочек земли, где будет роща и речка, построим большой дом. И будем все вместе, рядом. Как ты хотел.

– Как это продали?

– Ты был прав, большинство из того, что сейчас производится, функционально ненужные вещи. – Она бросила взгляд в сторону мужа.

– Мы думали, что вы будете рады, – вставил зять.

– То, что делал я, не относится к ненужным вещам, – наконец произнёс он. – Я столько лет с таким трудом всё создавал... Я оставил вам отлаженное, перспективное дело...

– Пап, ты недоволен? – Дочь удивлялась искренне. – В последнее время ты только и говорил о никчемности наших занятий, о том, что мы неоправданно много времени уделяем суете, забыли о детях. Ты же сам убедил нас, что если ничего не менять, мы просто пробежим по жизни, ничего в ней не поняв и не ощутив её вкуса. Ты повторял, что общество потребления — это тупик в развитии и не стоит ускорять собственными усилиями приближение конца. Разве не так?

Дочь ждала ответа. Он видел её растерянное лицо и вспоминал, что, действительно, говорил об искушениях, которые уводят от главного, от

постижения предназначения этой жизни. И о том, что в обществе, в котором им выпало жить, человек утрачивает последние крохи свободы, подменяя её суррогатом развлечений, становится рабом примитивных страстей, теряет способность смотреть в звёздное небо.

Но он помнил и многие годы, в течение которых создавал своё дело. Он помнил, что оно началось в эпоху пустых магазинных прилавков, застоя и повального дефицита, но был энтузиазм и жажда братья за всё, что нельзя было делать вчера. Помнил, как пришло осознание того, что не государство содержит тебя, а ты – государство в лице сонма всяческих чиновников. Затем пришли годы произвола, обмана на всех уровнях, в любых масштабах и формах, разбой на дорогах, необузданный разгул новой власти. И он, на ходу учась, словно лоцман, вёл своё «судно» по непредсказуемому и абсолютно неизвестному ему фарватеру, вместе с обшивкой оставляя на встречаемых препятствиях часть собственного здоровья, сил. И вывел...

И разве только ради денег он жил все эти годы?.. Поэтому и боялся за дочку, зятя, ему казалось, они уже служат бездушному идолу наживы, что ничто более в жизни их не интересует, что они не устояли перед искушением бездумно, по-животному, прожить отпущенное Богом...

Выходит, он был неправ?

Значит, он должен радоваться?

Но почему-то радости не ощущает. Может, оттого, что теперь, когда ему вдруг захочется, он не сможет пройти по коридорам, наблюдая из-за стеклянных перегородок, как трудятся на своих

рабочих местах сотрудники фирмы, бывшей некогда его делом?

– Это неожиданно... Вероятно, общество пришло – не без моей, кстати, помощи, каюсь, – к тому, каким оно стало. Но у каждого человека должно быть своё дело. А есть ли оно у вас?

Он посмотрел в глаза дочери и вдруг увидел в них лучики, которые давно уже не появлялись, и ощутил её радость и веру в нечто славное впереди.

– Есть, папа, – сказала она. – У меня есть.

Он взглянул на зятя, но тот, обхватив бокал большими белыми ладонями, смотрел в черноту ночи.

Он поднялся из-за стола, обошёл Дашу, вытирающую место, где разбился бокал.

– А я так рада, так рада, – сказала Даша, глядя на него. – Теперь можно и натуральное хозяйство завести, и сконструировать что-нибудь интересное, для души...

И это «для души» заставило его улыбнуться, и дочка заметила эту улыбку, выдохнула:

– Ну, слава Богу, а то я уже...

– Да ладно вам, продали так продали. Всё что ни делается, всё к лучшему, как говорила твоя прабабка, – как можно бодрее произнёс он. – Об остальном завтра утром поговорим. Пошёл я спать.

Он прошёл в свою комнату, не включая света, не раздеваясь, прилёг на кровать, привыкая к новой реальности...

Однажды журналист задал ему вопрос, на который тогда он даже не стал искать ответа и который теперь вспомнился: почему революционеры, как правило, становятся люди обеспеченные,

достигшие чего-либо в этом мире. Чего им не хватает?.. И действительно, отчего он, по меркам окружающих, достигший благ, настроен против общества, в котором живёт? Чего ему не хватает?..

И вдруг нашёл ответ.

Не хватает ощущения души.

Нет, он её чувствовал, но, совсем крохотную, загнанную в дальний угол, обложенную условностями и соблазнами. А когда-то, даже в бурные, штормовые годы, душе не было так тесно. Оттого и смог он тогда найти фарватер... А потом пришли времена, когда нужно было просто «делать деньги». Это было скучно, и он без сожаления передал заботы детям.

И ещё вспомнился тост, который всё чаще и чаще звучал в последние годы. Это было пожелание «чтобы душа развернулась...», пожелание прежде всего себе. Ведь оттого, что душе тесно, она и призывает к бунту.

И вдруг подумал: выходит, души у его дочери и даже у зятя менее зажаты, чем у него.

А по-настоящему большая и счастливая душа у внука и совсем ещё не понимающей этот мир Катьки.

А значит, не таким уж и плохим будет будущее...

И с этой мыслью, одновременно успокаивающей и обнадеживающей, он и уснул, не зная, что именно в это мгновение его душа наконец-то выбралась из дальнего уголка и вновь обрела способность путешествовать по звёздному небу, нисколько не уступая в этом душе его сладко спящего внука...

Рядь

Несколько дней ждали приглашения хана. За это время и отдохнули от долгой дороги и пообвыкли в столице Орды Улус Джучи, растянувшейся на многие километры по-над берегом реки. Её широкие улицы и шумные базары, на которых шла бойкая торговля всяческим товаром, в том числе невиданным ими прежде, князю и его свите понравились; не мешало бы перенять и для своих городов. Пригляделись и привыкли и к жилищам-кибиткам на колёсах: чем богаче владелец – тем больших размеров такой дом. И к пестроте одежд, хотя находили в ней немало странного, нелепого. Так, мужчины и незамужние женщины ходили здесь в одинаковых кафтанах, встретишь и не разберёшь. Такое на Руси никак не хоже: мужчина должен в мужском одеянии ходить, а женщина – в женское рядиться. А тут ежели кто и походил на женщину, так это замужние. И то выглядели они своеобразно: на голове сооружение, похожее на птичье гнездо, а лицо скрыто под белым покрывалом. Только украшения одни и блестят.

И к многолюдному говору привыкли.

И к здешним обычаям и нравам тоже присмотрелись.

Сначала удивлялись и обсуждали. А потом решились, что судить – не их дело.

Да и как иначе, в чужом монастыре свой устав не диктуют.

Привыкли и к довольствию, которое им выдавали хозяева. Даже к не всеми вкушаемому напитку из кобыльего молока – кумысу. Остальное:

вино, вареное мясо и просо ели все. Правда, без соли такую трапезу вкусной не назовёшь.

Приехали они из Владимира по вызову хана Батгя. Тот решил определиться, кому ярлык на великое княжение после смерти князя Ярослава отдавать. По старшинству положен он был Александру Ярославичу. Но пожелал хан и Андрея посмотреть.

О победах Александра над шведами, над немецкими и литовскими рыцарями, с которыми и его воинам сталкиваться приходилось, Батгый был наслышан.

Как рыцари воюют, хан хорошо знал, его воины далеко на запад прошли, много разных народов завоевали, и в чём-в чём, а в воинском мастерстве он знал толк и противника мог достойно оценить. И хотя Русь сейчас и не противится его воле, но за каждым из князей следить надо, не позволить силу набрать. Вот и захотел посмотреть на обоих сыновей Ярослава, но прежде всего на того, которого Невским прозвали.

Наконец, прибыл гонец от хана с приглашением.

Дом хана отличался от всего ранее увиденного в столице Орды. Это был настоящий дворец, стоящий на земле без всяких колес, с множеством комнат и с двумя входами: восточным и западным. В западный мог входить только сам хан, а в восточный заводили послов. Через него и князья вошли.

Батгый сидел на возвышении, с которого оглядывал всех сверху. На сидящих подле него своих родных и военачальников он не смотрел. Его ин-

тересовало посольство русское, князья молодые и, прежде всего, князь Александр, который, как ему донесли, проходить между очищающими кострами, что обязаны были делать все иноверцы, наотрез отказался. А кумыс пьёт.

О дарах русских ему тоже уже донесли; это была привычная для них дань – меха, серебро, золото.

И о том, что вели всё это время они себя спокойно, подчиняясь приставленному толмачу, который и водил их по столице Орды, тоже знал.

Князь Александр стоял на полшага впереди Андрея. Батый отметил и статность, и лицо волевое, и сильные руки и грудь воина. Вгляделся в лицо и перехватил встречный взгляд в котором не было ни страха, что нередко видел у подчинённых, ни робости, чем отличались послы иностранные, а была уверенность. Равность ему, могущественному завоевателю мира. И это его задело.

Но он отбросил эмоции: война – это не только сражение, это ещё и умение врага сделать другим... Князь Александр ещё юн, оттого и дерзок, таким и он сам был в его возрасте. Их разделяет немало лет: он уже укрощал необъезженных жеребцов, когда князь родился. Но возраст – это то, что неизменно настигает каждого. Но не каждому даются мудрость и власть.

– Мы, с вашим отцом, князем Ярославом, научились мирно разрешать все вопросы, – начал хан негромко, попеременно вглядываясь в лица князей, отмечая каждое движение и давая понять, что настроен на мирное существование на прежних условиях. – Он служил нам верой и правдой и ярлык старейшины над всеми князьями русскими оправдывал. И обязательства взятые выполнял,

поэтому и Киев мы ему отдали... – Помолчал, придавая значение сказанному и продолжил уже требовательно. – Вот вижу вас князья русские, сыновья его, думаю, кому ярлык на великое княжение дать, кто способен слово держать. Что скажете?

– За тем и приехали, – отозвался Александр. – Какой будет твоя воля, ту и признаем, главное – не в ущерб Руси, княжествам нашим.

– Признаете, знаю, – усмехнулся хан, обведя взглядом своих ближайших военачальников. – А если не будете признавать, заставлю. Княжествам вашим мы без вины вашей ущерба не наносим. И вам богатеть позволяем. И веры вашей не притесняем. Но обмана и своеволия не потерпим, огнём всё очистим.

– Да уж знаем, видели по дороге, – обронил Александр, вспоминая выжженные и разграбленные земли на тысячекилометровом пути сюда из Владимира.

Сказал скорее себе и брату. Но хан услышал.

– А ты, князь Александр, слышал я, проигрывать битвы не умеешь...

И прищурился, впился пронизывающим взглядом, в котором теперь были и жёсткость воина, и бессердечие правителя. Князь не отвёл взгляд, не опустил голову, как редко кто из послов отваживался.

– Не довелось, – ответил и замолчал, а глаз прятать не стал.

– А отчего же ты не исполнил приказ мой, не прошёл между кострами, чтобы очиститься... И не поклонился богам нашим... Или забыл, что головой за неповиновение платят... – Напомнил хан о проявленном упрямстве, когда в нарушение

принятого обряда, отказался Александр пройти между двух костров и колено преклонить перед теми, кого монголы почитали.

Донесли Батюю об этом сразу, ожидая, что накажет дерзкого в пример остальным. Но уж очень хотелось хану взглянуть на упрямого князя, сравнить со своим сыном. И сейчас он нет-нет да и поглядывал на Сартака, преемника своего уж скорого. Ему править князьями русскими, ему сохранять то, что завоёвано. Кого видит тот в русском князе – своего соперника или друга...

– Не подобает христианину кланяться твари, кроме Бога. Мы поклоняемся Святой Троице, Отцу и Сыну и Святому Духу, сотворившим небо, землю и море... И не принуждаем иноверцев нашим богам кланяться.

В голосе Адександра твёрдость, достойная уважения.

Но нельзя давать подневольному волю свою демонстрировать. Окинул Батый взглядом своих подчинённых, вновь на князя уставился. Ухмыльнулся.

– А мне поклонись?

Помедлил Александр, но сделал шаг вперёд и поклонился.

– Я поклоняюсь тебе. Потому что ты человек и царь...

Понравился хану этот ответ. Молод князь, но не глуп, подумал он. Но рано ему ещё ярлык отдавать. И другому князю рано, ничем особо не отличился и сейчас осторожничает, молчит, не раскрывается. А такие, это Батый хорошо знал, если что и предадут, и обманут... Впрочем, торопиться некуда. Пока можно кого-нибудь из старших

князей возвысить. Из тех, кто уже давно пороги обивает...

– Ладно, князь, прощаю я тебя. Чужих богов мы уважаем и чужую веру чтим. Вот сын мой старший, вашу веру понимает... Может, оттого и не наказал я тебя, хотя нарушил ты ханский указ. – Возвысился над остальными и телом и голосом. – Я повелеваю ехать вам, князья русские, в Каракорум*. Хочу, чтобы на вас там посмотрели. Дам я вам сопровождающих и всё, что необходимо в пути. Дорога у вас будет неблизкая. Узнаете каковы просторы империи нашей, отчего и могущество наше нерушимое, против которого никто выстоять не может.

И, глядя вслед выходящим, подумал, что пусть пока ярлык великого князя побудет у их дяди, князя Святослава...

Вернулись от хана, а вопросов больше, чем ответов. То, что ярлык не даст ни тому, ни другому, — понятно. Но тогда зачем в Каракорум отправляет? Может, чтобы так же, как отца, там и отравили?

И ехать не хочется. По рассказам бывавших там знают: дорога в столицу империи длинная, в несколько раз длиннее, чем отсюда домой, и зима скоро. Но ослушаешься хана – не то что ярлыка не будет, головы не сносить. Так что ничего не поделаешь, надо настраиваться на путешествие.

Прикинули князья, кого из своей дружины с собой возьмут, кого обратно домой отправят. Хорошо ничем запастись не надо. Поедут в сопровождении воинов хана по проторенному пути, на котором ямы**стоят, где и коней поменять можно, и едой запастись.

А хан и насчёт одежды позаботился, прислал гонцов с козьими шубами мехом наружу сшитыми, штанами из козьего же меха, меховыми шапками, башмаками войлочными. И приставил к ним, помимо толмача Данзана, старшего над сопровождающими воинами Батара.

Данзан – невысокий, кругленький, с маленьким плоским лицом и лоснящимися щеками, но смышлён и толмачит споро. Они уже к нему привыкли. Батар выше воинов своих, вровень с Александром, и лицо у него в шрамах, а взгляд такой, что понимаешь: любой приказ выполнит, не задумываясь. Велено ему князей доставить к верховному хану без всякого ущерба.

Начали в дорогу собираться. А тут Сартак, сын Батя, неожиданно наведалься. Захотел с князьями поговорить.

Сартак ненамного моложе Александра. Знает, что ему после смерти отца править Улус-Джучи, поэтому видит себя не только воином, но и правителем над другими народами. И не гнушается разговорами с послами разных стран, черпая от них знания о тех народах, которых не мог познать. Один из послов и рассказал ему однажды об Иисусе Христе, которому поклонялись и эти русские князья. И ему понравилось, что в нём, в живом человеке, сыне могущественного хана, может существовать божество. Что, в отличие от множества всяческих богов и духов, с которыми общаются шаманы и перед которыми человек бессилён, по этой вере он и есть тот самый бог, воплощённый в человека.

– Это ересь, – взялся за всех разъяснить ханскому сыну свою веру Александр. – Учение Несто-

рия константинопольского отвергнуто истинными христианами.

– А разве неправ этот ваш Несторий?.. – Возразил Сартак. – Вот он, я, перед тобой, Сартак, сын хана Батя, человек. И в то же время бог над моими воинами и над тобой тоже, – зарделся он смуглыми щеками, выдававшими его возраст и волнение, но стараясь говорить весомо, как и подобает богу. – Во мне – единая воля человека и бога. Я – господин над многими, и, если надо, я совершаю деяние. И это одновременно деяние и человека, меня, и Бога. Значит, во мне живет истинный Бог.

– Это неверное суждение. Этим ты оправдываешь любые людские поступки, свои грехи, как человека, выдавая их за божественные. А Бог по своему существу безгрешен. Он не грешит. Он над миром...

– Я тоже над миром, – не смог скрыть нотки горделивости Сартак.

– А я? – спросил Александр. – А мой брат? А толмач или Батар? Мы все тоже боги?

Сартак задумался.

– Нет, – сказал твёрдо он. – Ты подобен мне, в тебе есть божественное, но ты всё равно не Бог. А они – мои воины... Не все могут быть одновременно и Богом, и человеком. Природа человека и божественная отделимы.

– То есть у тебя она есть, и ты надеешься на спасение и отпущение грехов. А остальным, в ком нет божественного, им надеяться не на что?

– А как по-твоему?

– Человек и Бог – единое лицо и единая ипостась. Иисус был Богочеловек, чьи страдания ста-

ли искуплением для всех, для каждого смертного. И Мария не Христородица, как утверждает Несторий, а Богородица, потому что она родила Бога... Поэтому не только ты, каждый человек любого рода, племени создан по образу и подобию Божьему. Но в нём нет Бога. Бог – Сын, Бог – Отец и Святой Дух – единая и непобедимая троица... И каждый человек может искупить свои грехи, приблизиться к Богу.

– Твоя вера для всех, а не для избранных, – помолчав, произнёс Сартак. – Мне моя нравится больше.

– Каждый может верить в своё, – сказал Александр. – Но, думаю, ты придёшь к пониманию истинной веры...

– Возвращаться будешь, поговорим ещё, – сказал Сартак. И, помолчав, добавил. – Хочу понять тебя, князь... И веру твою тоже.

Путь начался на землях, принадлежащих половцам или кипчакам, как они себя называли. Отличные наездники, превосходные стрелки, храбрые воины, они теперь рассеялись по степям, находясь в услужении у Орды или же забираясь в совсем необжитые места, чтобы и не служить, и не платить ясак.*** Русские их били, как в своё время прадед Александра Владимир Мономах, и с ними же заключали военные союзы, как было в сражении на Калке против Орды. Кипчанок брали в жены. В Александре текла половецкая кровь, его бабушка по материнской линии была дочерью половецкого хана. И он с интересом всматривался в лица степняков, расспрашивал толмача, с которым у них сложились дружеские отношения, о

жизни этого некогда такого же всемогущего, как теперь Орда, народа.

Кипчаки были скотоводами и перемещались по безлюдным просторам вместе со стадами коров, коз, коней, овец, верблюдов большими семействами – кошами-аулами во главе с кошевым. При необходимости коши собирались в курень. Но и города были, где жили преимущественно знать и ремесленники.

В особом почтении у кипчаков была богиня Умай. Князьям в этом путешествии уже приходилось видеть каменные женские фигуры, олицетворявшие земное начало этой богини. Их ставили на курганах, под которыми хоронили умерших.

На особом положении у половцев были шаманы, которые предсказывали будущее, врачевали, общались с добрыми и злыми духами. И кипчаки внешне не были похожи на монголов, они преимущественно были светловолосы.

Ехали по половецкой земле недолго, наезженный монголами короткий путь в Каракорум пролегал южнее. К тому же свежих лошадей на ямах было достаточно, да и сами ямы здесь встречались часто. Ямщиками были монголы, а лошадей, пропитание и всё необходимое для себя и путешественников они брали у скотоводов.

Скоро начались пустыни, в которых обитали кангиты, племена кочевников.

Это были безводные места, но уже выпал снег и воду они вытапливали из него. Поселений на пути не встречалось. Ямские станции были на большем расстоянии одна от другой чем прежде, и лошадей часто менять не удавалось. В день проезжали от силы вёрст тридцать. Эти земли казались безжиз-

ненными. Но всё же нет-нет и встречались кочевники. У толмача были скудные сведения о них, знал только, что те занимаются скотоводством и постоянно перемещаются с наступлением тепла к северу, ближе к уральским горам, а зимой – к югу.

По этой безлюдной земле ехали долго. Месяц или даже больше. Но ничего интересного князья не увидели. Зато это позволяло присмотреться к сопровождавшим их монголам, неспешно испытывать у Данзана то, что их интересовало. Прежде всего удивляло, что на таких пространствах монголы сумели организовать сообщение, которое действовало исправно в любое время года, объединяя столицу империи с форпостами на огромной, в этом они теперь убедились, территории. А ещё поражала выносливость сопровождавших их монгольских воинов. И ямщиков, постоянно менявшихся, но поразительно похожих своей неспешной основательностью и неразговорчивостью...

Потом въехали в земли племён огузов, о которых князья ничего не знали. И толмач тоже мало что знал. Тех, кого они встречали были в основном круглолицы и узкоглазы, мало слышаны о том, что лежит на западе, а о русских судили только по послам, проезжавшим здесь ранее. Но хорошо знали земли на востоке и столицу монголов Каракорум.

И всё же здесь было уже не так пустынно, поселения встречались чаще. Передвигались они теперь быстрее, но, тем не менее, до обитания коренного населения, чёрных китаев, добирались ещё месяц. И это был уже совсем неведомый князьям мир, невиданные прежде люди, непонятные традиции и уклад жизни.

Данзан рассказал, что война с китаями идёт давно и ещё есть много земель, которые те занимают и куда рано или поздно всё равно придут монголы. Те же, что уже подчинились Орде, трудолюбивы и послушны, против них не надо держать столько воинов, сколько против Руси и запада...

Отсюда до Каракорума было уже не так далеко. Их многомесячное путешествие подходило к концу. Правда, впереди ещё был обратный путь. Если, конечно, их не ждёт судьба их отца. А что их ждёт, князья теперь даже не могли загадывать, ибо в пути узнали, что Гуюк-хан, к которому они ехали, умер. Их даже какое-то время продержали на одной из ям, когда гонцы принесли приказ остановиться всем там, где этот приказ их застал. И даже подумали было повернуть назад, хотя уже преодолели большую часть пути. Но Батар сумел растолковать местным военачальникам, кого и куда он сопровождает, и взял на себя ответственность за их послушание, пригрозив в случае отказа, сообщить об этом хану Батюю. Авторитет Батюя после смерти верховного хана был непрекращаем и их не стали задерживать.

Они въехали в Каракорум, уже зная, что вместо Гуюк-хана до выбора нового верховного хана правит его вдова Огул-Каймиш со своими сыновьями.

После пустынных мест, которые они проехали, монгольская столица показалась большой и многолюдной. Каракорум, помимо недалёких гор, окружала глиняная стена, в которой было четверо ворот. У каждого ворот – своя торговля: у восточных торгуют пшеном и зерном; у западных

продают баранов и коз; у южных – быков и повозки; коней можно было купить у северных ворот. Между городом и рекой были орошаемые поля, а от реки проложены по городу каналы. На склоне горы над городом возвышалась вырубленная из гранита священная черепаха мордой на запад.

Каракорум был разделён на два квартала: в одном жили преимущественно купцы и находился большой базар; в другом были собраны ремесленники, большинство из которых были китайцами. Над жилищами-шатрами высились христианские храмы и мечети. Были и языческие кумирни. Население было разнородным. Складывалось впечатление, что здесь собрались представители всех поработанных народов и те, кто находил свой интерес или имел своё дело в этих местах из стран совсем далёких, независимых от великого хана. Европейцы служили за щедрое жалованье, передавая свои знания и опыт.

Что порадовало князей, так это значительное число русских. Среди них были купцы, мастеровые люди и те, кто когда-то принял иную веру и остался, взяв в жены кого-то из местных племён. Но особо пообщаться с ними не получилось, Баттар сразу же доложил о прибытии Огул-Каймиш, и та обещала скоро принять их.

Им выделили богатый шатёр. И довольствие положили разнообразней, чем у Батгья. Первые дни после дороги они наслаждались отдыхом и ничегонеделанием. А затем занялись тем, что всевозможными способами пытались выведать, что из себя представляет Огул-Каймиш, и обсуждали, как им себя вести с ней, чтобы получить желаемое и не вызвать ничем гнев.

Узнали довольно мало: что ханша больше занята общением с купцами и шаманами, чем делами, а правят её два сына. Но у них это не очень хорошо получается, на местах их приказы не торопятся выполнять, ожидая выборов нового верховного хана.

Как-то Данзан, который большую часть времени теперь проводил в городе, — у него оказалось немало поручений от хана Батгья и своих собственных дел, — передал им слова управляющего делами ханши Эмира Чинкая о том, что никто теперь не слушает его советов и каждый поступает как хочет, а это во вред Орде, нужно как можно скорее выбирать верховного хана. А ещё от толмача они узнали, что Чинкай расположен к христианству и в его окружении немало христиан. И что он заинтересовался прибывшими князьями и даже расспросил о них довольно подробно.

– Надеюсь, ты представил нас верными союзниками? – спросил Александр.

– Я сказал, что хан Батгый и его сын Сартак верят в крепость договора с вами, — уклончиво отозвался тот, хитро улыбаясь, словно уже знал результат этой важной встречи с ханшей...

Наконец наступил день приёма.

Обставлен визит к ханше был также как и у Батгья. Только с большей пышностью; придворное окружение здесь было ярче и богаче разодето да и украшений сверкало больше.

Огул-Каймиш, уже ознакомленная с мнением Батгья, пристально смотрела на стоящих перед ней русских князей. Статный Александр ей понравился. Она даже непроизвольно взглянула

на сыновей, сравнивая князя с ними. И в этом сравнении они явно уступали и мужской статью, и уверенностью, и независимым взглядом... За старшим князем чувствовалась сила. И она поверила в его победы, о которых ей писал Батый. К тому же шаманы сказали, что за пришедшими русскими видется мощь, которую следует обратить себе в пользу и что старший из них станет верным союзником, если вести себя с ним подобающим образом. И ханша не стала ходить вокруг да около, а спросила напрямую.

– Чем вы заслужите наше доверие? Как докажете свою верность и преданность?

Александр ответил почти сразу же, только переглянулся с братом и она поняла, что пришли князья с уже выношенными предложениями.

– Мы ни с кем из соседей воевать не желаем. А кто приходит к нам с мечом, того бьём рано или поздно. Теперь Орда стала нашим соседом надолго. Может, не все и не всегда понимают это. И виновны в этом и мы, и вы.

Огул-Каймиш подняла руку, останавливая князя.

– Ты забыл, что мы завоевали твою страну, и ты, и твой народ должны повиноваться, как все остальные народы.

– Я это не забыл. И мы склоняем головы перед тобой и ханом Батыем, выполняя наш рядь****. И понимаем, что умножение нашего богатства прямо связано с умножением вашего. Но не за счёт разорения наших городов. Не всегда ваши воины понимают это.

– Воины не должны понимать. Они должны воевать и выигрывать сражения, – назидательно

произнесла ханша. – И ты пришёл сюда не жаловаться. Я жду от тебя предложений, нужных нам.

– Да, мы пришли не жаловаться, – склонил голову Александр, взглянув на стоящего рядом брата. – Мы пришли заверить великого хана в своей верности данному нами слову. И по этому слову наложенный ясак мы будем отдавать сполна. Десятиной всего, и людьми тоже. И помогать в обороне границ совместных от нападений с запада будем. Но и чтобы набегов опустошительных больше не было. И чтобы спокойно было на наших восточных границах. Тогда твоим баскакам***** не придётся силой отнимать наше добро.

Ханша с интересом посмотрела на него. Таких заверений русских князей в беспрекословном подчинении Орде она не помнила. Они всё время старались что-то выгадать для себя, жалуясь на непосильный ясак.

– Но и с вашей стороны должно быть полное доверие и прекращение разорительных набегов, – закончил князь Александр.

– Тогда вы будете служить верой и правдой?

– Даю слово, – склонил голову Александр.

– А не будете, сожжем всё дотла.

И надолго задержала взгляд сначала на одном, потом на другом князе, помня рекомендации Батые и совет Чинкая, который за эти дни многое о князьях узнал. Согласилась с тем и другим: старший пусть будет великим князем, заставит по всей Руси князей ясак платить. Но без своей богатой вотчины. А младшему пусть вотчина будет отцовская, владимирская.

– Вот вам, князья, решение наше. – Она помедлила и громко, так, чтобы слышали все, и при-

дворные и послы, провозгласила: – Тебе, князь Александр, мы даём ярлык великого князя. Отправляйся в Киев и наведи там порядок... А тебе, князь Андрей, ярлык на княжение во Владимире. Таково наше решение и вам повиноваться ему...

И хитро взглянула на Александра, понимая, что сталкивает сейчас между собой двух братьев, но только так и можно было сохранить власть над ними...

Александр хотел возразить, не ожидал он такого разделения, мыслил, что в единых руках оба ярлыка будут, как у отца были, но как возразишь... Поклонился молча и вышел вслед за Андреем, с которым теперь предстояло многое обговорить, прежде чем отправиться в разорённый град первостольный всяя Руси Киев...

Он уже понимал, что многому надо будет у монголов научиться, прежде чем побеждать их. И шёл 1249 год от Рождества Христова.

*Каракорум – столица монгольской империи

**Ям – почтовая станция

*** Ясак – натуральный налог

**** Рядь – договор

***** Баскак – сборщик налогов

Начало советской эпохи¹

Октябрьская революция в корне изменила доминирующий сословный социальный состав российского государства – дворянство, купечество, старая разночинская интеллигенция канули в лету, на смену им пришла новая движущая сила истории: рабоче-крестьянская, солдатская, мещанская. Она-то и стала главным эстетическим и идейным заказчиком русскому театру, в том числе провинциальному, а в частности – Ставропольскому.

1 января 1918 года на Ставрополье была установлена Советская власть. В числе прочих социальных учреждений решением новой власти в это время был открыт Ставропольский театр, первым советским директором которого стал Вульф Исаакович Тункель (1884–1940 годы). Он был опытным администрато-

¹ Продолжение. Начало в №2 2022 г.

ВЛАДИМИР
ЛЫЧАГИН

Краеведение

ром и режиссёром, поработавшим до Ставрополя во многих крупных театральных антрепризах. Позже работал директором театра Красной Армии в Москве. За три года его руководства многое было сделано для того, чтобы театр стал нужен новому зрителю, да и старый театралный зритель еще окончательно не сгинул в неизвестности, по-прежнему ходил на спектакли, ему тоже надо было угодить...

На сцене ставропольского театра в это время идут «Королевский брадобрей» А. Луначарского, «Власть тьмы» Л. Толстого и многие другие пьесы русского и западного репертуара. В Ставрополе 19 апреля 1920 года состоялось собрание союза сценических деятелей, на котором был утвержден его устав и намечены цели развития театралного дела – профессионального и любительского – на Ставрополье. Коллегией губнаробразования в апреле 1920 года за театром «Пассаж» было закреплено название Первого Советского театра им. В. И. Ленина, а за летним театром Пахалова – имя А. В. Луначарского, в котором по традиции продолжали показывать оперные, оперетточные, малороссийские гастрольные спектакли.

«Старенький буржуазный театрик должен уступить место новому солнечному театру масс и для масс, – пишет корреспондент ставропольской газеты «Власть труда» Д. Георгиев. – Зрители делаются актерами, актеры делаются зрителями». Мечта о народно-площадном театре частично была реализована В. Тункелем в третью годовщину Октября, которую отмечали очень торжествен-

но. Праздничные шествия, митинги, концерты прошли в театрах имени Ленина и Луначарского, в 1-м и 2-м Народных домах, железнодорожном клубе и кинотеатре «Солей».

26 августа 1919 года декретом СНК РСФСР за подписью Ленина «Об объединении театралного дела» российский театр был окончательно национализирован, передавался на содержание губерний, городов, становился мощным проводником новой государственной идеологии. Ставропольский театр в это время включает в свой репертуар первые пьесы советских драматургов: «Любовь Яровая» К. Тренева, «Шторм» В. Билль-Белоцерковского, «Огненный мост» Б. Ромашева и других советских авторов. Ставропольская газетная критика отмечает игру актеров Косовского, Морского, Войтановской, Алези-Вольской.

Рецензенты газеты «Власть труда» не особо выбирали выражения в оценке труда актеров: к примеру, на бенефис артиста Белоусова был поставлен известный водевиль «Бедные овечки». Бенефициант, как говорит автор статьи, впал в порнографию, за что его надо бы «недельки на две-три приговорить посидеть в холодной за оскорбление общественной нравственности и чувств зрителей, и тем самым охладить его горячий темперамент». Как видим, современные оскорбления чувств граждан искусством имеют глубокие корни.

Актеры отныне набирались в Ставропольский театр на срочный договор на год, и ежегодно труппа почти полностью менялась. Директор театра

в конце двадцатых годов В. Пименов жаловался в газете: «После зимнего сезона актеры покидают театр, так как кончается срок договора и они были свободны от своих обязательств. А договоры, как правило, заключались на сезон. И директор должен летом ехать в Москву в разгар биржевого съезда, по существу набирать новую труппу». Актерская биржа в Москве существовала до середины девяностых прошлого века, с появлением интернета надобность в ней отпала. Постоянная смена режиссеров и актеров была явлением обычным, вплоть до момента стационарирования трупп в 1936 году.

К этому времени становится обязательным для провинциального театра следование традиции «театра единомышленников» отцов-основателей Московского Художественного театра К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко. Хотя, честно сказать, «о театре единомышленников» и «актёрском ансамбле» как базовых принципах театрального социалистического реализма зачастую знали понаслышке, понимали и приблизительно реализовали так же, потому что мало кто из провинциальных артистов и режиссеров видел спектакли «художественников».

В 1930 году в Ставрополе открываются педагогический и сельскохозяйственный институты, в 1938 году – медицинский. Формируется устойчивая профессорско-преподавательская и студенческая среда, оказывающая влияние на культурный заказ искусства театра.

В 1934 году с образованием Северо-Кавказ-

ского края центр переместился в Пятигорск, а с ним вместе переместилась и труппа театра. Ставрополь на какое-то время остался без своего театра, обходился гастролирующими труппами из разных городов. Но в ноябре этого же года в газете сообщили об организации нового, теперь уже Ворошиловского, городского театра (к этому времени город стал именоваться Ворошиловском). В репертуаре городского театра идут пьесы Сухово-Кобылина, Островского, Корнейчука, Катаева.

В 1934 году в крае организуются три колхозно-совхозных театра: в Георгиевске, Прикумске (Буденновске) и Петровском (Светлограде). Они содержались частично за счет краевого бюджета, частично за счет политотделов МТС и были передвижными, обслуживали села края вплоть до 1954 года. В 30-е годы в Ворошиловске создается ТРАМ (Театр рабочей молодёжи) со злободневным репертуаром: «Чудесный сплав» Киршона, «После бала» Погодина, а также молодёжными агитспектаклями. Театр просуществовал недолго в Народном доме.

Можно с полным основанием сказать, что театральное искусство в двадцатые и тридцатые годы прошлого века было равно востребовано и в городе, и на селе. И эта культурная традиция не прерывалась даже в самые тяжёлые годы засухи и голода, неоднократно случающиеся на юге России (на Ставрополье), когда зрителю, казалось бы, уж совсем было не до театра. Театр играл благотворительные спектакли, все сборы от которых шли в помощь голодающим.

В августе 1937 года, с организацией Орджоникидзевского края с центром в Ворошиловске, в город с КМВ возвращается краевой драматический театр (до этого в него влился Пятигорский драматический театр, руководимый заслуженным артистом РСФСР А. Ивановым), который соединяют с городским театром. В театре в это время работали заслуженный артист РСФСР А. Флоринский, артисты Н. Кондырев, С. Воробьева, Б. Кеворков, В. Смолин, А. Бочков. В Пятигорске же вместо драматического был организован театр оперетты из состава Чечено-Ингушского театра музыкальной комедии, который в Грозном не имел своего помещения.

В эти годы в Ставропольский краевой театр приходят Е. Писарев, З. Каткова, М. Никольский, сразу занявшие в труппе ведущее положение в спектаклях «Порт-Артур» И. Попова и А. Степанова, «Кочубей» А. Первенцева, «Мятеж» Д. Фурманова, «Отелло» Шекспира, «Стакан воды» Скриба. Формируется постоянный состав труппы из актеров разных поколений, в театре работают талантливые режиссеры М. Соколов, К. Церетелев, очень хорошие художники Х. Коске, А. Троицкий. Театр обязательно выезжал летом обслуживать отдыхающих на курортах Кавказских Минеральных Вод, зрителей Георгиевска, сел края. С этого времени он стал реальным субъектом культуры Ставрополя.

Военное лихолетье

Налаженная театральная жизнь в городе Ставрополе конца тридцатых годов прошлого века была прервана началом Великой Отечественной войны.

Трагическая история военного лихолетья коснулась нашего театра-юбиляра напрямую и надолго, как говорится, с биографическими и географическими извращениями. Нелёгкое это было время для всей страны, и для Ставропольского краевого драматического театра, естественно, исключения не было.

Все учреждения культуры Ставропольского края с началом военных действий перешли на особый режим работы, который был подчинен стремлению максимально сохранить накопленные культурные ценности, помочь фронту материально, развлечь спектаклями и концертами солдат и офицеров на передовой и в госпиталях.

Решением Государственного Комитета обороны артисты были включены в список не подлежащих призыву на передовую, так как без артистов фактически все театры страны прекратили бы своё существование. При Всероссийском Театральном обществе в Москве был создан Центр фронтовых театров и театральных концертных бригад, который возглавил ведущий актёр МХАТа имени М. Горького Н. Хмелев. Центр, по согласованию с Главным политуправлением Наркомата обороны, координировал деятельность театров в прифронтовой полосе.

В августе 1942 года Ставропольский краевой драматический театр был на гастролях в Георгиевске, немцы в это время захватили Ростов и быстро двигались на юг, к бакинской и грозненской нефти, южному хлебу и мясу.

Что делать артистам в такой ситуации?

Вспоминает Михаил Никольский, ведущий актёр театра: «Возвращаться в Ставрополь – значит идти навстречу немцам и рисковать очутиться в оккупации. А семьи и часть труппы были в Ставрополе. Через три дня, после звонка в крайком партии, все они были собраны и направлены в Георгиевск, а оттуда, по распоряжению Георгиевского горкома партии, семьдесят восемь человек пошли пешком по направлению к Моздоку...

В ночь на пятое августа, с мешочками за плечами, отправились в неизвестность.

Так начался тяжёлый полуторамесячный путь к месту эвакуации – далёкому югу Красноярского края – городу Минусинску, который нам определил для размещения, по ходатайству краевых властей, Комитет по делам искусств СССР, который оперативно ведал перемещением всех культурных ценностей, и театров в том числе, с предполагаемых мест оккупации фашистами на восток и в Среднюю Азию.

О нашем пешем маршруте мы имели отдалённое представление, карт, конечно же, не было, точного представления о положении дел никто не знал, решили идти параллельно железной дороге, надеясь, что она куда-нибудь да выведет. Но на следующий день пришлось свернуть на проселок – железную дорогу усиленно бомбили.

До Баку шли пешком вместе с ранеными товарищами, попавшими под бомбёжку ещё до прибытия в Георгиевск. В бомбёжке погибли художник А. В. Троицкий и режиссёр М. Б. Матлина с малолетней дочкой.

В Баку, погрузившись на палубу танкера, отправились по Каспию в Красноводск, а оттуда отдельным вагоном (который мы разыскали где-то в тупике и подтащили своими силами к формировавшемуся составу) далее ехали бесконечно медленно, грязные и оборванные, через Ташкент, Семипалатинск до Абакана. Затем попутными машинами, с переправой через Енисей и Протоку, до Минусинска, с которым в то время железнодорожного сообщения не было.

Наконец, во второй половине сентября 1942 года, – продолжает Михаил Михайлович, – добрались до Минусинска. Приняли нас радушно, но особых условий не обещали».

В Минусинске (население – около семидесяти тысяч) был свой драматический театр ещё с дореволюционной историей, к тому же сюда, кроме Ставропольского краевого драматического театра, были эвакуированы Ворошиловградский (ныне Луганский) и Орджоникидзевский (ныне Владикавказский) театры.

Ставропольский театр разместили вместе с Минусинским на его удобной базе, другие два театра – по клубам в городе.

Труппа Ставропольского краевого драматического театра сохранилась почти полностью. Сдерживающим от разбегания актёров фактором был социальный распределитель – карточки на про-

дукты питания и одежду, которые люди, не работающие и не прикрепленные к определенной организации, иметь не могли. Карточки отоваривали, кто как мог, они давали хоть какую-то уверенность в завтрашнем дне.

Приезд в Минусинск не освобождал коллектив от новых задач: надо было создавать театр практически на пустом месте, готовить к выпуску спектакли без запаса декораций, костюмов, реквизита.

Сколько же надо было иметь мужества, дисциплины, ответственности, чтобы выстоять, не пасть духом, чтобы сохранить общее дело, с честью выйти из тяжёлых испытаний...

И – выстояли!

Помогали, чем могли, городские власти, делился накопленным театральным скарбом Минусинский театр, с которым работали поочередно на его сцене. Спектакли стали принимать профессиональный вид, маленький зрительный зал театра на 300 мест был ежедневно заполнен, так как других развлечений в военную пору в городе фактически не было.

Ставилась классика и современные пьесы. На специальных понедельниках (традиционный театральный выходной день) давали концерты, устраивали лотереи: коллектив собирал средства в фонд обороны страны, в помощь ленинградцам. Через полмесяца после прибытия перечислили в фонд обороны пятьдесят тысяч рублей. Затем собирали средства на строительство танковой колонны «Красноярский рабочий» и эскадрильи «Советский артист».

Оккупация фашистами Ставрополя была недолгой, и в конце сентября 1943 года Ставропольский краевой драматический театр стали готовить к возвращению домой, опять же непростым и непрямым путём, с усложненным документальным оформлением. Все эти хлопоты заняли около восьми месяцев.

Пока Ставропольский краевой драматический театр медленно возвращался окольными путями домой, в Ставрополе после освобождения от оккупантов был учреждён городской драматический театр под руководством режиссёра Е. П. Сперанской. Театр работал в Доме Красной Армии (ныне Дом офицеров), так как основное здание театра в «Пассаже» было взорвано немцами при отступлении. Городской театр проработал семь месяцев, и после возвращения краевого драматического театра домой 22 августа 1944 года его перевели в Черкесск, который был тогда в составе Ставропольского края.

Возвратившемуся краевому драматическому театру на время восстановления военнопленными здания театра «Пассаж» было определено временное пребывание в городе Кисловодске, в Народном доме, где он обслуживал раненых из госпиталей Кавминвод.

Театру было предложено организовать две фронтовые бригады по обслуживанию частей 1-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов. Две бригады – два спектакля: «Последняя жертва» А. Н. Островского и «Лекарь поневоле» Ж. Б. Мольера. Подготовили также концертные программы на тот случай, если сложно будет показы-

вать спектакли. А таких обстоятельств в условиях прифронтовой полосы было много. В состав бригад вошли М. Никольский, Б. Кеворков, Е. Писарев, Б. Ратов, В. Фоменко и другие.

Как вспоминает бригадир Борис Кеворков: «Сойдя с пассажирского поезда в Идрице, мы добирались до предписанной части в санитарных и военных эшелонах, на грузовиках и джипах, попутно давая концерты для военно-заградительного батальона, артиллеристов и сапёров. Утром в большом сарае построили целый театр: к полу прибили стояки, раздвижные остовы для декораций, закрепили сукна, повесили картины – и сцена готова. Автомобильные фары и две маленькие лампочки служили нам освещением.

Играет духовой оркестр – вручают ордена и медали отличившимся в боях бойцам и офицерам. Я тоже выступил с приветственным словом. Мы посвящаем наш спектакль награждённым.

Мы напрасно волновались, будут ли на фронте смотреть Островского: на деле, каждое слово чутко воспринималось зрителем. Ещё долго после спектакля мы слышим слова зрительской благодарности».

В течение месяца только одна фронтовая бригада дала 24 концерта и 14 спектаклей. На два спектакля меньше, но зато на четыре концерта больше, дала вторая фронтовая бригада под руководством М. Никольского. Итого 78 спектаклей и концертов...

Многие актёры, сотрудники нашего театра в эти годы были награждены медалями «За оборо-

ну Кавказа» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Творческий вклад театра-юбиляра в общую Победу не был исключительным: по имеющейся современной статистике, в годы войны в действующей армии выступали 3685 фронтовых театральных бригад и фронтовых передвижных театров, в работе которых приняли участие более сорока двух тысяч работников искусств. Более трёх тысяч театральных работников награждены орденами и медалями Советского Союза, в том числе и ставропольские артисты.

К марту 1944 года разрушенный театр был восстановлен, возвращение в родной город было трогательным и волнующим. Газеты посвятили окончанию ремонтных работ в трудных условиях военного времени много публикаций. Для расселения семей театральных работников выделили благоустроенное общежитие на улице Горького, которое было расположено рядом с театром.

Театр начал готовиться к своему 100-летию в 1945 году классической комедией «Горе от ума» А. Грибоедова, которая исполнялась в первый год его существования.

Юбилей театра прошел в декабре 1945 года очень торжественно, было много гостей, несмотря на трудное послевоенное время, много приветственных телеграмм от ведущих театральных деятелей СССР.

Военные мытарства нашего театра на этом закончились, началась не менее трудная и интересная послевоенная история.

А не еврей ли вы?

Послевоенные годы (с середины сороковых и пятидесятые) в истории Ставропольского краевого драматического театра отмечены значительными трудностями. Это были годы засухи и голода на Ставрополье и юге России (1947–1948), что не могло не отразиться на творческой жизни театра и на быте его работников. С ними зачастую рассчитывались «добровольными» облигациями очередного Государственного внутреннего займа, на которые невозможно было купить дорожавшие продукты питания и одежду.

Зрителям за посещение спектаклей тоже было нечем платить. В эти годы зарождается солидарная система оплаты организованного просмотра спектаклей театров из средств профсоюзных организаций предприятий, учреждений, вузов города и края. Эта система, надо отметить, себя долго оправдывала, и была поддержкой театров вплоть до перестроечных времен. Нынче она почти исчезла, театры, что называется, «работают на кассу», за счёт добровольно пришедшего на спектакль зрителя.

В послевоенные годы советский театр окончательно становится важным идеологическим звеном государственной политики, со всеми вытекающими отсюда последствиями надзора и контроля за его деятельностью. В постановлении ЦК ВКП (б) 1946 года «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» от театров требовалось создание полноценных в идей-

ном и художественном отношении произведений, контроль над этим идейным творческим процессом возлагался на соответствующие партийные и советские органы на местах и средства массовой информации, им подчинённые. В Ставрополе, наряду с краевым драматическим театром, с 1943 года успешно продолжал свою деятельность в Народном доме театр музыкальной комедии. В 1948 года существование двух театров в Ставрополе было признано краевой властью нецелесообразным, и Ставропольский театр музыкальной комедии перевели в Пятигорск, объединив пятигорский и ставропольский в один.

С 1945 по 1947 годы главным режиссёром Ставропольского краевого драматического театра был тогда ещё молодой Ф. Шишигин, ставший впоследствии известным провинциальным режиссёром, успешно возглавлявшим много десятилетий старейший в России – Ярославский драматический театр имени Ф. Волкова. За годы работы в Ставропольском театре им были успешно поставлены «Дуэнья» Р. Шеридана, «Старик» М. Горького, «Горячее сердце» А. Островского, «Русский вопрос» К. Симонова и другие. Б. Великанов, пришедший главным режиссёром на смену Шишину, долго в нём не задержался. Очередными режиссёрами пришли А. Шумилин и Г. Сумкин, много лет прослужившие на ставропольской сцене и поставившие не один десяток спектаклей.

Театр в эти годы возглавили опытные организаторы – директор С. Мошинский, восемь лет руководивший коллективом, и главный режиссёр

Г. Гуревич, отметивший свой дебют постановкой «Молодой гвардии» А. Фадеева и «Хлеба нашего насущного» Н. Вирты. Оба руководителя направляли театр в необходимом тогда художественном и идеологическом направлении. Но тут, на горе наших руководителей-евреев, в конце 1948 года в газете «Правда» появляется на целую полосу знаменитая передовая статья «О безродных космополитах», вскоре в этой же газете ещё одна передовица – «Об одной антипатриотической группе театральных критиков». Газета «Ставропольская правда» в начале 1949 года не замедлила на них откликнуться своей передовицей – «На поводу у безродных космополитов». В своей публикации газета вменила театру вину за плохо поставленные пьесы А. Сурова, А. Софронова, Б. Чирскова. По мнению газеты, пьесы, ставящие насущные проблемы современности, подверглись наглому надругательству постановщиков – безродных космополитов.

Нашёлся «безродный космополит», московский критик, приглашённый в театр краевым управлением культуры и якобы своей оценкой послуживший «причиной пренебрежительного отношения к ведущим советским пьесам», которое проявили руководители театра – главный режиссёр Г. Гуревич и директор С. Мошинский. «Именно они, – писала газета, – протаскивали пьесы, имеющие низкий идейно-теоретический уровень». В доказательство приводились весёлые комедии «Вас вызывает Таймыр» К. Исаева и А. Галича, «О друзьях-товарищах» В. Масса и

М. Червинского, имевших тогда хороший кассовый сбор.

По свидетельству очевидцев, насмерть перепуганные реально светившей им «дальней дорогой и казённым домом в Биробиджане» С. Мошинский и Г. Гуревич снимали из афиши все спектакли с подозрительными фамилиями авторов, русских и зарубежных классиков. В сезоне 1949 года осталось только одиннадцать пьес сплошь советских драматургов: А. Барянова, А. Софронова, А. Сурова, С. Михалкова, А. Корнейчука и других. Из классики – лишь «Без вины виноватые» А. Островского, которого было трудно заподозрить в «безродном космополитизме».

Их страхи были не безосновательными. В недавно опубликованной книге «Сумерки культуры» известного культуролога Е. Добренко публикуются исследовательские данные о том, что итогом этих передовиц в газете «Правда» явилась невинная гибель великих московских еврейских актеров Михоэлса и Зускина, а 491 театральный деятель-еврей со всех театров страны получил немалые тюремные сроки или был отправлен в ссылку. Слава Богу, наших ставропольских руководителей театра эта печальная участь не коснулась, все обошлось покаяниями на партийном собрании и оргвыводами, Г. Гуревич был вынужден уехать из города, С. Мошинский успешно работал в театре до своей кончины в 1955 году.

В современных пьесах того времени наступила пора борьбы «хорошего с лучшим», эпоха «бесконфликтности». Яркими образцами этого

периода являются спектакль «Кавалер Золотой звезды» С. Бабаевского, имевший в нашем театре шумный и долгий успех у зрителя, и «Первые радости» К. Федина. В обоих спектаклях впервые по-серьёзному проявил себя в главных ролях (Тутаринова и Извекова) артист Б. Данильченко, перешедший из театра музыкальной комедии. После этих сыгранных ролей Данильченко стал навсегда ведущим актером Ставропольского театра. Рецензенты отмечали в этих спектаклях также удачные работы М. Никольского, З. Катковой, А. Томас, И. Шахманского.

В 50-е годы Ставропольский краевой драматический театр пережил разные качественные этапы своей творческой жизни, впрочем, как и весь советский театр: залечивались тяжелые раны войны, был развенчан культ личности Сталина.

На Ставрополье в 1954 году начали строить крупнейший в стране Невинномысский азотно-туковый завод, в 1957 году – первую очередь Большого Ставропольского канала, снабжавшего водой засушливый край. Фронтное поколение, прошедшее лихолетье войны, жаждало перемен, лучшей жизни. В городе было три высших учебных заведения: педагогический, сельскохозяйственный и медицинский институты, с большими студенческими и профессорско-преподавательскими составами, которые формировали свои культурные запросы театру, работало музыкальное училище, техникумы.

В афише театра появляются новые имена: В. Розов, А. Володин, А. Арбузов, А. Макаенок,

ставятся спектакли по произведениям ставропольских авторов В. Туренской, П. Мелибеева (спектакли по их пьесам «Своя линия» и «На перекрестке дорог» были показаны Ставропольским драматическим театром на сцене Кремлёвского театра в Москве). Пробиваются в афише ростки современной зарубежной драматургии Г. Фаста, Т. Драйзера.

С 1953 по 1958 годы театр возглавляет один из крупнейших режиссёров тогдашней провинции Г. Георгиевский, который пополнил коллектив новыми творческими силами актёров, художников. В театре в это время продолжали работать М. Никольский, Е. Писарев, В. Фоменко, З. Каткова, А. Бочков, пришли новые актёры – М. Кузнецов, А. Бокова, Б. Данильченко, Б. Дымченко, З. Котельникова, А. Зубарева, Т. Беспрозованная, Л. Барташева, К. Македонский и многие другие.

Главный режиссёр Г. Георгиевский позаботился и о пополнении труппы молодёжью. Эту важную проблему Ставропольский краевой драматический театр решал через регулярный набор государственных студий при театре, которые были узаконены Министерством культуры РСФСР во многих ведущих провинциальных театрах страны. В студиях давали за четыре года обучения среднее специальное профессиональное актерское образование по программе театральных училищ.

В довоенные и послевоенные годы театр набрал и выпустил три полноценные Государственные студии, из которых вышли замечательные

актеры А. Бочков, А. Томас, В. Аллахвердов, А. Данильченко и многие другие. Четвёртая Государственная студия была переведена в краевое культурно-просветучилище, выпускники которой получили уже квалификацию режиссёров любительских театральных коллективов. Эту плодотворную традицию пополнения труппы местной актёрской молодежью театр-юбиляр продолжает и в наши дни, но уже за счет вузовской специальной подготовки.

Заметный след в творческой истории театра оставили в конце сороковых и в пятидесятые годы театральные художники К. Цыгвенцев, В. Попова, А. Свищев, И. Лепаловский и И. Лепаловская. Рядом с ними десятки лет работали их высокопрофессиональные помощники: заведующие буфеторским цехом В. Третьяков и Г. Козлов, декоративным цехом – П. Синчинов, позже В. Санжарова, осветительным – Н. Ревуцкий и А. Алехин.

Уникальной фигурой в театре был суфлёр А. Агамов, сидевший ежедневно более пятидесяти лет на репетициях и спектаклях в суфлёрской будке и подсказывающий текст забывчивым актерам. С его смертью эта специальность в театре исчезла навсегда, теперь от актёра требуется прочное знание текста роли уже на репетиции.

Необходимо отметить, что в истории театра-юбиляра важное место занимала театральная критика, которая постепенно складывалась, благодаря открытию в 1930 году в Ставрополе педагогического института, из числа его преподавателей-филологов, профессоров и доцентов. В круг

постоянных газетных рецензентов спектаклей Ставропольского краевого драматического театра и летних театров-гастролёров входят: А. Попов, Т. Батурина, В. Тамахин, З. Поздняева, К. Черный. По их статьям можно фрагментарно составить газетную летопись спектаклей за несколько десятилетий.

Жизнью театра постоянно интересовались ставропольские писатели В. Туренская, П. Мелибеев, А. Губин, В. Гнеушев, они публиковали в газетах обстоятельные статьи-впечатления о просмотренных спектаклях. Чего не скажешь, к сожалению, о современных писателях шести творческих организаций, редких гостях на премьерах театра-юбиляра.

Газетные журналисты, интересующиеся театром, тоже оставили заметный след в его истории описанием и оценкой спектаклей, творческих портретов ведущих артистов: среди них следует вспомнить С. Страхова, М. Саенко, А. Маяцкого, В. Кудинова, О. Даусона, И. Пирогову, Т. Воинову и других. Сегодня театральные обозреватели Т. Дружинина, Н. Быкова, О. Метёлкина успешно продолжают эту традицию, без которой театральная жизнь в крае была бы «безгласной», неизвестной для будущих поколений исследователей истории театра-юбиляра.

«Хрущёвская оттепель»

Начало шестидесятых годов прошлого века в истории нашей страны связано с довольно не-

определенным понятием «хрущёвской оттепели», в которое вкладывается разный политический, социальный, культурный смысл: некое послабление административно-командной системы государственного устройства во всех областях жизни страны. В столицах, может быть, это ощущалось более, в провинции же – менее, здесь жизнь шла по своей накатанной дорожке, без особых «командных заскоков», но и без особых «послаблений». Как говорится: «Москва далеко, а своё начальство близко».

Театр возглавлял тогда главный режиссер В. Иванов, опытный руководитель, поработавший во многих театрах городов России. Он тонко чувствовал изменение политической и творческой атмосферы в стране и включил в афишу театра пьесы модных тогда В. Розова, А. Арбузова, А. Салынского, а также классику А. Чехова, В. Гюго и других.

Два сезона не сходила со сцены «Барабанщица» А. Салынского, выдержав 157 представлений (цифра по тем временам значительная!). Поставил спектакль режиссёр Г. Сумкин, главную роль очень ярко и темпераментно играла А. Бокова. Этот же режиссер представил ставропольской публике «Иркутскую историю» с Б. Данильченко, Т. Бепрозванной и М. Кузнецовым в главных ролях. Спектакль тоже получил широкий отклик ставропольского зрителя. Вроде бы, театр после борьбы «хорошего с лучшим» был в русле основных исканий нового героя, новых конфликтных драматических коллизий...

Но в целом афиша мало устраивала зрителей, большинство спектаклей шли 10-15 раз и снимались из репертуара. В труппе началось брожение с подключением краевой и столичной критики, подвергшей ожесточённому разгрому «Барабанщицу» и «Иркутскую историю», наиболее успешные и посещаемые зрителем спектакли.

Итогом внешних и внутренних баталий явился уход из театра режиссёра Г. Сумкина и актрисы А. Боковой, которая вновь вернётся в театр только через десять лет. Следом ушел В. Иванов, на смену которому приходит главным режиссёром М. Толчинский, проработавший два сезона и оставивший память о себе хорошим спектаклем «Двое на качелях» (У. Гибсона) с М. Поляковой и Б. Дымченко.

Театр же готовился переехать в новое здание на площади Ленина с уже новым главным режиссёром Р. Рахлиным. Он сразу взял в работу монументальные спектакли «Поднятая целина» М. Шолохова и «Шестое июля» М. Шатрова, чем утвердил героико-романтическую линию репертуара. Последующими спектаклями – «Камешки на ладонях» А. Салынского, «Пресс-атташе в Токио» М. Маклярского и К. Раппопорта и другими – эта линия была продолжена. В афише театра появляется грузинский автор Н. Думбадзе с его весёлой пьесой «Я, бабушка, Илико и Илларион», поставленный и оформленный грузинскими режиссёром В. Рухиладзе и художником Т. Гоглоевым, в котором прекрасно сыграли роли М. Кузнецов, Б. Данильченко, В. Аллахвердов.

В 1964 году театру присваивается имя М. Ю. Лермонтова, с именем которого многое связано в истории Ставрополя.

Нужно отметить уникальную сквозную репертурную линию театра-юбиляра: начиная с 1939 года вплоть до 1980, в нём ставились все пьесы с образом Ленина. Сейчас мало кто помнит, что постановка спектаклей с образом Ленина была обставлена особо строгим контролем надзирающих органов: в первую очередь нужен был актёр, который бы соответствовал определенным идеологическим и моральным канонам.

Право играть эту роль на сцене утверждалось у местного и московского начальства. И такого признанного актёра Ставропольский краевой драматический театр в своей труппе имел давно – М. Кузнецов, народный артист СССР, сыгравший, помимо театра, Ленина также в известном фильме Л. Кулиджанова «Синяя тетрадь». Спектакль по документальной пьесе М. Шатрова «Шестое июля» в постановке Р. Рахлина с М. Кузнецовым в роли Ленина явился новым поворотом этой сложной темы, без привычной шаржированной картавости речи, пластики рук, поворотов головы. Будучи прикован к роли Ленина всю жизнь, М. Кузнецов не был членом КПСС, и на все предложения вступить отвечал отказом – это обстоятельство удивляло его современников. (О М. Кузнецове, впрочем, как и некоторых других актёрах, внесших значительный вклад в историю театра, рассказывается дальше здесь в блиц-портретах).

С середины 60-х годов с приходом в Ставро-

польский краевой драматический театр талантливого директора М. Новикова и главного режиссёра С. Рейнгольда принципиально важным было включение в репертуар пьес о молодёжи и для молодёжи, так как студенчество стало занимать солидную часть зрителей в зале театра. Помимо существующих трёх вузов, готовился к открытию четвёртый – политехнический, уже действовали два высших военных училища, увеличилось количество техникумов и ПТУ, общеобразовательных школ. В 1965 году в городе вновь открылся краевой театр кукол, выделенный из состава филармонии.

В репертуар включались пьесы М. Шатрова, Э. Радзинского, В. Коростылева, Л. Зорина и других. В театр были приглашены интересные актёры – Н. Семенов, В. Быстряков, М. Яковенко; молодые – В. Рабовская, Н. Антюхова, В. Кутузов, Ю. Кутузова, Л. Рыбников, В. Исаев, Э. Исаева и другие; очередные режиссёры – В. Регурецкий, Л. Титов.

Ставятся масштабные классические спектакли по драматургии В. Шекспира, Лопе де Вега, И. Гончарова, А. Островского. К присвоению театру имени М. Ю. Лермонтова приурочен выпуск пьесы «Маскарад» в постановке А. Шумилина, оформлении И. Лепаловского с артистом Н. Семеновым в роли Арбенина. В Москве в это же время роль Арбенина играли Н. Мордвинов и М. Царёв, который, кстати сказать, приезжал играть эту роль в пяти спектаклях Ставропольского театра. Он был уже далеко не молод, поэтому мнения заядлых театралов разделились, многие

из них предпочитали игру более молодого ставропольского героя-неврастеника Н. Семёнова.

В эти годы театр не замкнут только собственной сценой, много гастролирует по стране, активно показывает спектакли сельским жителям края. К примеру, по отчёту театра в 1970 году было дано для сельских зрителей 118 спектаклей, посмотрела их сорок одна тысяча зрителей.

И так ежегодно.

Поэтому, учитывая все прошлые и настоящие заслуги, в 1970 году, в связи с 125-й годовщиной со дня основания, Ставропольский краевой драматический театр был награждён орденом «Знак Почёта». В театре добавилось число народных и заслуженных артистов РСФСР, городские власти регулярно выделяли для приглашенных режиссёров и актёров благоустроенное жильё, краевые власти выделяли средства на постановки спектаклей, на ремонт театра, приобретение необходимого грузового и пассажирского автотранспорта.

Премьеры театра часто посещали первый секретарь крайкома КПСС М. С. Горбачёв и его знаменитая супруга Р.М. Горбачёва. Они были заядлыми театрами, хорошо знали актёров, часто неформально после спектаклей с ними общались.

С приходом в театр в 1971 году главным режиссёром А. Малышева, очередными режиссёрами М. Морейдо, В. Ткача, в труппу были приглашены выпускники столичных театральных вузов: Л. Ковалец, М. Лебедева, В. Гурьев, В. Поморцев, А. Михайличенко, Г. Веретельникова, А. Афанасьев, Е. Луганский, Л. Бойко, Е. Попенко, М.

Мальченко, В. Лычагин и другие. Вернулся в родной театр из Краснодара А. Данильченко. Труппа качественно омолодилась. В театр пришли художники М. Гафт, Л. Чёрный, талантливый заведующий музыкальной частью В. Серегин, обновились работники технических цехов, без которых немислим ежедневный показ спектаклей, среди них – В. Закота, Т. Винникова, А. Шмерего, Л. Боляк, И. Свибильская.

Поменялась внешняя стилистика спектаклей, театр пережил увлечение «суровым стилем», когда сцена минимально декорировалась, всё на ней отдавалось на откуп актёру. Театр пробовал себя в мюзикле – жанре, в то время ещё мало освоенном в провинциальном театре.

В его афише появляются монументальные и добротные спектакли: «В списках не значился» Б. Васильева, «Солдатская вдова» Н. Анпилова, «Протокол одного заседания» и «Мы, нижеподписавшиеся» А. Гельмана, «Трибунал» и «Святая простота» А. Макаенка, «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты» П. Неруды. Постановки ставропольского театра получили высокую оценку не только ставропольской, но и столичной критики – в газетах и журналах, вплоть до газеты «Правда», что для любого театра в то время было верхом респектабельности. Режиссёры и актёры награждались премиями и дипломами лауреатов различных Всесоюзных конкурсов, которыми доселе не были избалованы. Для оформления спектаклей в театр приглашаются ведущие российские театральные художники того времени Т. Сельвин-

ская, Р. Юношева, Ю. Кононенко, Э. Штейнберг.

В течение нескольких лет со сцены театра не сходил спектакль-хит «Любовь, джаз и черт» литовского драматурга Ю. Грушаса, в постановке М. Морейдо, который по-своему «символизировал» пьесу, введя в спектакль новых действующих лиц – «санитаров», появляющихся по сигналу в «болевых точках» драматического сюжета. В спектакле был целый букет удачных работ главных исполнителей: А. Михайличенко, Г. Веретельниковой, Л. Ковалец, М. Лебедева, М. Яковенко.

Театр в эти годы активно сотрудничает со ставропольскими авторами. Выпускаются спектакли по произведениям Е. Карпова «Не родись счастливым», В. Дятлова «Чистая сила» и «Неудобный человек». Спектакль «Глеб и Мария» по роману А. Губина «Молоко волчицы» с удачным исполнением главных ролей А. Михайличенко, Г. Веретельниковой. М. Яковенко долго не сходил со сцены театра.

С приходом в театр к концу 70-х годов очередных режиссёров М. Лурье и К. Мексина с группой молодых актёров – Г. Вершининым, Я. Эвертом, Н. Барад, А. Дуровым, Е. Фалевичем, Н. Парасичем, Т. Куриловой оживляется молодёжная тема в репертуаре театра. Она становится главной в спектаклях «Остановите Малахова» В. Аграновского, «Ромео и Джульетта» В. Шекспира, «Гнездо глухаря» В. Розова и многих других.

Стараниями директора М. Новикова в фойе театра была открыта сцена для самых маленьких зрителей, учреждены «школьные вторники» и

«студенческие четверги», при Ставропольском отделении ВТО создаётся литературный театр «Собеседник» с обширным репертуаром по русской и советской поэзии и прозе. Ставропольский краевой драматический театр пытался найти общий язык с молодёжью, понять волнующие её в спектаклях темы накануне бурных перестроечных лет, о которых речь пойдёт в следующей главе.

Театр эпохи перестройки

Восьмидесятые годы прошлого века – особые в истории России. После смерти подряд нескольких генсеков партии, тяжёлых кризисных явлений в экономике и начавшегося брожения в обществе появление в партийном руководстве страны выходца со Ставрополя – молодого (для генсеков) М. Горбачёва породило вначале в обществе романтические перестроечные настроения и ожидания. Окончательно они оформились к 1986 году, после двадцать седьмого съезда партии, на фоне уже непрекращающихся кровавых конфликтов на Кавказе, в Средней Азии и Прибалтике. Эти перестроечные настроения коснулись и российских театров, отразились и на истории Ставропольского театра-юбиляра, постепенно освобождающегося от строгой надзорной опеки местной власти, ищущего свой путь «в театральный капитализм».

В эти годы в афише театра появляются В. Астафьев, В. Мережко, А. Дударев, В. Дозорцев, Ж. Кокто, Ф. Саган, Т. Уильямс. Смысл основного конфликта этого десятилетия выразил спектакль

театра по пьесе В. Черных и М. Захарова «Проводим эксперимент». В нём главные персонажи спектакля методом проб и ошибок, в вечных спорах: кто виноват и что делать – двигаются вместе со страной в туманное капиталистическое будущее.

Труппа театра в это время пополнилась хорошими актёрами: М. Михайловым, А. Запорожец, Н. Зубковой, М. Новаковым, Э. Мурашевым, А. Слюсаренко, Б. Щербаковым, Л. Дубовой, Г. Лукиной. За ними пришли в театр молодые А. Ростов, С. Колганова, Л. Дюженова, В. Сажин, – позже В. Ананьин, В. Савинов, сразу основательно занятые в главных ролях пестрого репертуара.

Поставленный в канун тридцатилетия Великой Победы режиссёром В. Черняевым спектакль по пьесе М. Роцина «Эшелон» о судьбах русских женщин в военное лихолетье стал ярким событием в культурной жизни края.

В театр приглашен очередной режиссёр В. Бирюков, работающий в нём до сего дня и поставивший не один десяток спектаклей. Два из них – «Сестра моя – Русалочка» Г. Андерсена и «Проделки Ханумы» А. Цагарели стали брендом режиссёра и театра и остаются в репертуаре уже несколько десятилетий. Сменилось не одно поколение занятых в них актёров, а эти спектакли по-прежнему востребованы и любимы зрителями.

Призрачные персонажи пьес эпохи «красных пиджаков» так или иначе промелькнули в восьмидесятые на сцене театра и канули в лету. Запомнились же «Порог» В. Дударева в постановке

Р. Рахлина с Э. Мурашевым и М. Кузнецовым в главных ролях, «Тартюф» Ж-Б. Мольера в постановке В. Черняева с А. Слюсаренко в роли Тартюфа, «Дама с камелиями» с Н. Зубковой и «Фаворит» В. Пикуля в постановке А. Малышева с М. Михайловым, «Собачье сердце» М. Булгакова в постановке Б. Соловьева с Шариковым в неожиданно драматическом исполнении А. Ростова и многие другие.

Уходит из театра главный режиссёр А. Малышев, в театр возвращается Р. Рахлин, впрочем, долго не задержавшийся, следом за ним уходит и.о. главного О. Пермяков, успешно поставивший «Кабанчика» В. Розова и «Я стою у ресторана» Э. Радзинского. «Я стою у ресторана» – один из самых популярных спектаклей того времени с М. Михайловым и Н. Зубковой, с ним впервые в своей истории театр выезжал на зарубежные гастроли в Польшу, Францию и США.

Круговерть и смена поколений в обществе коснулась и театра: уходят на покой знаменитые старики М. Кузнецов, Б. Данильченко, В. Фоменко, Б. Дымченко, Т. Беспрозованная, А. Томас, З. Котельникова, Л. Барташева. За шесть лет с середины 80-х годов в театре сменилось 13 режиссёров. Уходит из театра директор М. Новиков, проработавший в нем двадцать лет, открывший следом новое культурное дело, знаменитый тогда Ставропольский фонд культуры. В театр возвращается из Костромы директором Е. Луганский, с небольшим перерывом возглавляющий театр до середины 2020 года.

В это десятилетие многое менялось в театре-юбиляре, даже интонационный и речевой строй спектаклей, попавшие под влияние окружающей словесной стихии. Ненормативная лексика в провинциальном театре, в отличие от столичных, не прижилась на сцене, но уходит в историю образцы эталонной старомосковской речи, которой владели старики-актёры. На сцену приходят уличные и рекламные интонации, так как актёры уже начинали подрабатывать в рекламном бизнесе, диалектное произношение, дикционная невнятица. Это был, естественно, не злой умысел театра, а часть узнавания и признания зрителем на сцене речевой «правды жизни» своего бурного времени.

В конце восьмидесятых годов в театр вернулся главным режиссёром А. Малышев, который, продолжая прежнюю традицию подготовки актёров в самом театре, набирает для него очень удачный по составу актёрский курс в Ставропольском краевом колледже искусств. После выпуска в 1994 году этот курс почти полностью влился в труппу театра, а затем продолжил учебу на актёрском отделении факультета искусств в Ставропольском государственном университете. В театр пришли А. Жуков, И. Баранникова, И. Калинин, А. Симанкин, из Воронежа приехал И. Барташ, из Саратова – Л. Складорова.

Театр выезжает в 1989 году с гастролями в Москву, которые прошли успешно. В 1995 году театр-юбиляр становится академическим, к 150-летию со дня основания проводится крупный северокавказский фестиваль «Русская классика»

с участием московских театров. Практика проведения фестивалей прижилась, они проходят до нынешнего дня. Невзирая на экономические сложности того времени, свое 150-летие театр отметил очень шумно, с участием Михаила Ульянова, тогдашнего Председателя Союза театральных деятелей РФ, с присутствием ведущих актёров, прежде работавших в театре. Главный режиссёр А. Малышев был награжден орденом, директор Е. Луганский, артисты получили различные почётные звания.

На сцене появляются монументальная «Медея» Еврипида в постановке греческого режиссёра М. Василиу с Н. Зубковой в главной роли, «Коварство и любовь» Ф. Шиллера в постановке немецкого режиссёра К. Рёмера, с успешным исполнением ролей И. Барташом, В. Кутузовым, В. Аллахвердовым, А. Ростовым. К концу 90-х «Осенние скрипки» И. Сургучева в постановке А. Малышева с Н. Зубковой в главной роли, «Укрощение строптивой» В. Шекспира в постановке В. Бирюкова, с В. Савиновым и И. Баранниковой в главных ролях.

Ставится много зарубежных, в том числе французских комедий, театр пытается угадать рыночный спрос, лавируя на заказе разных социальных групп зрительного зала, по хитрым законам арт-рынка. В театре прижилась абонементная система для школьников, которую наполняли необходимым по школьной программе репертуаром.

В это время пышным цветом расцветает гастрольная столичная театральная антреприза,

с наспех «сколоченными» с участием театральных и кинозвёзд спектаклями, которые зритель с удовольствием смотрит. Зрительный зал театра стал заполняться через билеты, проданные и купленные в кассе театра, средняя заполняемость зрительного зала становится ежедневно свыше семидесяти процентов, то есть театр стал иметь устойчивый зрительский спрос в городе. Время от времени появлялись критические полемические статьи зрителей, несогласных с афишей театра, что, впрочем, естественно при монополии одного театра в городе.

Необычной и, я бы сказал, жёсткой была в те годы газетная полемика театра-юбиляра с постоянным театральным критиком З. М. Поздняевой о современном репертуаре, судьбах театра и актёров. Примерно в это же время выходит в свет изданная за счёт средств города книга Г. Пухальской «Театр. Время перемен. XX век». Книга с серией театральных портретов покойных и ныне здравствующих актёров написана «рукой не беспристрастной» и, как оговаривается автор в предисловии, «под воздействием нежной памяти сердца». Накануне миллениума о театре много пишут в российской и ставропольской прессе.

К началу 2000-х годов театральная жизнь на Ставрополье была на редкость интересной. В Ставрополе появились: театр-студия «Слово» под руководством В. Гурьева с оригинальным репертуаром, студия «Пятый этаж» А. Дурова и театр «Гармония» Г. Пухальской; в Пятигорске – театры-студии В. Собчака и Ю. Томашевского;

в Невинномысске – театр пантомимы. Все эти коллективы вносили оживление и новизну в театральную культуру Ставрополья того времени.

Ближе к дню сегодняшнему

Итак, историческая хронология жизни и творчества театра-юбиляра приблизилась к дням сегодняшним, где все текуче, ещё только-только оформляется в памятные кристаллы спектаклей, поставленных разными режиссёрами, ролей, сыгранных актёрами разного возраста, всё это ещё предстоит осмыслить. Надо не забывать, что формат исторических месседжей в блоге Facebook требует для изложения простительной беглой читательской лёгкости, без академических красот стиля и далеко идущих выводов.

Два последних десятилетия истории театра-юбиляра в нынешнем веке впитали в себя многое из того, что завещали талантливые предшественники в опыте театральных поколений, который вроде бы и есть, но, увы, не ощутим, его, как костюм, на себя не примеришь. Таково сиюминутное искусство театра, сеющее разумное, доброе, вечное не в мраморе и бронзе на века, а в некой иллюзорной реальности. Нынче есть возможность фиксировать спектакли на разных электронных носителях, но их просмотры через несколько лет вызывают в восприятии некоторое отторжение архаикой и вчерашними смыслами, потому как на дворе другое время, другие ритмы и интонации.

Сегодняшняя жизнь нашего театра-юбиляра продолжается привычными путевыми зигзагами уже описанных предшествующих поколений.

В 2002 году его покидает главный режиссер А. Малышев, следом уходит главный художник Л. Чёрный, актёры Н. Антюхова, В. Ананьин, безвременно ушедшие в мир иной В. Савинов и В. Зоря, М. Михайлов, оставившие о себе добрую память, и другие. В театре остается преданный своему родному творческому дому режиссёр В. Бирюков, постоянно ставит спектакли актриса Н. Зубкова, а также приглашённые режиссёры. Фактически театр отказался от должности главного режиссёра, как ответственного за творческую составляющую жизни театра, стал обходиться, под умелым руководством опытного директора театра Е. Луганского, приглашёнными на разовые постановки известными российскими и зарубежными режиссёрами.

Это не ноу-хау нашего юбиляра, большинство театров современной провинции живут в единоначалии директора или главного режиссёра с директорскими полномочиями распорядителя кредитов, или ведущего актёра с теми же полномочиями. Так, вроде бы, всем спокойнее: нет трений между лидерами, актёрам нет возможности вбить клин раздора между ними, режиссёрам проще приехать, поставить оговоренный гонорарный спектакль, художнику – его оформить и уехать восвояси в другой театр. Поставленные ими спектакли остаются бесхозными, вводы новых исполнителей вместо выбывших делают актёры, спектакль остается на попечении, как говорится, семи нянек.

Сейчас в ряде российских театров пытаются восстановить отдельное административное и творческое руководство театром как наиболее жизнеспособное.

Среди приглашённых постановщиков следует помянуть добрым словом Ю. Еремина, поставившего не бесспорные, но интересные по задумке спектакли в собственной сценической редакции по драматургии и прозе М. Лермонтова, А. Чехова и других, с актёрами В. Зорей, А. Ростовым, И. Барташом и другими. Хорошие отзывы ставропольских зрителей получили спектакли белорусских режиссёров: «Недоросль» (Д. Фонвизин) в постановке минского режиссера М. Ковальчика с Н. Зубковой, Б. Щербаковым, О. Хомутовым в главных ролях, «Одураченный муж» (Мольер) в постановке также минского режиссёра С. Ковальчика с великолепным Жоржем Данденом в исполнении А. Жукова. Спектакль «Колыбельная для Гамлета» – необычный лабораторный, по существу, международный постановочный проект с молодыми актёрами театра-юбиляра, побывал на международном театральном фестивале в Турции (Анкара). Стоит отметить и спектакль «Страсти по Торчалову» (Н. Воронов) в постановке Н. Зубковой с М. Новаковым, Б. Щербаковым в главных ролях и другие.

Современные спектакли театра-юбиляра отличает хороший актёрский ансамбль с наличием удачного исполнения как главных, так и эпизодических ролей (второго плана), то есть присутствуют режиссёрская и актёрская разработка спекта-

кля, внешняя сценическая культура в костюмах, оформлении сцены с элементами компьютерного дизайна, ставшего уже для зрителей привычным. Приглашаются талантливые театральные художники по костюмам и хорошие балетмейстеры. Техническое оснащение сцены – свет, звук, машинерия соответствуют современным российским стандартам.

Сейчас в репертуаре театра спектакли по пьесам А. Островского, В. Шукшина, П. Гладилина, В. Сигарева, Б. Васильева, Лопе де Вега и других авторов. Афиша театра-юбиляра вполне соответствует общему направлению поисков современных и классических авторов в среднестатистическом крупном российском провинциальном театре.

В последние два десятилетия театр позаботился о молодёжной смене с высшим образованием, прошли выпуски актёрских курсов под руководством А. Малышева и Н. Зубковой. Часть выпускников задержалась в труппе театра и интересно работает в его спектаклях, среди них: О. Винникова, Е. Задорожный, А. Кошелевский, Ф. Харций, О. Хомутов, П. Полковникова, В. Лепа и другие, сюда добавились приехавшие из других театральные вузов – Г. Серебрянский, М. Подзолко. Многие из них отмечены федеральными и региональными почётными званиями, премиями и стипендиями Губернатора Ставропольского края, Союза театральных деятелей РФ.

Сегодня в театре работают профессионалы: заведующая музыкальной частью, член Союза композиторов РФ Е. Софронова, заведующий труппой

Ю. Иванкин, заведующая литературной частью В. Куникина, заместитель директора – С. Панюков. За два последних десятилетия в театре сложился костяк высококвалифицированных работников различных специальностей, без которых немислим ежедневный показ спектаклей: К. Хоменко, Р. Киселев, И. Свибильская, Г. Тюков.

Нынешние карантинные напасти смешали далеко идущие планы театра-юбиляра, волей-неволей заставили перейти в виртуальное пространство с различными театральными задумками и реализованными проектами – от чтения стихов, отрывков из спектаклей до постановки небольших сюжетных клипов. В этом особенно преуспели А. Ростов, Б. Щербаков, С. Колганова, Л. Ковалец, Л. Гольдман, И. Барташ, В. Задорожный и другие.

Театр не потерял своих почитателей, откликающихся на аудиовизуальные постановки одобрительными лайками и немалым количеством посещений страниц театра в социальных сетях, в которых квалифицированно работали П. Лыкова, Ю. Иванкин, О. Самсонова. Будем надеяться, что с изменением карантинной ситуации в новом сезоне театр-юбиляра возобновит привычный для зрителя и актёров показ спектаклей.

Дальнейшие главы исторического повествования о театре-юбиляре предполагается посвятить блиц-портретам актёров, режиссёров, директоров, художников, внесших весомый вклад в его славное прошлое и настоящее, и тем самым логически завершить его виртуальную юбилейную историю.

Дизайн и вёрстка: Е.А. Вотинцева
Корректор: Е.Л. Ясинская

Подписано в печать 02.11.2022 г.
Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «Georgia». Усл. печ. л. 10,00. Уч. изд. л. 8,26.
Заказ № 1074. Тираж 979 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Вектор-Принт».
650021, г. Кемерово, ул. Стахановская, 1-я, 39а.